

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ПАМЯТИ ЖЕРТВ
РЕПРЕССИЙ ПРИ КАБИНЕТЕ МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
ФОНДА ИМ. КОНРАДА АДЕНАУЭРА ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

УСТНАЯ ИСТОРИЯ (ORALHISTORY)
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКЕ:
*МЕТОД, ИСТОЧНИК, КУЛЬТУРНО–ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ*

Сборник статей Международной,
научной конференции 1 ноября 2018 г.

Ташкент 2019

**ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ПАМЯТИ ЖЕРТВ
РЕПРЕССИЙ ПРИ КАБИНЕТЕ МИНИСТРОВ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО
ФОНДА ИМ. КОНРАДА АДЕНАУЭРА ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

**УСТНАЯ ИСТОРИЯ (ORALHISTORY)
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКЕ:
*МЕТОД, ИСТОЧНИК, КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ***

*Сборник статей Международной, научной конференции
1 ноября 2018 г.*

Ташкент 2019

УДК 728.638(8)
ББК 85.14.(У) И32

Ответственный редактор:

доктор исторических наук Хасанов Б.В.

Редакционная коллегия:

*доктор исторических наук Хасанов Б.В.,
кандидат исторических наук Сабиров А. Т.,
кандидат исторических наук Татыбаев А. С.,
кандидат исторических наук Зикруллаев М. Ф.*

Техническая редакция:

Руслан Багапов

Устная история (oral history) в отечественной и зарубежной практике: метод, источник, культурно-образовательные технологии: сборник статей Международной научной конференции (1 ноября 2018 г., г. Ташкент). Ташкент 2019г., издательство «Навруз». - 204 с.

Настоящий сборник составлен по итогам Международной научной конференции **«Устная история (oral history) в отечественной и зарубежной практике: метод, источник, культурно-образовательные технологии»** состоявшейся 1 ноября 2018 г. в г. Ташкенте. В сборнике статей рассматриваются современные вопросы и практика применения результатов научной дисциплины, «устная история», обладающей собственным методом исследования, с помощью которого осуществляется фиксирование знания отдельной человеческой личности об эпохе, в которой жил человек.

Сборник предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, докторантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке материалов сборника статей Международной научной конференции ссылка на сборник статей обязательна.

Данное издание осуществлено при финансовой поддержке Регионального Представительства Фонда им. Конрада Аденауэра по Центральной Азии

ISBN 978-9943-5622-0-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение Регионального уполномоченного Представительства Фонда им. Конрада Аденауэра по Центральной Азии (Германия) Д-ра Томаса Кунце	5
Предисловие академика Академии Наук Республики Узбекистан, доктора исторических наук, профессора Ахмадали Аскарова	7
Предисловие академика Академии Наук Республики Узбекистан, доктора филологических наук, профессора Наима Каримова	11
Р.Киндлер Oral history: потенциалы и методологические вызовы	12
Б.Хасанов, А.Сабилов Устная история как инновационный подход в музейном деле (на примере Государственного музея Памяти жертв репрессий)	24
Т.Щеглова Устная история в Российской исторической практике: опыт и значение	33
Д.Алимова «Социальная история» и ее изучение в Узбекистане	49
Б.Ракишева, А.Мажитова, Г.Ашкенова, Г.Емишева «Международные исследования по методике "oral history": опыт Казахстана»	68
И.Фукалов Устные предания-плачи (кошоки) по событиям Уркуна 1916 год	83
А.Сабилов Устная история как метод и источник исторического исследования. опыт Узбекистана	90
К.Абдуллаев Устная традиция как источник изучения истории Средней Азии 1920-1930-х годов	103
А.Сайтов Развитие устной истории в Каракалпакстане	114
С.Нуржанов Из опыта историко-социологических исследований в Каракалпакстане	124
А.Сеитов Особенности использования метода наблюдения в устно-исторических исследованиях	135
В.Хан Воспоминания корейских переселенцев об участии в «трудовой армии» в годы войны и их репрезентация: мифы и историческая реальность	142

К. Каланов	Историко-социологические аспекты изучения социальной памяти поколений (на примере Ташкентского землетрясения 1966 года)	151
Д.Ташмухамедова	Устная история как метод исследования института семьи	159
Р.Назаров	Роль устной истории в теории и практике этнической политики	163
М.Зикруллаев	Роль материалов устной истории в изучении деятельности «Общества Уламо»	172
А.Казбекова	Депортация чеченцев в материалах архива и устной истории (на примере Восточно-Казахстанской области)	177
Н.Назаров	Устная история как фактор развития этнокультурных традиций	190
Х.Кадирова	К вопросу социального аспекта в устной истории	194
Х.Холмирзаев	Устная история в изучении повседневности	197

Введение

Любые технологии, связанные с актуализацией памяти, интерпретацией или забвением прошлого, преодолением социальной травмы проявляются в общей памяти только через фокус памяти индивидуальной.

Историческая память не консолидируется с ростом каналов и масштабов информации: ее цементирующим фактором может выступить актуализация биографической исторической памяти, устная история.

«Устная история» не способна отделить себя от человеческой памяти. И в то же время это — история. Именно «устная история» демонстрирует нам, что память — основа истории.

Возрождение «устной истории» сегодня — симптом новых отношений между историей и памятью, что особенно очевидно в обществе, где отношения между историей и памятью десятилетиями пресекались. И в силу особых отношений с памятью «устная история» вновь обращает нас к самим основаниям и предпосылкам Истории, требуя и позволяя тем самым задуматься над вопросом, что же такое История, каковы отношения между Историей и Человеком, как меняются эти отношения.

Важно, что устная история предлагает новые подходы в исследовании прошлого — через изучение субъективного начала в истории, массового и индивидуального исторического сознания XX в., механизмов исторической памяти. Создаваемая «устными историками» источниковая база расширяет поле деятельности историка-исследователя. Занятие устной историей формирует умение работать с разного вида источниками и критическое отношение к ним. Научное назначение устной истории состоит в том, что она учит самостоятельно разбираться в прошлом, давать оценки событиям и явлениям новейшей истории, минимизировать политическое и идеологическое давление СМИ, ангажированных публицистов,

политиков и историков, формировать свою точку зрения.

Целью конференции «Устная история в отечественной и зарубежной практике: метод, источник, культурно-образовательные технологии», было обсуждение насущных проблем исследований, публикаций и презентаций записей рассказов полученных методом устной истории. Дискуссия по проблемам устной истории подразумевает вопросы: Как создавать устный источник? Как формат интервью влияет на результат, что и как помогает «разговорить» людей? В какой степени можно доверять свидетелю и как анализировать его воспоминания? Какие проблемы возникают при транскрибировании материала? Как рассказы свидетелей воспринимаются в обществе и меняют его?

В Германии «устная история» развивалась параллельно истории повседневности. Проекты посвящались, прежде всего, периоду национал-социализма и истории ГДР: в центре внимания исследователей был поставлен «жизненный опыт» современников. Одновременно с ростом числа проектов по местной истории, активизировалось сообщество социологов-биографов, удалось выработать «герменевтический» метод анализа интервью.

В нашей конференции приняли участие исследователи из стран Центральной Азии, Германии, России, занимающиеся различными аспектами устной истории XX века. Полагаю, взаимообмен опытом устно-исторических исследований был полезным для всех участников конференции и станет таковым для всех читателей данного сборника статей.

Д-р Томас Кунце
*Региональный уполномоченный
фонда имени Конрада Аденауэра
по Центральной Азии*

Предисловие

Историческая наука XX-XXI вв. характерна появлением новых, нетрадиционных для мировоззрения классического историка-исследователя концептуальных систем познания прошлого, инновационными подходами в представлении об объекте исторического исследования – историческом источнике. Этот новый подход вытекает из постулата о неисчерпаемости и неограниченности исторического источника как объекта изучения и познания для исследователя и приводит к поиску новых алгоритмов изучения прошлого.

Сегодня в мировой исторической науке растет популярность тех направлений, которые пользуются в научном сообществе репутацией передовых и новаторских. В их числе, находятся исследования, написанные в жанре «устной истории», что открывает совершенно новые исследовательские перспективы и возможности.

Под устной историей понимается научная дисциплина, обладающая собственным методом исследования — интервью, с помощью которого осуществляется фиксирование определенного знания отдельной человеческой личности об эпохе, в которой жил человек. Это направление основано на записи (как правило, с применением аудио- и видеотехники) устного рассказа очевидцев тех или иных событий, воспоминаний на заданную тему.

Устная передача истории не является открытием. Напротив: это древнейшая форма изложения истории вообще.

Достаточно вспомнить «отца истории» Геродота и Фукидида, которые активно расспрашивали очевидцев описываемых им исторических событий

Относительно новым, однако, является применение в рамках исторических исследований практики систематического интервьюирования, ставящего своей задачей сбор устных воспоминаний об определенных исторических личностях или событиях. Планирование, проведение и интерпретация таких

интервью и есть составляющие исследовательской техники, известной как «устная история»

Метод «устная история» получил более широкое распространение уже во второй половине XX в. после публикации работ профессора Колумбийского университета Аллана Невинса. Он в 1948 г. организовал исследование по устной истории, посвященное пионерам сейсмологических и морских геофизических исследований. В дальнейшем устная история даже активно привлекается историками точных и естественных наук.

В 1967 г. была создана Ассоциация устной истории США, двумя годами позже аналогичная организация появилась в Великобритании.

Как метод исторической науки устная история позволяет сохранить свидетельства непосредственных участников исторических событий, «маленьких людей», которые в официальных источниках фигурируют только в качестве статистических единиц, а часто и вообще забыты. Благодаря устной истории прошлое предстает через мировоззрение рядовых участников исторического процесса. С помощью методов устной истории мы имеем возможность собрать мнения разных людей и тем самым сделать реальный шаг к достижению более полного, адекватного знания о прошлом. Особенно это касается эпох и сюжетов, изучение которых было под запретом или производилось только по тенденциозным, официальным источникам.

Необходимо подчеркнуть, что при использовании материалов устной истории требуется определенная осторожность. Личное восприятие человека субъективно, и факты могут быть искажены в силу политической, классовой, национальной и религиозной тенденциозности, слабой информированности и т.д. Зато источники, полученные специально разработанным методом устной истории, востребованы для изучения человеческого сознания разных периодов и его трансформации, отражения в нем тех или иных исторических событий. Они дают богатый материал для исследований по исторической антропологии, микроистории, истории ментальностей, истории повседневности, истории частной жизни, исторической

психологии и других историко-антропологических направлений.

Современный этап исторических исследований это время коренных изменений в отечественной историографии и бурных дискуссий о будущем исторической науки. Научные споры демонстрируют не только концептуальный плюрализм, но и появление новых мнений и взглядов на будущее историков.

При этом, коренные изменения в мировой историографии существенно влияют на проблематику исторической науки и в Узбекистане.

Реакция национальных исторических школ на глобализационные процессы проявляется, например, в обращении к локальной истории. Поиски научных ответов на возникающие вопросы в области развития узбекистанского общества в рамках таких методологических подходов, как микроистория и повседневность, устная и визуальная история также отражают попытки исторической самоидентификации.

Особенностью современного состояния узбекистанской исторической науки выступает расширение и изменение источниковой базы, а так же методологических подходов и инструментария исследования. Этот процесс, непосредственно связан с включением отечественного исторического сообщества в международную научную среду и освоением тех методических и методологических разработок, которые уже были апробированы исторической наукой, но к нам пришли с опозданием. Отставание, сейчас преодолевается, о чем свидетельствует возросший интерес к технологиям устной истории.

В этой связи, я хотел бы отметить свой маленький скромный вклад в развитие этого метода. Будучи директором Института истории Академии Наук Узбекистана я познакомился с Сулаймоном Азимовым имеющего прекрасную память. Он был личным секретарем и самым приближенным человеком советского государственного и партийного деятеля, первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана в 1937—1950 годах Усмана Юсупова.

Молодые ученые Института, по моей просьбе, записали на диктофоне его уникальные воспоминания, и мы стали обладателями ценных фактов советского прошлого, свидетелем которых он сам был, связанных с представителями политической и интеллектуальной элиты Узбекистана того периода, причем не зафиксированных в архивах.

В завершение хотелось бы отметить, что данная конференция на тему «Устная история в отечественной и зарубежной практике: метод, источник, культурно-образовательные технологии» является убедительным примером возросшего интереса к этому инновационному, хотя и не бесспорному методу и источнику исторического исследования. До сих пор идут споры среди ученых о степени достоверности устных источников, терминологии метода, его особенностей и интерпретации. Однако как говорили древние «в споре рождается истина». Устно-исторические исследования, несмотря на различные отношения к ним, действительно очень интересны и уникальны.

Поэтому, узбекские историки, так же как их коллеги из соседних стран, пытаются разработать и применить данный метод в своих исследованиях.

Участники конференции обсудили многие вопросы заданной тематики. Это потенциалы и вызовы устной истории, различный опыт исследований национальных школ по oral history, инновационные, методологические подходы и воспитательные функции данного метода.

Я уверен дискуссия была полезной, и надеюсь на дальнейшую интеграцию ученых историков по развитию этого метода в нашем регионе.

Ахмадали Аскар
*Академик Академии Наук
Республики Узбекистан,
доктор исторических наук, профессор.*

* * * * *

Значение международной конференции, посвященной устной истории, как одного из важных методов сбора и сохранения материалов уходящей истории, неопределимо. Нет такого историка или писателя, занимающегося вопросами истории, который не обратился бы к устной истории, к живым свидетелям недавней истории, будь это Вторая мировая война, или т.н. «бульдозерская выставка» хрущевских времен. Именно благодаря информации, полученной от живых свидетелей, историки и писатели могут проливать свет в темные страницы истории и раскрыть историческую правду.

Говоря о значении устной истории, я не хочу умолять значение архивных материалов, а так же исторической и мемуарной литературы. Настоящий историк лишь тогда добивается большого успеха, когда он одинаково активно и критически относится к этим источникам.

Мне хотелось бы особо подчеркнуть слово «критически». Мы знаем не мало случаев, когда полководцы Второй мировой войны одну и ту же военную операцию интерпретировали по разному. Мы знаем тысячи случаев, когда следователи НКВД, как в Москве, так и в Ташкенте, не только заставляли оклеветать заключенных, но и сами грубо искажали факты их жизни и деятельности. Выявлять правду из тонны лжи из энкеведовских архивов - дело не простое.

Нельзя сказать, что в устной истории все обстоит гладко. Респондент – это живое существо со своими симпатиями и антипатиями. В зависимости от своего настроения он может придать своему рассказу иную окраску. Будучи не очень хорошо осведомленным, он может «творить» во время беседы с историком. Не исключено, что люди по мере своего старения вполне могут запутать не только имена и даты, но и суть рассказываемой истории.

Мне много приходилось вести беседы с родственниками и современниками узбекских писателей, ставших жертвой периода сталинских репрессий. Одна из сестер Чулпана, видного узбекского поэта, мне и другим литературоведам

предоставила возможность записать из ее уст некоторые стихи, которых подпевал ее брат. Однако, как позже выяснилось, часть этих стихотворений вовсе не принадлежали Чулпану, а принадлежали другим, тоже репрессированным поэтам. А племянница Усмана Насыра на основе устной истории внесла в узбекское насыроведение такую путаницу, что теперь правду о трагической судьбе этого поэта найти будет очень и очень трудно.

Но эти мои слова не должны запугать значение методов устной истории... Вышесказанное свидетельствует лишь о том, что какое бы выдающееся значение не имела устная история, к информации, полученной от респондентов всегда следует относиться критически. Только вооруженный критическим взором ученый сможет отличить правду от правдоподобия.

Наим Каримов

*Академик Академии Наук
Республики Узбекистан, доктор
филологических наук, профессор*

ORAL HISTORY: ПОТЕНЦИАЛЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

*Устная история: потенциалы и методологические вызовы*¹

„Очевидец – самый большой враг историка“. Каждый немецкий студент, изучающий историю, знаком с этим замечанием и хотя бы один раз смеялся над этим. И каждый историк, разумеется, подумал хотя бы один раз: "Именно так оно и есть". Конечно, фраза ироничная. Но в ней содержится, как и в любом хорошем анекдоте, доля истины: Высказывание о том, что "очевидец враг историка", указывает на то, что

¹ Я хочу поблагодарить Азиза Татибаева и Абдуллажона Мамажонова за замечательный перевод моей статьи с немецкого языка.

устная история как метод всё ещё является спорной и частично подвергается жесткой критике. О чем идет речь в этих дебатах?

В основе всех споров лежит вопрос о том, можно ли вообще что-то узнать о прошлом, когда люди рассказывают о прошлых событиях. Получим ли мы из этих рассказов истории и воспоминания, которые мы не получили бы из других источников?² Или это структурно невозможно, потому что человеческая память никогда не содержит отражение „прошлого“, а только постоянно изменённую и обновленную версию? Значит ли это, что „память обманывает“?³ Что это значит для нас историков, если предположение неврологов и психологов окажется верным, что мозг человека постоянно воссоздает и соединяет воспоминания?⁴

Настоящая статья состоит из трёх разделов. В первом разделе "очевидец - друг историка" я кратко опишу потенциал устной истории и изложу, чего ожидают от неё её сторонники. Во втором разделе "очевидец - враг историка" я рассмотрю критику, которая была высказана и высказывается в адрес устной истории. При этом речь пойдёт, в частности, о проблеме, как на самом деле функционирует человеческая память и что это означает для аутентичности воспоминаний. В третьем разделе "очевидцы, историки и их друзья" я постараюсь описать потенциал устной истории, которая осознает возражения своих критиков. При этом я утверждаю, что историки должны более интенсивно заниматься вопросом о том, для чего на самом деле служат интервью и для каких вопросов они не представляют хорошую источниковую основу. Мы не должны воспринимать индивидуальные воспоминания как источники о прошлых событиях и взаимосвязях. Скорее,

² Julia Obertreis: Oral History. Geschichte und Konzeptionen, in: Julia Obertreis (ed.): Oral History, Stuttgart 2012, 7-30.

³ Harald Welzer: Re-narrations. How pasts change in conversational remembering, in: Memory Studies 3 (2010) 1, 5-17.

⁴ Sina Kühnel, Hans J. Markowitsch: Falsche Erinnerungen. Die Sünden des Gedächtnisses, Heidelberg 2009. Все эти вопросы обсуждают эксперты на веб-сайте H-OralHist: <https://networks.h-net.org/ZZ-about-oralhist-ZZ>.

мы должны понимать их как попытку, придать смысл своему собственному существованию. Воспоминания - это в первую очередь заявления о настоящем, в которых люди объясняют, как они стали теми, кем они являются. Чтобы надлежащим образом интерпретировать эти воспоминания, историки должны сотрудничать с экспертами других дисциплин; с социологами и антропологами, а также с неврологами и психологами.

Очевидец - друг историка, или: потенциалы устной истории.

С устной историей связана надежда на развитие новых перспектив в изучении прошлого, которые в исследованиях еще не затронуты. Это изучение происходит на основе вопросов историка, а также на основе возможно неожиданных ответов респондентов. Эта возможность "противоречия" показаний очевидцев является тем, что сторонники устной истории подчеркивают как особую ценность данного метода. Именно субъективность воспоминаний, индивидуальный взгляд на прошлое имеют особое значение для историков, потому что они порой коренным образом отличаются от известных и установленных рассказов о прошлом. С этой точки зрения, устная история является гарантом получения свежих, новых взглядов. Часто отмечают, что воспоминания очевидцев иногда являются единственным доступным источником для определенных тем. Именно история социальных и социально маргинализированных групп получила огромную пользу от того, что "простые" люди могли высказать "свои" истории.⁵ В то же время, повествование „невысказанных“ историй часто является актом эмансипации от доминирующих образов истории, которые исключают или маргинализируют многих

⁵ Anke Stephan: *Erinnertes Leben: Autobiographien, Memoiren und Oral-History-Interviews als historische Quellen*, in: *Digitales Handbuch zur Geschichte und Kultur Russlands und Osteuropas* 10, München 2004 (<https://pub.ub.uni-muenchen.de/627/1/Stephan-Selbstzeugnisse.pdf>). см. также: Paul Thompson: *The Voice of the Past. Oral History*, New York 2000.

участников и их перспективы. Именно эти аспекты в 1970-х и 1980-х годах в Западной Европе и в США вызвали у многих историков восторг от „рассказанной истории“. В крупных проектах уже начали выступать рабочие, женщины и крестьяне.⁶

Тем не менее, устная история в Западной Европе и в США получила самый важный толчок для своего развития, когда в 1980-х годах совпали три явления: с одной стороны, растущее значение микро и повседневной истории, которая ставила вопрос о „субъективном толковании“ исторических участников. С другой стороны, все более интенсивное изучение холокоста также способствовало растущему значению устной истории, как например, растущая популярность очевидцев, которые на основе своего личного опыта рассказывали о войне, преследовании и уничтожении.⁷ Рассказывая о своих переживаниях, очевидцы удовлетворяли растущую потребность в "аутентичной" информации и перспективе на определенные этапы прошлого. В то же время, это означало для респондентов, что они получали прерогативу толкования „своих“ историй. В частности, для оставшихся в живых жертв холокоста это был поздний – многократно отмеченный историками - триумф над преступниками тех времён, которые хотели заставить их замолчать. Отдельный человек мог высказывать свою точку зрения о прошлом и привести её в

⁶ Obertreis, Oral History, 9. Важные проекты были например: Survivors of the Shoah Visual History Foundation <http://www.vhf.org/visual-history-archive-videos-holocaust-survivors-testimonies>; The Commonwealth Oral History Project <https://commonwealthoralhistories.org/>; Online-Archiv Zwangsarbeit 1939–1945 <http://www.zwangsarbeit-archiv.de>; Born in Slavery: Slave Narratives from the Federal Writers' Project, 1936 to 1938 <https://www.loc.gov/collections/slave-narratives-from-the-federal-writers-project-1936-to-1938/about-this-collection/>; Memory of Nations <http://www.memoryofnations.eu/>.

⁷ Michael Pollak: Die Grenzen des Sagbaren. Lebensgeschichten von KZ-Überlebenden als Augenzeugenberichte und als Identitätsarbeit, Frankfurt am Main 1988; Ulrike Jureit: Erinnerungsmuster. Zur Methodik lebensgeschichtlicher Interviews mit Überlebenden der Konzentrations- und Vernichtungslager, Hamburg 1999; Jan Taubitz: Holocaust Oral History und das lange Ende der Zeitzeugenschaft, Göttingen 2016.

самоизбранный порядок.⁸ Историк Ульрика Юрайт сформулировала это таким образом: "Рассказанный обзор жизни представляет собой, прежде всего, попытку индивидуального порядка, своего рода хореографии собственной жизни. Респондент использует для этого пережитый самим материал и выстраивает его по своим текущим потребностям. Здесь происходит "творческая встреча со своим прошлым", - пишет Юрайт. И далее она продолжает: „Поэтому рассказанные жизненные истории являются, прежде всего, местом субъективного [...] толкования, они являются местом личного смысла.“⁹ То, что здесь трактуется в качестве преимущества, указывает, однако и на проблемы устной истории.

Очевидец - враг историка или: методологические проблемы устной истории

Критика в адрес устной истории не прекращается с тех пор, как этот метод был создан в 1970-х и особенно в 1980-х годах. Однако, в течение десятилетий изменились претензии, которые высказывались и высказываются представителям устной истории. При этом те темы, которые обсуждались, в частности, в первые годы, сегодня уже не актуальны. Тогда историки спорили, прежде всего, о том, насколько субъективные рассказы могут быть репрезентативными, и вообще какую ценность может иметь перспектива отдельных лиц для „объективного“ образа прошлого. В ходе культурологического поворота¹⁰ и растущего понимания того, что не может быть единого взгляда на историю, а наоборот того, что „история “ всегда является результатом многочисленных перспектив, эта дискуссия в значительной степени прекратилось.

⁸ О этических и юридических вопросах устной истории: Is Your Oral History Legal and Ethical?, in: <http://www.ohs.org.uk/advice/ethical-and-legal/>

⁹ Ulrike Jureit: Das Leben wird vorwärts gelebt und rückwärts verstanden. Mündlich erfragte Fallgeschichten als Quellen historischer Forschung, in: Susanne Düwell, Nicolas Pethes (Hg.): Fall – Fallgeschichte – Fallstudie. Theorie und Geschichte einer Wissensform, Frankfurt am Main u. a. 2014, 227–241.

¹⁰ Культурные повороты, in: <https://postnauka.ru/longreads/80747>.

Неоднократно указывалось и на методологическую проблему, заключающуюся в том, что историк со своими предположениями и вопросами в значительной степени влияет на ответы респондента. Таким образом, он активно участвует в построении источников, которые он позже сам же и интерпретирует. По этому поводу можно было бы также сказать: здесь историки сами создают свои источники.¹¹ Но этой претензии можно легко возразить, указывая на то, что здесь в конечном счете речь идёт "только" о форме селекции и отбора источника, которые являются основополагающей частью работы историка.

Весомее, однако, являются другие пункты: В 1990-х и 2000-х годах начали поднимать вопрос об аутентичности индивидуальных воспоминаний. Критика накалялась, прежде всего, по трём пунктам: во-первых, по тенденции очевидцев, „гармонизировать" свои жизненные истории, и при этом (сознательно или бессознательно) не тематизировать разрывы и противоречия. В Германии эта проблема была осознана широкой публикой в середине 1990-х годов. Тогда прошли значительные споры о роли германского вермахта во Второй мировой войне. В то время когда историки смогли доказать, что вермахт был активно вовлечен в национал-социалистическую политику уничтожения, многие ветераны решительно протестовали против этой точки зрения. По их мнению, солдаты вермахта сражались с честью. На протяжении десятилетий практически никто не возражал этой перспективе.¹²

Теперь обратимся ко второму пункту критики: многие очевидцы имеют тенденцию, вписывать свои воспоминания в устоявшиеся традиции повествования. Собственная история

¹¹ Alexander C.T. Geppert: Forschungstechnik oder historische Disziplin? Methodische Probleme der Oral History, in: Geschichte in Wissenschaft und Unterricht, 45 (1994) 5, 314.

¹² С выставкой можно познакомиться здесь: <http://www.verbrechen-der-wehrmacht.de/docs/home.htm>. Коротко о дебатах: Vor 20 Jahren: Eine Ausstellung über Verbrechen der Wehrmacht polarisiert Deutschland <http://www.bpb.de/politik/hintergrund-aktuell/244026/wehrmachtsausstellung>.

ориентируется на известные и, казалось бы, надежные моменты "большой" истории. Это позволяет легко рассказать о прошлом. По крайней мере, до тех пор, пока доминирующее толкование не изменится. Затем возникают конфликты. Например, в случае дебатов о вермахте или после распада ГДР, когда до этого момента доминировавшие образы истории за одну ночь потеряли свое значение и граждане ГДР должны были адаптировать свои планы жизни к новому повествованию. Иногда индивидуальные воспоминания также ориентируются на отдельные, особенно успешные примеры. Например, многие жертвы репрессий и преследований, которые рассказывали о своем опыте в нацистских концентрационных лагерях или в сталинском ГУЛАГе, ориентировали свои истории на известные и опубликованные мемуары и толкования. Причиной этого является многими респондентами принятое ожидание историка.¹³ Однако от таких воспоминаний вряд ли можно будет ожидать новых взглядов на прошлое.

И, наконец, третьим аспектом является то обстоятельство, что люди не обязательно рассказывают о том, что они пережили, а о том, что они считают, что они пережили. При этом, они не обязательно лгут, но по разным причинам они убеждены в том, что это так должно было быть. Так, например, многочисленные оставшиеся в живых после бомбардировок союзников в городе Дрезден в феврале 1945 года рассказывали о том, что они были обстреляны пулеметами из низко летящих бомбардировщиков, хотя по этому поводу нет ни одного доказательства - кроме этих воспоминаний.¹⁴ Но люди, которые рассказывали о стрельбе из пулемёта, лгали не сознательно, а высказывали "ложные воспоминания".¹⁵ Этот феномен впервые

¹³ См. например: Irina Sherbakova: *The Gulag in Memory*, in: Luisa Passerini (ed.): *Memory & Totalitarianism*, New York 1992, 103-116.

¹⁴ Abschlussbericht der Historikerkommission zu den Luftangriffen auf Dresden zwischen dem 13. und 15. Februar 1945:

http://www.dresden.de/media/pdf/infoblaetter/Historikerkommission_Dresden1945_Abschlussbericht_V1_14a.pdf

¹⁵ Kühnel/Markowitsch, *Falsche Erinnerungen*, 3-5.

был описан психиатром Эмилем Крепелином более 130 лет назад.¹⁶ Однако историки и социологи в значительной степени игнорировали вытекающие из этого последствия еще несколько лет назад. Причины, по которым возникают такие „ложные воспоминания“, столь же разнообразны, как и сложны. В нашем контексте надо, прежде всего, отметить, что „истина автобиографической памяти подлжит социальным критериям подтверждения; (и) эти критерии не связаны [...] с фондом объективных данных.“¹⁷ Впечатляющими иллюстрациями этого обстоятельства являются случаи «путаницы источника», в которых людям кажется правдоподобным, что они стали очевидцами какого-либо события, которого они по достоверным источникам не могли пережить. Хорошо известна история бывшего президента США Рональда Рейгана, который со слезами на глазах вспоминал об одном эпизоде Второй мировой войны, когда одному летчику самолёта-бомбардировщика в последний момент удается посадить сбитый самолет. Единственная проблема в этой истории: сам Рейган не пережил этого, очевидно, что он рассказывал об одном из эпизодов художественного фильма, который он видел.¹⁸

Со всеми нами происходит точно также как с Рональдом Рейганом. То, что мы называем нашими "воспоминаниями", состоит из множества впечатлений, ощущений и фрагментов памяти, которые могут исходить из совершенно разных источников. Человеческий мозг на основе нашего опыта постоянно создает их заново и по-разному. Каждый новый опыт при этом ассоциируется с существующим опытом. Другими словами, когда мы получаем новый опыт, мы меняем свое представление о прошлом. Означает ли это, что " память

¹⁶ Emil Kraepelin: *Ueber Erinnerungsfälschungen*, in: *Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten*, 17 (1886) 3, 830–843.

¹⁷ Harald Welzer: *Erinnerung und Gedächtnis. Desiderate und Perspektiven*, in: Christian Gudehus, Ariane Eichenberg, Harald Welzer (Hg.): *Gedächtnis und Erinnerung. Ein interdisziplinäres Handbuch*, Berlin 2010, 1-10.

¹⁸ Harald Welzer: *Das Kommunikative Gedächtnis. Eine Theorie der Erinnerung*, München 2008, 43.

обманывает“, как об этом иногда полемически утверждают? Это не так просто. Человеческий опыт и воспоминания скорее хранятся в нейронных сетях, которые различным образом связаны друг с другом. Что, о чем и каким образом мы „помним“, зависит от множества внешних и внутренних факторов. Мозг может воспроизводить изображения, запахи, звуки и другое содержимое, но он также может их изменить – в зависимости от времени, в котором он находится. Другими словами, потребности времени структурируют наши индивидуальные воспоминания и истории.

Сюда относятся также забывание и вытеснение. И то, и другое является составной частью функции человеческой памяти. Только потому, что мы забываем, мы можем справиться со сложностью нашей окружающей среды вообще. А почему некоторые события забываются, а другие-нет - это зависит от множества самых разных факторов. Среди прочего, важную роль играют в этом эмоциональные аспекты: то, что особенно затрагивает человека, лучше сохраняется в памяти и может быть позже легко восстановлено. В то же время, чем чаще воспроизводится определенное событие, тем лучше его запомнить. Сюда относятся еще аспекты поколений. Особенно хорошо запоминаются события, которые люди переживают во втором и третьем десятилетиях жизни.¹⁹ К забыванию относится также вытеснение травматического опыта. Люди, которые стали жертвами насилия, часто не могут или не хотят говорить о случившемся, потому что это может повредить их душевному здоровью. Но что произойдет, если из-за вопросов историка снова откроются старые раны? Психологи и психиатры принимают обширные меры предосторожности, чтобы уберечь своих пациентов от повторной травматизации. Историки, однако, часто не осознают те опасности, которые могут возникнуть у их респондентов во время воспоминания.

В совокупности все эти размышления указывают на одно важнейшее возражение, которое неоднократно выдвигалось в

¹⁹ Kühnel, Markowitsch, Falsche Erinnerungen, 73-153.

адрес устной истории: когда люди говорят о своем прошлом, они, собственно, объясняют только свое настоящее. Свой опыт они систематизируют так, чтобы он соответствовал их текущим потребностям. Рассказанная история никогда не равна прожитой истории. Таким образом, интервью дает сведения об индивидуальном саморасположении и показывает, как люди позиционируют себя в своей социальной среде. Рассказы о прошлых событиях - это не что иное, как объяснение того, почему кто-то стал тем, кем он является сегодня. Так что, это просто *интерпретации* прошлого, но не заявление о самом прошлом, которое может быть получено с методом устной истории. Интервью не дают таким образом „подлинного“ доступа к прошлому. В этом пункте они совпадают со всеми другими типами источников, которые также всегда представляют собой только субъективные перспективы.

Очевидцы, историки и их друзья, или: призыв к междисциплинарному расширению устной истории.

Ввиду этих многочисленных возражений и критических пунктов, я хотел бы изложить некоторые соображения о том, как устная история, которая серьезно относится к этим размышлениям, могло бы выглядеть. Нет недостатка в попытках, спасти устную историю. Среди многих других, например, позиция швейцарского историка Кристофа Дейюнга, который недавно отметил, что многие методологические возражения против устной истории важны, но они не представили никакой основу для того, чтобы полностью отказаться от неё. Он утверждал при этом, что, во-первых, именно индивидуальные искажения и акценты в интервью предоставят информацию о том, что было особенно важным для респондента. Кроме того, Дейюнг выдвигает классический аргумент всех сторонников устной истории: во многих случаях воспоминания «простых» людей являются единственными источниками, которые вообще существуют для определенных взаимосвязей. Там, где письменные предания отсутствуют, имеют важное значение устные высказывания. Это относится,

прежде всего, к маргинализованным субъектам и маргинальным социальным группам, которые в других контекстах едва представлены. И в-третьих, интервью может предоставить историку неопределимое преимущество по отношению к другим источникам: при неясностях можно сразу же переспросить. Тем не менее, остается парадоксальным то, что историки, с одной стороны, должны серьезно относиться к „автономии воспоминаний“, которые часто отличаются от установленных повествований. С другой стороны, эти воспоминания также являются важными источниками. Прежде всего, Дейюнг подчеркнул то, что историки всегда должны относиться критически к источникам, и нет никаких причин для того, чтобы без возражения принять воспоминания респондента. В конце концов, вопросы историка и его интерес к получению сведений структурируют историю, а не источники.²⁰

Все это правильные и важные размышления, но они, в конечном счёте, игнорируют знания нейробиологии и психологии, подтверждающие постоянную изменчивость воспоминаний. Для того, чтобы использовать воспоминания и опыт людей, нам историкам нужны экспертизы других наук. Это отнюдь не редкость, а нормальный случай в нашей профессии. Как можно изучать экономическую историю без знания экономических связей или историю права без юридической экспертизы? Однако, по отношению к теме "воспоминания" существует много оговорок для того, чтобы разобраться с выводами нейробиологов и психологов. Несмотря на исключения, всё ещё действует то, о чём сказал известный немецкий историк Томас Ниппердей более четырех десятилетий тому назад: если речь идёт о понимании действий и поведения людей, историки часто исходят "из бездумного, само собой разумеющейся донаучного эмпиризма. Но это наивно."²¹

²⁰ Christoph Dejung: Oral History und kollektives Gedächtnis. Für eine sozialhistorische Erweiterung der Erinnerungsgeschichte, in: Geschichte und Gesellschaft 34 (2008), S.96-115.

²¹ Claudia Moisel: Geschichte und Psychoanalyse. Zur Geschichte der Bindungsanalyse von John Bowlby, in: Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte 65 (2017) 1, 59.

Если мы, историки, не хотим, чтобы нас называли „наивными“, мы должны стремиться к более тесному, чем прежде, обмену с другими науками. Это не всегда легко и связано с множеством проблем, но это того стоит, как показывают первые совместные проекты социологов и нейробиологов.

Не менее важно думать и о том, что можно извлечь из работы с человеческими воспоминаниями и опытом. Получить высказывания о "реальном" прошлом, очевидно, возможно только в очень ограниченном объеме, так как нет возможности отличать фактические воспоминания от „ложных“ воспоминаний. Но мы можем с помощью методов устной истории спрашивать об индивидуальных интерпретациях истории. Сведения, полученные от респондентов, являются не больше чем - но и не меньше чем! - субъективным толкованием прошлого. Люди дают себе отчет в том, как они стали тем, кем они являются сегодня. При этом „ложные“ воспоминания имеют равные права наряду со всеми остальными переживаниями, так как являются важными для формирования идентичности каждого отдельного человека.

Поэтому я выступаю за устную историю, которая понимает себя как современная наука и вместе с социологами и антропологами пытается проанализировать те общества, в которых мы живем. И в этом смысле очевидец становится не "врагом", а "другом" историка.

Роберт Киндлер,
доктор истории
Гумбольдт-Университет Берлина
(Германия)

УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД В МУЗЕЙНОМ ДЕЛЕ (НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ПАМЯТИ ЖЕРТВ РЕПРЕССИЙ)²²

С конца XIX столетия в узбекистанском обществе интерес к истории сильно возрос. Значение этого интереса как важнейшего аспекта самосознания общества чрезвычайно велико. Расширение тематики исторических исследований, высокий интерес к истории повседневности, изучение различных социальных групп общества раскрыли новые содержательные горизонты образовательной деятельности музеев. В связи с этим, на современном этапе возрастает необходимость учета подходов и методов исторического познания. Важным становится овладение практиками музейного дела методологического инструментария, при проектировании экспозиций и реализации образовательной деятельности. В условиях методологического плюрализма исторической науки вопросы определения содержания и методов исследований в музее отличаются наибольшей сложностью, ибо методологические основания деятельности исторического музея имеют междисциплинарный характер.

В этом плане, на наш взгляд, интересным представляется опыт работы Государственного музея Памяти жертв репрессий при КМ РУз.

В 80-е годы, когда были открыты некоторые фонды КГБ, в Узбекистане, было разрешено группе журналистов и ученых ознакомиться с выставленными на широкое обозрение архивными материалами, проливающими свет на трагическую судьбу известных узбекских писателей и общественных деятелей.

На основе изучения этих материалов, впервые в узбекской печати были опубликованы циклы статей, посвященных жертвам сталинских репрессий, оказавших большое воздей-

²² Статья подготовлена на материалах Текущего архива Государственного музея Памяти жертв репрессий при Кабинете Министров Республики Узбекистан

стве в сознании народа.

12 мая 1999 г. своим Распоряжением Первый Президент Республики Узбекистан И.А.Каримов организовал общественную Комиссию по увековечению памяти жертв колониального периода. В июле этого же года Постановлением правительства был образован Благотворительный фонд «Памяти жертв репрессий» (ныне Общественный фонд). Началось формирование коллекции будущего музея, который был построен и открыт 31 августа 2002 г., когда впервые в Узбекистане был отмечен учрежденный День поминовения жертв репрессий.

Музей расположен в центре Ташкента, на берегу реки Бозсу. По мнению узбекских историков, именно здесь в 30-е годы прошлого века происходили массовые расстрелы невинных «врагов народа». Сегодня здесь выращен живописный парк, где расположено здание в национальном стиле, архитектурой напоминающее древние восточные мавзолеи.

В 2008 г. согласно постановлению Президента Республики Узбекистан Музей был заново реконструирован и расширен. Построены еще два здания и создана совершенно новая экспозиция.

Здесь, большое место занимают разделы:

– Политика советского правительства по «коллективизации» и «раскулачивания», ее трагические последствия (1930-1936)

– Политические репрессии начала 30-х годов (1929-1936)

– Политические репрессии 1937-1938 г.г.

– Политические репрессии 1940-1950-х годов

– Политические репрессии 1980-х годов: Кампания «Хлопковое дело»

В подготовке новой экспозиции были заняты крупные ученые-историки и представители других обществоведческих наук, сотрудники региональных историко-краеведческих музеев. При содействии специальных государственных учреждений получены уникальные архивные фото и видео материалы, письменные источники, ранее неизвестные широкой общественности.

Общими усилиями проведена большая работа по усилению роли музея как центра активного познания прошлого, исследовательской практики посетителей. Ее выполнение было тесно связано с созданием в музее условий для формирования ценностно-смысловых основ исторического сознания и функционирования диалога различных культур.

При этом, сотрудники музея исходят из того, что архивы государства - это *память системы*, которая сохранила крайне специфичный и отчужденный от конкретного человека память, а Государственный музей Памяти жертв репрессий, мы прежде всего, рассматриваем, как *институт социальной памяти*.

Учитывая, что научно-просветительской целью музея является изучение, осмысление политических, экономических, культурных процессов колониального периода, изучение негативных последствий политики репрессий, их демонстрация в качестве музейных экспонатов и другими возможными средствами, воспитание молодежи в духе любви к Родине, народу, верности к ценностям Независимости, требовался для работы, еще один компонент исторического познания - изучение периода через воспоминания.

В настоящее время, отечественная академическая наука признала и начала фиксировать произведения этого жанра, появилось ряд работ историков, где активно используется метод «oral history». К «устным историям» мы относим устные повествования о реально произошедших событиях, значимых для рассказчика или для слушателя.

Исследования в рамках устной истории ведутся сегодня по всему миру. Например, при разработке экспозиций с применением данного метода, мы изучили опыт Израиля, для которого после Второй мировой войны любые устные свидетельства стали важнейшей частью борьбы за национальное и культурное выживание. Первым памятником этой борьбе стал архив музея «Яд Вашем» в Иерусалиме. Впоследствии эта деятельность приобрела интернациональный характер, став катализатором многочисленных исследований по всему миру, а также отдельных акций типа создания Мемориального музея

«Холокост». Интересный опыт, который мы так же изучили, это работа с воспоминаниями в Институте национальной памяти Республики Польша. К примеру, архив Института является составной частью польской архивной сети. Протяженность полок занимаемыми архивными документами составляют 90,5 тыс. погонных метров.

Архив разрабатывает и ведет базы данных по определенным темам, включая хранение устно-исторических материалов, занимается научной и популяризаторской деятельностью.

Мы были ознакомлены с методикой работы архивными материалами, а именно методы сбора, архивации, научного использования архивных документов.

Архив имеет более 3000 архивированных устных воспоминаний в аудио/видеоформате, что составляет 19 часов.

Устные истории могут кардинально дополнить наше восприятие отечественной истории, наше понимание глубинных причин событий этой истории и достоверность образа этих событий. Мы можем получить описание и переживание всех тех событий, о которых, казалось, мы уже все знаем по фильмам и официальным источникам - раскулачивание и коллективизация, война, школьная жизнь и учреждения торговли, одежда и кухня, досуг взрослых и дворовые игры детей, и т.п., но совершенно под неожиданным углом зрения.

Другая польза от освоения этого жанра, при условии максимального расширения списка интересующих нас тем, это социальный эффект от самой работы по сбору, фиксации и систематизации устных историй как источника информации. В этом подходе, поскольку личное переживание события имеет приоритет над фактической достоверностью, все сообщения имеют ценность, а частности и мелочи приобретают большое значение. А это значит, что для собирателя нет «привилегированных источников информации». Другими словами, поскольку список тем и форм повествований безграничен, становится возможным привлечь в качестве информаторов большое количество пожилых людей, незаслуженно обойден-

ных вниманием, и большое количество молодежи к сбору информации, что будет способствовать историческому познанию населения.

Поэтому, пока люди, пережившие государственный террор, не ушли из жизни, сотрудники музея, стали записывать их рассказы. Это особенный источник - более естественный, более спонтанный, и часто это единственное свидетельство, которое мы можем получить от части населения, - людей, дехкан, представителей этнических меньшинств и т. д. - многие из них никогда в жизни ни с кем, а нередко и сами с собой, не разговаривали о том, что с ними произошло.

Разговорить их - сложная работа, требующая точных знаний, глубокого понимания людей, терпения и исключительной человеческой чуткости.

Работа с воспоминаниями:

Специалисты музея выезжали в регионы Узбекистана встречались с семьями репрессированных и собирали устный материал. Проводились на местах конференции, вечера памяти, через радио и региональное телевидение люди узнавали о миссии музея и Общественного фонда «Шахидлар хотираси» (Память шахидов), приходили со своими материалами, делились своими воспоминаниями.

В процессе интервьюирования формировался банк данных по публикациям репрессированных деятелей литературы и культуры. В результате, ведущим научным сотрудником музея, профессором Наим Каримовым было собрано более 300 чудом сохранившихся в семьях репрессированных произведений узбекской литературы и поэзии, основная часть которых были уничтожены режимом. Дополнительно было собрано материалы из библиотек Москвы и Казани.

Доктор исторических наук Жаннат Исмаилова систематизировала и обработала воспоминания участников восстания 1916 года, которые хранились в архиве профессора Хамид Зияева. В конце 50-начале 60-х годов Х. Зияев лично собрал

эти воспоминания у оставшихся живых участников восстания, жителей г. Маргилана.

Эти уникальные материалы обогатили экспозицию и фонд музея.

Работа с письмами:

После создания благотворительного фонда «Шахидлар хотираси» членам Общественной комиссии и экспертам стали поступать много писем от местного населения. В фондах музея хранится около 2-х тысяч уникальных писем узбекистанцев. Изучаются письма, ситуации, воспоминания, информация о персонах.

Например, было собрано, систематизировано более 100 писем заключенных ГУЛАГа. В том числе последние письма-завещания жертв режима перед смертью. В этих письмах, они призывают своих детей, родных и близких быть честными и порядочными, верно служить своему народу и не изменять своей вере.

К примеру письмо Давлат Ризаева, бывшего секретаря Каракалпакского обкома партии. Арестован в 1937 г. По статье 58 (контрреволюционная деятельность). Он пишет своей жене, что он честный человек, он оклеветан, призывает жену воспитать детей добросовестными людьми.

Специалистом музея Шерали Турдиевым были найдены и изучены документы – воспоминания, хранящиеся в домашних архивах, бывших выпускников немецких вузов.

Учеба и жизнь в Германии, дальнейшая судьба этих людей еще ждет своего глубокого изучения узбекских и немецких исследователей...

В Турции и в Германии учились профессор Холид Саидходжаев, философ Шахид Эсон Мусаев, педагог Мулла Бекжон Рахмонов, тюрколог Гозиолим Юнусов, Усманходжа Пулатходжаев, Бахром Хайдарий, Миян Бузрук Салихов, Абдувахаб Мурадий, Султан Джаббар, Гулсум Рахимова, Хайринисо Мажидханова, Салих Мухаммедов, Султан Маткул, Марям Султанмурадова и многие другие.

Практически все выпускники зарубежных вузов, по возвращении были репрессированы как «враги народа».

Интервьюирование:

На основе глубинного интервью проводилась работа с представителями узбекской диаспоры в Турции, некогда бежавших от репрессий из Узбекистана в 20-30-х годах прошлого столетия, а также интервьюирование родственников и учеников, репрессированных, живущих в Узбекистане. Например, интервьюирование с учеником профессора Тохир Чигатой Иброхимом Еркином и его сыном Санжар Еркином; академиком Елкин Туракуловым учеником профессора. С. Жаббарова (расстрелян в 1937 г.), а также его сыном Орхон Жаббаровым; племянницей выпускницы учительской семинарии г. Дармштад, Хайринисо Мажидхановой (расстреляна в 1937 г.) Холидой Кодировой; племянником выпускницы геологического факультета, Берлинского университета Саиды Шерахмедовой, Чингизом Акбаровым.

Интервьюирование органично сочеталось с исследованием анкетных данных. Были тщательно изучены специальные анкеты, которые заполнялись при поступлении на учебу в германские вузы. Данные документы были получены при содействии профессора Берлинского университета Ингеборге Балдауф.

Каждое интервью охватывает не только конкретный период, но всю жизнь человека, что позволяет проследить трагические следы репрессий на истории целых семей. Таким образом, создается огромное поле для работы историков, психологов, социологов, лингвистов.

Специалист музея, кандидат искусствоведения С. Ахмедов, с использованием методов устной истории проводил исследование с представителями культуры, науки и духовенства Узбекистана, тех людей, которые были репрессированы, или депортированы за пределы Узбекистана, а также с респондентами, представляющими крымских татар, депортированных в Узбекистан.

Доктор исторических наук, Доно Зияева в Ташкентской области, провела нарративное интервьюирование детей и других членов семьи репрессированных представителей узбекского дехканства, купцов, ремесленников, которые были депортированы на Украину, как социально опасные элементы.

На основе всех этих материалов музей проводит активный розыск в архивах, тщательно исследуются судебные дела в архивах республиканской прокуратуры, а полученными таким образом материалами насыщаются экспозиции музея, передается дополнительная информация о судьбе репрессированных их родственникам. Например, после кропотливого поиска были прояснены судьбы и передана необходимая информация родственникам Азимшо Самандарова, школьника, который в возрасте 17 лет был незаконно репрессирован (нашел листовку с антисоветским содержанием и передал государственным органам), Касымова Кудрата, лаборанта Академии Наук, расстрелянного в 1942 г., видных представителей литературы и искусства Боиса Кариева (Алтай), Газы Юнусова и других.

На стендах музея можно увидеть письменные воспоминания раскулаченных и сосланных дехкан, фотографии из семейных архивов. Фотографии с вырезанными или густо зачерненными лицами репрессированных людей - так процедура «редактирования» истории и «вычеркивания» из нее неугодных и опасных фигур, хорошо знакомая историкам по советским учебникам, энциклопедиям и фильмам, проникала в судьбы обычных людей, вынужденных "отмежевываться" от самых близких и дорогих.

На специальных мониторах установлены видеосюжеты с воспоминаниями конкретных людей, переживших, аресты, депортации, ссылку, конфискацию имущества.

Для будущих исследователей в этих десятках записанных рассказов - ключ к пониманию того, что такое личная и семейная история, семейная память, память поколений. Ведь тот посттравматический опыт, который остался буквально в

каждой семье узбекистанца, так просто не исчез и не сосался, и он до сих пор передается.

Когда методами интервьюирования работаешь с тематикой репрессий, понимаешь, что множество фактов никаким другим способом просто невозможно узнать.

Поэтому сейчас мы думаем о создании Центра устной истории при Музее.

Мы понимаем, что это очень дорогостоящая работа и не все для нее созрели, потому что уровень личной памяти, самый ответственный уровень работы историка. Но нам хотелось бы, чтобы наш Центр, в перспективе стал методическим и информационным координатором для всех кто занимается методами oral history.

Таким образом собран обширный материал и появляется необходимость переосмысления форм организации научно-фондовой, научно-исследовательской и научно-просветительной работы направления музейной деятельности.

Разработанные электронные версии на основе уникальных архивных материалов, воспоминаний, интервьюирования, музыкальные композиции, видеоролики и сюжеты, раскрывающие печальные страницы периода колониального гнета и репрессий позволяет посетителю осуществить более глубинное постижение в историю нашего народа.

Использование видео- и звукозаписи, слайдов и различных интерактивных устройств позволяют посетителям пережить определённые ощущения, увидеть собственными глазами, лучше познать самих себя, задавая себе определённые вопросы по мере соприкосновения с различными проявлениями жизни.

Все эти средства выводят сам музей на качественно иной уровень работы, диалога с посетителем.

Бахтиер Хасанов

*доктор истор.наук, Государственный музей
Памяти жертв репрессий при КМ РУз.*

Алишер Сабиров

канд.истор.наук (Узбекистан).

УСТНАЯ ИСТОРИЯ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ: ОПЫТ И ЗНАЧЕНИЕ

Устная история в его зарубежном понимании, как «Oral history», прошла в России тридцатилетний период развития. Однако методы устной истории и ее источники использовались и в мировой, и в отечественной практике издревле. За рубежом, начиная с отца истории - Геродота, который в трактате о греко-персидских войнах писал «слушая седовласого старца»; в России – с хроник и летописей. Об этом сейчас появился ряд исследований, например, по устной истории Новгорода С.Н. Азбелев²³. Автор находит в средневековых летописях отрывки устных свидетельств и работает с ними применяя соответствующие методики. В научной среде с подачи академика С.О.Шмидта появились термины «ферменты» устной истории в письменных документах. Автором также проведен ряд исследований, которые показывают, что ферменты устной истории содержатся в историко-статистических и даже делопроизводственных документах XIX в.

Использовались опросы с опорой на историческую память и на протяжении всего XX века. Наиболее интересным в контексте сегодняшней темы выступления являются 1920-е г. Более того, можно провести аналогию с 1980-ми годами. Для тех и для других содержание работы определял излом исторических эпох – постреволюционная и постперестроечная ситуация. И в 1920-е годы и в 1980-е годы возник интерес к устной истории, как способу получения информации для осознания прошлого и настоящего как со стороны научного мира, так и общества. Также как со стороны государства для пересмотра, в первом случае, дореволюционной, во втором случае советской истории (что влечет и позитивные, и негативные последствия). И в 1920-е и в 1980-е гг. активную роль в развитии «устной истории» сыграли интеллигенция и академические историки. В 1920-е г., например, инициатором устной

²³ С. Н. Азбелев Устная история в памятниках Новгорода и Новгородской земли. — СПб.: «Дмитрий Буланин». — 296 с. 2007

истории революций, пролетариата, фабрик и заводов был известный писатель М. Горький. Благодаря его призыву изданы многотомные «Истории». В них, в том числе опубликованы рекомендации проведения интервью и фиксации устного рассказа стенографистами (в то время как альтернатива техническим средствам). А академики, такие как М. Покровский, М.К. Рожкова, А.М. Панкратова и др. по призыву государства «совершили хождение в народ» с целью зафиксировать рассказы участников тех исторических событий и явлений, которые замалчивались или имели стереотипные оценки в дворянской официальной историографии, а по исследовательскому долгу - с целью зафиксировать «Россию уходящую». Базой устной исторической работы служила разветвленная сеть Истпарта с региональными отделениями (на Алтае – это артель «Краевед» и Общество пятигодников – участники революционных событий 1905 г.). Для массовой работы ими были разработаны вопросники и написаны способы формирования устных архивов²⁴. Такую же работу провели советские историки по Великой отечественной войне, работая в прифронтовой полосе. Созданный ими архив хранится в Институте российской истории РАН.

Масштабные устноисторические исследования по созданию массива источников по эпохе революционных потрясений закончились в 1930-е гг., когда в результате «перезагрузки» исторической науки взамен дореволюционных идеологем начали формировать новые советские мифологемы. Некоторые участники были репрессированы, т.к. обратившись к «истории снизу» на региональном уровне они невольно «вытащили информацию», которая не вписывалась в формируемые схемы историописания. Сходство краеведческих с устноисторическими исследованиями проявлялись в очень своеобразных

²⁴ Щеглова Т.К., Дрожецкий Д.А. Устная история (Oralhistory) в российской исторической практике 1920-1930-х годов: к дискуссии о понятии и времени возникновения устной истории // Известия АлтГУ. – 2014. – № 4/2 (84). С. 267-280

отношениях с государством. Зависели они от того – желало или не желало государство слышать «историю снизу», которая могла отражать прошлое в унисон с оценками официальной истории или противоречить (например, в оценках коллективизации). Даже, тогда, когда получаемая опросами информация не входила в прямую в оппозицию с официально-историческими мифологемами, а вносили корректировку в парадный портрет исторических событий (например, индустриализация).

Начало устной истории в России как аналога зарубежной «*Oral history*», можно отсчитывать с 1987-88 годов. Страноведческие особенности устной истории в международной практике определяются прежде всего историческим прошлым того или иного общества, его исторической памятью, которые обуславливали специфику развития устной истории в той или иной стране. Например, элитарное развитие устной истории в США как «истории сверху» и демократическое развитие в послевоенной Европе, как «истории снизу».

В определенной степени устная история России явилась детищем перестройки, которая привела сначала к ниспровержению существующих порядков, а затем и к пересмотру исторического прошлого. Для возникших на постсоветском пространстве государств устная история с опорой на историческую память стала инструментом создания «своей национальной истории», написание которой являлось частью процессов суверенизации и развития гражданского общества. История как наука всегда входила и входит в состав инструментов по формированию национальной идеи, гражданской ответственности и государственности.

Для профессионального исторического сообщества России одной из главных причин обращения к устной истории стало состояние источниковой базы вследствие запрета одних исторических проблем, мифологизации или идеологизации других, замалчивания или акцентуации на третьих. Это привело к недостаткам государственных архивохранилищ. Побудительным мотивом стала и востребованность материалов устной истории государственными институтами и гражданским

обществом. Для последних интерес был обусловлен несовпадением оценок официальной истории с эмпирическим опытом участников исторических событий.

Ее становление происходило в условиях нарастающей политизации российского общества, гласности, роста протестных и оппозиционных настроений. Центрами устной истории и в исторических столицах России (Москва, СПб), и в провинции стали университеты. Особенностью являлось тесное сотрудничество университетской среды с журналистским миром. Пионерскую роль сыграл Московский государственный историко-архитектурный институт (ныне институт в составе РГГУ), где в 1988 г. был создан Московский клуб устной истории. На взгляд автора, это стало закономерным событием по ряду причин. Во-первых, потому что Oral history в некоторых зарубежных странах (США) возникла как отрасль архивоведения. Во-вторых, именно отечественные архивисты первыми еще в 1960-70-е гг. освоили зарубежный опыт и познакомили российских исследователей с Oral history²⁵. В-третьих, Москва являлась локомотивом и перестройки, и перезагрузки исторической науки. Ярослав Леонтьев, выпускник МГИАИ и член московского клуба устной истории провел параллель между созданием клуба устной истории в МГИАИ и широкими общественными инициативами, в ходе которых родился и Московский народный фронт, и «Мемориал», и другие общественные организации.

Соответственно значительную роль в становлении устной истории сыграла университетская интеллигенция. Частью нового «архивистского мышления» стало осознание эпохальности происходящих событий и необходимости их «задокументировать». А его следствием - создание в том же 1988 г. советской ассоциации молодых историков и попытки заложить

²⁵ Кузнецов Н. П., Суринов В. М. Устная история в практике работы зарубежных архивов и научных учреждений // Советские архивы. 1980. № 1; Мусатова Т. Н., Кузьмичев Н. А., Серегин А. В. "Устная история" как метод активного комплектования // Проблемы хранения и обеспечения сохранности архивных документов: сб. науч. тр. М., 1985. С. 14–20

“Народный архив”. Вдохновил молодое поколение историков на это спрос российского общества на исторические интерпретации ранее табуированных тем. Были поставлены задачи реализации новых подходов в историописании пересмотр итогов исторических исследований в советской историографии. В перестроечном пылу началась «перезагрузка» исторической науки, но уже с противопоставлением советской историографии – постсоветской, как ранее в 1920-е г. советской – дворянской. На этом этапе в деятельности устных историков смешались две функции – политическая, что проявлялось в участии в бурных общественных движениях и формировании «нового мышления» и – исследовательская, что вылилось в организацию устноисторических исследований.

Деятельность Московского клуба устной истории и ассоциации молодых исследователей привела к созданию Общества устной истории в СССР. Произошло это 27–28 ноября 1989 г. в Кирове на базе университета в рамках Первой всесоюзной научной конференции «Проблемы устной истории в СССР». Это событие стало началом переориентации устной истории с общественно-политических дебатов на исследовательскую работу и вовлечение в эти процессы университетов российской провинции. Следствиями принятых на конференции решений стали экспедиции, полевые исследования и первые публикации с введением «рядовых участников» исторических процессов в исторические повествования – коллективизации и раскулачивания, голода на Украине в начале 1930-х гг. А также создание на базе МГИАИ первой в России научной лаборатории устной истории под руководством Дарьи Никитичны Хубовой. Этому событию способствовало обновление руководства МГИАИ (ректор Ю.Н. Афанасьев - автор крылатой перестроечной фразы «агрессивное большинство») и создание на его базе Российского государственного гуманитарного университета, как, «альтернативы другим зас-корупциозным гуманитарным вузам» (Ю.Н.Афанасьев). С этого времени к развитию устной истории подключились ведущие историки О.С. Шмидт и Б.С. Илизаров. Благодаря лаборатории началось

освоение опыта зарубежной устной истории. Первая диссертация была подготовлена в РГГУ Д.Н. Хубовой, а защищена в Амстердаме²⁶. Показательным является вхождение Д.Н. Хубовой в устную историю. Оно похоже с многими зарубежными устными историками, соединявших в своей деятельности журналистскую и научную работу, в т.ч. основателем А.Нэвинсом, что вполне объяснимо. Интервью выводит журналистов на историю в жизненных биографиях людей, и они становятся историками. Для историков интервью дает источниковую информацию, и они становятся публицистами, журналистами, писателями, не переставая быть историками или сочетали в творчестве и то, и другое. К сожалению, с уходом «детей перестройки» из РГГУ в другие сферы – политику, телевидение, бизнес, деятельность лаборатории устной истории прекратилась²⁷.

В целом становление российской устной истории на рубеже 1980-90-х гг. проявлялось как в создании региональных центров, так и появлении устных историков-энтузиастов. Для этого этапа характерен интерес к методологии устной истории. Например, работы д.и.н. Д.П.Урсу (Симферопольский государственный университет, Одесский госуниверситет)²⁸, с которым автора связывало сотрудничество. Его ученик Владимир Поляков 17 февраля 2017 года (день кончины) заметил: «мало кто знает, что Дмитрий Павлович — один из столпов отечественной «устной истории». Особенностью этого этапа стал поиск путей введения устных источников в исследования. Интерпретация устных источников является сложной проблемой. Ее можно сформулировать следующим образом – «как уйти от описательности с опорой на сплошное цитирование». К

²⁶ Хубова Д.Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук. – Москва, 1992. – 34 с.

²⁷ Традиции лаборатории устной истории обращения к исторической памяти в определенной степени продолжают ряд современных центров, созданных в РГГУ. В частности, Учебно-научный центр социальной антропологии (директор – ведущий антрополог, академик В. А. Тишков.

²⁸ Урсу Д. П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории. — М., 1989.

слову - первые работы этим и грешат²⁹, что собственно объяснимо, т.к. в это время само цитирование обширных отрывков из интервью по депортации или раскулачиванию являлось открытием новых страниц в историческом прошлом. Одним из первых осваивал и методику опроса, и интерпретацию материалов интервью Кировский историк, д.и.н. В.А. Бердинских, закончивший докторантуру в РГГУ в 1994. В центре внимания исследователя в его поездках находилась жизнь носителей крестьянской культуры и судьбы

Недостатком этого этапа, обусловившего проблемы дальнейшего развития устной истории в России являлась незавершенность ее институализации. Ни вторая конференция 1991 г. (г. Киров), ни третья в 1992 г. (г. Калининград)³⁰, ни конференция 2006 г. в Барнауле³¹, на которую автору удалось собрать представителей действующих российских Центров устной истории, не смогли консолидировать всех и реанимировать деятельность «Общества устной истории в России». Незавершенность организационной структуры российской устной истории отразилась на характере развитии устной истории в России на протяжении 1990-2010-х годов. За это время создавались и закрывались центры устной истории. Отсутствие связи между ними, несогласованность методики создания устных источников, их документирования и архивирования ослабляют позиции отечественной устной истории. Последствием этого стала и оторванность российских центров устной истории от деятельности международного сообщества, консолидовавшегося в Международную ассоциацию по устной

²⁹ Бердинских В.А.Рядовые фронта и тыла //Волга. - 1989. - № 5–6; *Бердинских В. А. Очерки крестьянской цивилизации в России // Волга. - 1991. -№ 1–3.*

³⁰ Проблемы устной истории в СССР: материалы второй науч. конф. в г. Кирове. 14–15 мая 1991 г. — Киров, 1991; Проблемы устной истории и современность. — Калининград, 1992

³¹ Устная история (Oral History): теория и практика: материалы всерос. науч. семинара (Барнаул, 25-26 сент. 2006 г.) / БГПУ, Лаб. ист. краевед. [сост. и науч. ред. Т. К. Щеглова]. - Барнаул, 2007

истории (International Oral Association History (ИОНА))³².

Одни из них выстраивали проектную деятельность в сотрудничестве с отдельными зарубежными центрами, другие овладевали навыками через опыт практической деятельности. Одни развивали устную историю с общественно-гражданскими целями, другие – занимались сугубо научными исследованиями. Это отразилось в многовидовых формах центров, их многовекторной и многофункциональной деятельности. На это влиял и фактор расположения и доступность – территориальная и/или информационная.

Примером общественно-гражданского значения является деятельность московского историко-просветительского общества «Мемориал» и лаборатории устной истории при Европейском университете в Петербурге, с финансированием зарубежных благотворительных центров. Для «Мемориала» это связано с правозащитной деятельностью. Отсюда и тематические коллекции устных источников, например, о государственном терроре или о сопротивлении режиму (история ГУЛАГ в 1918 – 1956 гг.; история инакомыслия - 1953 – 1987 гг.). Вместе с тем «Мемориал» перешел к широкому охвату исторических процессов, сформулировав исследовательский принцип «Человек в истории. Россия - XX век», создав с 2000 г. ежегодный конкурс для школьников, что привело к вовлечению региональных образовательных и культурно-просветительных учреждений в исследования, основанные на исторической памяти населения. Образовательный потенциал устной истории реализуется через центр устной истории и биографии и через созданный в 2008 году обучающий сайт «Уроки истории»³³.

Примером тесного международного сотрудничества является деятельность лаборатории устной истории в ЕУ СПб,

³² International Oral History Association – iohanet.

URL: <http://www.iohanet.org/contact/index.html> (дата обращения: 11.10.2017).

³³ Центр устной истории и биографии // Мемориал.

URL: <https://www.memo.ru/ru-ru/collections/archives/oral-history/>; Уроки истории. XX век» — научно-популярный проект. URL: www.urokiistorii.ru (дата обращения: 11.10.2017)

созданная в 2001 году (прекратила деятельность в 2010 г.) при поддержке Института «Открытое общество» (фонд Сороса) и Центра устной истории Университета Индианы (США). В ее деятельности прослеживается влияние, прежде всего, традиций американской устной истории, представители которой являлись в разные годы сотрудниками лаборатории. В частности, проявляется это в принципах архивирования устных свидетельств и в юридических аспектах проведения интервью. Попытки лаборатории повлиять на российскую устную историю реализовывались через введение программ магистратуры и аспирантуры по подготовке устных историков, в организации летних школ по устной истории с акцентуацией на проблемах коллективной и индивидуальной исторической памяти; в издании научно-методических материалов³⁴. Самостоятельным направлением работы являлась реализация исследовательских проектов. Например, «Блокада в коллективной и индивидуальной памяти жителей города»; «Повседневность эпохи позднего социализма...»; «Бамовцы о БАМе: История последней стройки социализма», «Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Северного Приладожья и Карельского перешейка» и др.

Развитие устной истории в российских регионах в 1990 – 2010-х гг. прошло несколько этапов, отражая специфику, обусловленную особенностью исторических процессов. Вместе с тем в ее развитии возобладали общие тенденции. На начальном этапе деятельности региональных центров сформировалась тенденция исторических исследований в русле изучения белых пятен локальной истории. А пережив период сенсационных открытий, центры перешли к проектам по советской повседневности через изучение масштабных исторических событий в контексте реконструкции регио-

³⁴ Лоскутова М.В. Устная история. Методические рекомендации по проведению исследования. – СПб.: Европейский Дом, 2002. – 56 с.; Хрестоматия по устной истории / Перев.: М. В. Лоскутова; сост.: М. В. Лоскутова; под общ.ред.: М. В. Лоскутова. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2003

нального исторического прошлого, например, Великой отечественной войны (Воронеж; Ростов-Ставрополь). Примером является изучение войны центром устной истории ПетрГУ (Петрозавдск)³⁵ в проекте «Финская оккупация Карелии (1941 – 1944)» через работу с двумя группами респондентов: с одной стороны, бывшими советскими военнопленными и русскоязычными заключенными трудовых концлагерей, созданных финнами в Карелии, с другой стороны, с финно-угорскими коренными народами (карелы, вепсы, лопари), попавшими в силу этнического родства в более привилегированное положение и привлекавшимися в качестве «стражей» в тех же лагерях. У всех свои оценки финской оккупации. Это обстоятельство до сих пор определяет особенности исторической памяти населения Карелии.

Иные проблемы в устной истории войны выявлены сотрудниками центра устной истории Воронежского государственного педагогического университета, возникшего в 2000 году, обусловленные оккупацией территории Воронежской области. Позже в центр вошли Воронежский государственный университет (ВГУ), Воронежский межрегиональный институт общественных наук (ВМИОН), Воронежская государственная телевизионная и радиовещательная кампания (ВГТРК), Воронежская организация "Мемориал" и др. В деятельности Центра доминируют темы, связанные с «Образом Германии и немцев в восприятии участников Великой Отечественной войны СССР» или с «Немецкими военнопленными в Воронеже и Воронежской области». Тема образов участников драматических событий потребовали межнациональных проектов историков России, Польши, Германии.

В 2000-е г. популярными стали сайты по устной истории науки (центр устной истории МГУ, г. Москва; центр устной истории ЧелГУ, г. Челябинск; РГГУ, г. Москва). Защищена диссертация по устной истории науки Москвы М.В. Мок-

³⁵ Устная история в Карелии. URL:<http://oralhist.karelia.ru/index.html> (дата обращения: 11.10.2017)

ровой³⁶. Другие центры, начав с монотематических исследований, переходят к комплексной тематике. Примером, является возникший в 2015 год при кафедре отечественной истории Центр устной истории Тюменского госуниверситета. Начав с изучения религиозного сознания и устной истории конфессиональных групп, он вышел на антропологию академической жизни.

Ряд региональных центров в ответ на запрос регионального сообщества занялись устной сельской историей. Одним из них является центр Иркутска-Братска (совр. Центр независимых социальных исследований), создавший архив устной истории Байкальской Сибири. Особенностью исторического развития ее территорий, обусловленных природно-географическими условиями Восточной Сибири, являлось сосредоточения русскоязычного населения вдоль рек с формированием приречной густой поселенческой сети с самобытным старожильческим населением, которая в период строительства ГЭС на реках Лене, Ангаре, Енисее попала под затопление. История переселений этих деревень вывела исследователей на вопросы адаптации населения к новым экономическим, социальным, культурным и политическим условиям.

Новая тенденция в деятельности российских устных историков в 2010-е гг. связана с отходом от заточенности на ранее запретных темах и сосредоточении усилий на антропологическом содержании истории, решая уже не столько глобальную проблему воссоздания «истории снизу» по тем или иным историческим событиям, сколько «взгляда изнутри» с реконструкцией ощущений рядовых участников. И для этого становится уже не так важно в контексте каких событий извлекается антропологическое содержание исторических процессов - трагических, таких как депортации или репрессии,

³⁶ Мокрова М.В. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению : Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 : Москва, 2004 253 с.; Илизаров С.С., Валькова О.А., Мокрова М.В. История науки и техники в Москве (Учебно-методические материалы). М., 2003

или созидательных – мелиорация, индустриализация или целина. Рассматривая через *lifestory* те или иные исторические события устная история выполняет еще две важнейшие функции. Во-первых, социальную функцию, т.к. устная история восстанавливает и укрепляет межпоколенные связи в любом обществе. Для постсоветского пространства важным является восстановление связей между поколениями дедов, которые часто позиционируются псевдоисториками как «коммуняки» и поколением внуков, которые и так исторически всегда стоят в оппозиции к отцам и дедам, тем более в ситуации которая усугублена политикой низвержения советского прошлого, для утверждения новой власти. Во-вторых, устная история выполняет мемориальную функцию, воздавая должное рядовым участникам прошлой исторической жизни, их повседневному трудовому или военному подвигу, который содержится в *lifestory*.

Примером переориентации в последние годы на антропологическое содержание исторического прошлого является деятельность Центра устной истории и этнографии АлтГПУ, который, пожалуй, единственный, созданный автором еще в 1990-м году, действует в настоящее время в Алтайском государственном педагогическом университете. В декабре 2018 года ему исполниться 28 лет. Созданный устный архив содержит коллекции материалов интервью по истории XX столетия на основе экспедиций за 28 лет в более чем 600 сел из имеющихся 1598 сельских населенных пунктов (данные 2010 г.). На учете состоит почти 4 тысячи аудиоинтервью (около 2,5 тыс. часов записи), половина из которых имеют транскрипты. Свыше 70 тысяч фотодокументов с аннотациями.

На сегодняшний день - это и научный, и исследовательский, и методический, и образовательный центр³⁷. Начав с историко-конкретных проектов, таких как определения границ захоронения расстрелов в районе Бар-

³⁷ Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история : моногр. / Т. К. Щеглова. - Барнаул : БГПУ, 2008. - 527 с. : ил. - Библиогр. в конце гл. и в подстроч. примеч. ; Щеглова Т.К. Щеглова Т. К.

наульской тюрьмы в 1930-е гг. для установления статуса кладбища, или проекта по истории исчезнувших сел Алтая в XX столетии, коллектив центра перешел к анализу исторических событий через призму «Человека в истории» и «История в человеке» с созданием и интерпретацией «человеческих документов». Например, вопросы адаптации российского общества к перманентным преобразованиям в XX столетии, инструментами которых и в советское, и в современное время являлись государственно-партийные кампании, которые зачастую сопровождались ухудшением условий жизнедеятельности семьи. А антропологическими аспектами этих исторических процессов являлись повседневные адаптационные практики и заместительные технологии в системе жизнеобеспечения семьи и социума, жизненные стратегии семьи в борьбе с трудностями, например, в борьбе с голодом и холодом в годы войны или коллективизации и т.д. Эти и подобные вопросы пока остаются на периферии исследовательского поля российских историков. Центр УИиЭ разработал методiku и научно-методический арсенал по изучению антропологии крестьянства в контексте исторических событий XX столетия, по антропологии репрессированных сообществ и т.д.

Устная история: учебное пособие для студентов вузов / Алтайская государственная педагогическая академия. – Барнаул, 2011. – 363 с. – Допущено УМО по направлениям педагогического образования. – Библиогр.: с. 354-363 ; Устная история в современной исследовательской практике на постсоветском пространстве : сборник научных статей / отв. ред. Т. К. Щеглова. – Барнаул, 2017. Устная история: жизненные стратегии и повседневные практики сельского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны : сборник научных статей и источников / Алтайский государственный педагогический университет ; отв. ред. Т. К. Щеглова. – Электрон.дан. – Барнаул, 2016.

URL: <https://www.altspu.ru/engine/download.php?id=24521>, свободный.; Щеглова Т. К. Этнография русского крестьянства юга Западной Сибири в XX столетии: культура жизнеобеспечения в годы Великой Отечественной войны. Научные и методические материалы. — Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2015. — 132 с. и др.

Примером изучения антропологического содержания исторических событий является реализуемый автором с 2017 года проект, связанный с депортациями на Алтай. В исторической литературе эта тема отражена фрагментарно. Одной из причин, наряду с ограниченностью источников, является несовершенство методики работы с информационной средой населенных пунктов, под которой автор подразумевает, наряду с объектами материальной культуры этносоциальных групп села или города, мыслительные конструкты - оценки и представления в исторической памяти. Депортации на Алтай начались с 1939 г., когда по пакту Молотова и Рибентропа в СССР вошли территории Западной Белоруссии, Западной Украины и Прибалтики, а часть населения была депортирована, в т.ч. на Алтай прибыли литовцы, украинцы, поляки. А закончились депортации на Алтай армянской депортацией 1949 г. В исторических исследованиях основное внимание, во-первых, уделялось депортациям немцев 1941 года, во-вторых, преобладают исследования вопросов, связанных с выселением и доставкой, частично размещением депортированных народов. А вот что происходило в местном принимающем обществе, как выстраивались отношения между израненным похоронками сельским, преимущественно русским обществом и прибывающими иноэтническими депортантами, в свою очередь ранеными необоснованными обвинениями, до сих пор оставалось за рамками исследований. Интересным является и межкультурный диалог в решении вопросов питания, обеспечения одеждой, решении проблем обустройством жилища в трудных условиях жизнедеятельности военного и послевоенного времени. Именно совместное преодоление трудностей и использование этнокультурного опыта стали важнейшими факторами в формировании микроклимата в сельском обществе и преодолении негативных стереотипов и предрассудков.

На сегодняшний день, число центров устной истории в Российской Федерации является не стабильным. Процессы появления и ликвидации центров связаны как с объективными,

так и субъективными факторами. Сложным вопросом является финансирование их деятельности. Университеты, являясь государственными образовательными учреждениями с федеральным финансированием, имеют ограниченные статьи расхода на возможности финансирования научно-исследовательских работ. Примеры поддержки со стороны финансово-предпринимательских кругов единичны. Можно назвать грантовую поддержку Фонда Прохорова, в частности, поддержка центра устной истории в МГУ, поддержка конкурса школьных работ «Мемориал». В этом отношении позитивный опыт американских устных историков, которые сделали устную историю своей профессией и зарабатывают деньги написанием корпоративной истории целых отраслей промышленности, науки, культуры, не пригоден для российской практики. Одним из выходов в создавшейся ситуации стало создание виртуальных центров устной истории в сети Интернет. Как, например, межвузовский сайт, по устной истории на базе Кубанского государственного технологического университета (И.В. Реброва) и Ставропольского государственного университета (Е.Н. Стрекалова). Подобный проект реализуется на базе Томского историко-краеведческого музея «Сибиряки вольные и невольные», на котором размещены вопросники и формируются коллекции аудио воспоминаний.

Таким образом подведем итоги. Во-первых, возникновение российского варианта Oral history как самостоятельного направления научной деятельности начиналось с обращения к ранее замалчиваемым темам благодаря наступившей гласности в годы перестройки, снявшей с многих трагических событий XX столетия запреты на изучение и обсуждение. Произошло это тогда, когда еще были живы участники исторических драм XX столетия – репрессий и войн, что являлось благоприятным фактором для создания центров устной истории. Побудительными мотивами были и высокое гражданское звучание этих вопросов, и запрос общества на реабилитацию пострадавших в годы репрессий. Для историографического

сообщества России важную роль сыграло отсутствие адекватной источниковой базы для изучения «белых пятен» и «лакун». В этом отношении, устная история в России стала подспорьем не только для научной деятельности, но и для общественного и правозащитного движения, которое быстрее обратилось к исторической памяти советских людей. Однако, для академических структур понадобилось не одно десятилетие, чтобы преодолеть недоверие к устной истории, ее методам и ее источникам. До сих пор нельзя говорить о полном признании устной истории так называемыми «кабинетными» историками, к которым автор относит исследователей, стоящих на позициях модернизма с его культом письменных архивных источников, что выливается в противопоставление письменной и устной информации, как оппозиция знания и мифа.

Во-вторых, устная история в России по ряду причин тесно смыкается с локальной историей и региональным подходом. В этом отношении устная история, как и краеведение, является своеобразной исторической лупой, под которой общероссийские процессы и официальные оценки прошлого корректируются. Под влиянием региональных вариантов исторического развития и жизненных историй рядовых участников разрушаются гляцевые и отшлифованные реконструкции прошлого. Именно поэтому еще в советское время краеведение испытывало взлеты, когда государство хотело услышать «историю снизу» и падения, когда краеведные исследования с опорой на историческую память подрывали парадную историю. Алгоритм подъемов и падений краеведения диктовался юбилейными датами (50-летие Октябрьской революции или 100-летие В.И. Ленина) и государственной идеологией (это вылилось в массовое создание ленинских комнат и комнат трудовой славы). В этом смысле развитие и устной истории, и краеведения зависит от степени сформированности общественных институтов и их влияния на государственные и властные структуры.

В-третьих, особенностью современного развития устной истории в России стало возросшее осознание и антро-

пологического, и потенциала устной истории. Связано это также с тем, что в центр современных дискуссий попали пути и формы развития этнических сообществ в контексте исторических событий и исторических процессов XX столетия. В условиях, когда источниковедческая база этнографии все больше смещается в нематериальную область, востребованы исследовательские технологии устной истории (oralhistory). Приобретает большое значение изучение исторической памяти в его временных, этнокультурных и пространственных конфигурациях.

Татьяна Щеглова

*доктор истор. наук, профессор,
Алтайский государственный
педагогический университет (Россия).*

«СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ» И ЕЁ ИЗУЧЕНИЕ В УЗБЕКИСТАНЕ

Социальная история, как ведущая область конкретно-исторических исследований начала развиваться в 20 – 40-ые годы XX века в Европе и США. В 70-80-ые годы пройдя бурный путь формирования путем разнообразных дискуссий, болезней роста, изменения развития, она решительно заявила о своей интегративной функции в системе исторических дисциплин³⁸. Значительный вклад в развитие социальной истории наряду с немецкими и американскими школами внесла французская школа Анналов, представители которой рассматривали историю прежде всего как интерпретацию социальных феноменов³⁹.

³⁸ Репина Л. Социальная история и историческая антропология. Новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // Одиссей, человек в истории. – М., 1990. С. 18.

³⁹ См.: Dosse F. New History in France. The Triumph of the Annales. Univ. of Illinois Press, 1994. P. 87.

Один из ведущих британских историков социальной истории К. Райтсон так характеризовал задачу социального историка: «Общество есть процесс. Оно не бывает статичным. Даже его кажущиеся наиболее неподвижными структуры выражают равновесие между динамичными силами. Для социального историка главная из всех задач состоит в том, чтобы уловить этот процесс, одновременно обнаруживая долговременные сдвиги в социальной организации, в общественных отношениях и в тех понятиях и ценностях, в которых эти социальные отношения воплощаются»⁴⁰. Другими словами комплексный метод социального анализа должен основываться на комбинации системно-структурного и субъективно-деятельностного подходов. Если с этой точки зрения подойти к оценке узбекистанской историографии до середины 90-х годов, мы обнаружим полное отсутствие последней части.

Сутью другой стороны дискуссий 80-х годов о функциях социальной истории является ее междисциплинарность. Одни историки считали главной связью ее с анализом политических событий, другие – с социологией, третьи были убеждены, что социальная история имеет отношение ко всем сферам жизни народов, включая и духовную.

В Советском Союзе, как впрочем изначально и в некоторых европейских странах социальные вопросы рассматривались в контексте экономики и социальная история всегда расценивалась как младшая сестра экономической истории, подчиняя рассмотрение социально-исторических сюжетов собственной экономической проблематике. Определенные исследования связаны с психологией. В определенном контексте разрабатывают социальные проблемы и философы. Отдельным предметом размышления является связь социальной истории с историей повседневности. Как рассматривать эти понятия, как части единого или как два самостоятельных направления исторической науки?

Последние годы дефиниция «повседневная история»

⁴⁰ Wrightson K. English Society. 1580-1680. L., 1902. P. 12.

стала очень модной, о чем свидетельствует нарастающий поток публикаций на эту тему, фильмов, циклов передач, блестящим примером которых стали серия фильмов европейских режиссеров, демонстрируемых в республиках СНГ по каналу «History». Предметом дискуссий является сам термин «история повседневности» или «повседневная история». Возможно эти два противоположных друг другу слова и не оправдывают сути истории, так как под историей мы понимаем событийную систему, позволяющую выявить закономерности, или неадекватность, неординарность событий на определенном отрезке времени, в определенном регионе, а под повседневностью – сиюминутное событие, ограниченное чрезвычайно коротким сроком, но другого кратного обозначения отношения жизни людей в микропространстве и микровремени нет, поэтому этот термин принимается как самая содержательная и понятная формулировка. Нет более лучшей характеристики сути истории повседневности, чем это сделал Альфред Людке: «По существу исследования повседневной жизни и их презентация делают упор на поступках и страданиях тех, кого обычно называют «маленькими, простыми, рядовыми людьми» – определение столь же приблизительное, сколь и неточное. Это – действительное историческое описание устроенных и обездоленных, одетых и нагих, сытых и голодных, раздора и сотрудничества между людьми, а также их душевных переживаний, воспоминаний, любви и ненависти, тревог и надежд на будущее»⁴¹. Иначе говоря эта история индивидов различного возраста, которые являются действующими лицами и творцами микроистории. Однако большинство историков считают, что история повседневной жизни не что иное, как сентиментальное торжество «заурядных, маленьких людей», и это путешествие в народ не дает ничего капитально нового для истории. Такие взгляды были и в Германии, есть и у нас. В Центральной Азии это связано с достаточно часто встречающимся недопониманием этого направления, связанного

⁴¹ Людке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии / Ежегодник 1998-1999. М., 1999. С. 75.

прежде всего с неправильной трактовкой исследователями его назначения. Не избежали этого и узбекистанские историки «истории повседневности», изучающие ее в совершенном отрыве от существовавшей в рассматриваемое время исторической схемы. Описание жизни простых людей (или иных) должно находиться в связи с происходящими в обществе и государстве общими и структурными изменениями. Нахождение же связи между ними оправдывает методiku повседневности, решая вопрос о причинах, результатах и следствиях индивидуального поступка. «Воссоздание истории повседневной жизни нацелено на нечто большее, чем будничная борьба за выживание. Скорее, такая реконструкция выявляет пусть, следуя которым, участники исторического процесса становились – или могли стать – и объектами истории, и в то же время и субъектами»⁴².

Иной неведомый человеческий опыт определяется через изучение индивида на фоне общего. Иначе говоря, реконструкция маленького мира должна соприкоснуться с большим. Например тяжелый труд сборщика хлопка не может рассматриваться изолированно от положения и работы других представителей хлопководства, которые обеспечивали условия для этого труда (плохие или хорошие) или уровень жизни официанта кафе, также зависит от количества посетителей, материального уровня и возможностей хозяина, а тот в свою очередь от общего социально-экономического состояния города или страны. Иначе говоря опыт одних неотделим от опыта других.

История повседневности как самоцель ученого, ведет к «романтизации» прошлого, и ее недостоверности. Отсюда вытекает вывод, что история повседневности это не самостоятельное направление науки, а часть, атрибут или метод социальной истории.

Есть еще понятие «устная история», которую, на мой взгляд, часто путают с историей повседневности. Многие

⁴² Там же. С. 83.

ученые считают ее «недостоверной историей», особенно отмечая трудности их источниковедческого анализа: мифологизм, отсутствие хронологии, селективность, неполноту и ненадежность. Критика этого метода обычно сфокусирована вокруг проблемы надежности человеческой памяти и надежности и валидности данных, собранных этим способом. Для того, чтобы рассмотреть эту проблему, необходимо раскрыть более подробно методы, используемые большинством практиков «устной истории». Очевидно, устная история находится сейчас перед выбором пути своего дальнейшего развития.

В новейшей социальной истории, которая предстает перед нами в публикациях западных и российских историков «Социальное изменение рассматривается как процесс, который включает в себя не только структурную дифференциацию и реорганизацию человеческой деятельности, но также и «реорганизацию умов» – изменения в ценностях и понятиях, т.е. некое новое сознание или новую культуру, которая буквально «видит» мир с другой точки зрения»⁴³. Общество – это большая динамическая система и ее история, формы существования в прошлом, идеология и практика дает реальный опыт и модель поведения действующим в изучаемые годы людям, и этот опыт изменяется в процессе деятельности индивидов или социальных групп. Проще говоря социальная история предлагает обращение как к макроистории, которая дает понимание влияния общества на человека, и к микроистории, которая позволяет проследить процесс включения индивидуального в общественное. Эта взаимосвязь и дает целостную картину социальной истории. Исходя из этой точки зрения, приходится констатировать, что микроистория, как таковая долгие годы в пространстве СССР не имела права на существование, а социальная история не была полноценной, потому что в центре внимания социальной истории должен быть человек, причем не сам по себе, а как элементарная клетка

⁴³ Репина Л.П. Парадигмы XX век. Методологические проблемы исторического познания. Сб. обзоров и рефератов в 2-х частях. Часть 1. М., 2001. С. 99.

живого организма, называемого обществом.

Схема человек – группа – общество – структура – государство + власть — это стержневое содержание социальной истории, которое работает и в обратном направлении, создавая в конечном итоге единую картину. Эта история открывает события не через верхний эшелон власти, а «снизу», «изнутри» общества, через показ жизни и бытия людей в разные периоды времени, восприятие ими властных структур и институтов, и показывая их место, роль и влияние на социальные, культурные и политические изменения.

Если с этой позиции совершить обзор исторической литературы за последние 5-6 десятилетий, на бывшем советском пространстве не трудно заметить, что исследуя кажущимися важными глобальные вопросы истории, которые распределялись трафаретно, на политическую, индустриальную, аграрную, культурную сферы, историки почти не писали о рядовых людях, составляющих основную массу общества, не задумываясь о том, что народ о котором так много говорилось и писалось с точки зрения социально-классового анализа, состоит из множества людей со своим мировоззрением, мнением, желанием. Невозможно воссоздать реалии конкретной эпохи исключительно через законы, постановления, декреты, являвшиеся плодом мысли власть имущих, не всегда адекватно и правильно воспринимавших проблемы людей. Безусловно они могли быть пленниками обстоятельств, в которых они оказывались, не исключая и харизматических «вождей» и лидеров.

Очевидно, что законодательные и прочие общественные институты должны быть предметом изучения социальной истории, но в таком контексте, где учитываются реальные жизненные ситуации, возможно не всегда открытые властям. Как считает российский историк А.К. Соколов «История «снизу» не должна заключаться в «гетто», а взаимоувязываться с историей «сверху». Но приоритет в свете сказанного, должен

принадлежать первой»⁴⁴.

Размышления о сути, содержании и задачах методологии социальной истории – это предмет специального изучения, требующего анализа советской и современной литературы, в том числе и узбекистанской, имеющий в этом смысле свои особенности.

При первом же взгляде на нее создается впечатление, что советские историки, да и современные понимали и понимают под социальной историей нечто совсем иное, чем западные, тогда как в Германии, Франции, США, Великобритании уже в 60-70-х годах она бурно развивалась не только теоретически, но создавались кафедры, различного рода подразделения при Университетах, в СССР существовало простое топорное примитивное понятие: социальная история – это классовый анализ общества, учитывающий приоритет рабочего класса, крестьянства, как его младшего брата, и интеллигенцию как сословия.

Мы уже пережили то время, когда в центре исторических исследований находилась преимущественно политическая история. Это был нужный и полезный ракурс. Политическая история, на то и политическая, чтобы по-новому осмыслить историю властных действий, изменявших мир, в новых политических условиях. В этом смысле в исторической науке России, стран СНГ и Узбекистане произошел переворот, который совершенно изменил представления о колониальной системе, советском государстве. На основании новейших архивных данных создано немало полноценных трудов, касающихся этих тем. Хотя надо признать, что при этом пришлось пережить «утомительный и неприличный для серьезного ученого разоблачительный пафос». Но наряду с достижениями становится очевидным, что образовался определенный вакуум в освещении социальных вопросов, особенно в отношении истории Узбекистана. Создается ощущение,

⁴⁴ Соколов А.К. Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М.: РОССПЭН, 1999. С. 70.

что и сейчас нет четкого понимания задач социальной истории, причиной которого является живучесть прошлых догматических установок. При этом надо признать существование и достаточную развитость в изучении отдельных тем, касающихся социальных вопросов, таких как семья, гендер, детство, труд, положение женщин и т.д. Однако тематические рамки этих исследований обозначаются специальностями история отечества, этнология, психология, экономика, философия, юриспруденция, но далеко не социальная история.

Попытаемся на отдельных примерах показать степень изученности, применяемую методологию исследований, проблемные и хронологические рамки исследований, касающихся социальной истории Узбекистана и отчасти бывшего Союза.

Как трактовалась социальная история в советской историографии? (в том числе в Узбекистане)

Существовала ли социальная история в советский период, как направление науки? Да существовала, в качестве прикладной науки. Давать ей общие характеристики очень сложно, поскольку история древности, средних веков и история колониального и советского периодов в контексте социальных проблем имеют различные характеристики, и основаны на разных подходах и методах. Определяется это степенью внедрения идеологических установок, составом источников и степенью междисциплинарности изучаемых проблем.

Остановимся на таких отраслях как археология и медиевистика. Первая основана на изучении материальной культуры посредством археологических материалов, вторая основана на изучении письменных источников. В области археологии практика тесно связана с теорией, как говорится история добываемая из недр земли, при правильном сопоставлении и анализе, сличении с имеющимися письменными сведениями дает реальные сведения о социальной жизни общества.

Археологические исследования нередко позволяют определить социальные взаимоотношения народов, в древности и средневековье, социальный строй. Конкретные ма-

териалы полевых исследований археологов помогают в определении времени и форм сложения семейных отношений, даты возникновения большой патриархальной семьи, судить о социальной иерархии общества. Особое значение при этом имеют изучение материалов погребений, которые как известно, были четко регламентированы по социальным группам: царские погребения, погребения родовой аристократии, погребения низовых социальных групп. Достаточно хорошо отражены в археологических работах социально-гендерные вопросы. Археологические исследования дают весьма ценную информацию о положении женщины в семье и обществе. Замечательным примером попытки реконструкции форм социального строя по курганным материалам скифского времени была сделана А.Д. Грачом еще в 1975 г.⁴⁵

Решающее значение в разработке этой проблемы имело изучение стратиграфии памятников с целью выяснения вопроса об одноактности или многоактности коллективных погребений и определения причин смерти – насильственной для захоронения с умершими мужчинами (обряд соумирания) или естественной. Анализ внутренней топографии погребальных камер и определение положения останков женщин в соотношении с остальными мужчинами, изучение распределения инвентаря при женских и мужских костяках, соотношение и расположение костяков по возрасту, в том числе детских – все это позволяет сделать заключение о социальных картинах древнего общества. Как видим и археология обладает определенной методикой для изучения социальных вопросов. Кроме того археологические данные в соотношении с антропологическими исследованиями позволяют определить контуры возрастных характеристик, что в свою очередь дает дополнительные сведения для освещения социальных вопросов.

⁴⁵ Грач А.Д. Принципы и методика историко-археологической реконструкции форм социального строя (по курганным материкам скифского времени Казахстана, Сибири и Центральной Азии) // Социальная история народов Азии. М.: Наука, 1975. С. 158-189.

Раскрытие же настенных изображений (например Афрасиабские) дают представление не только о социальном уровне определенного слоя населения, хозяйственных и общественных укладах, но и дают сведения об этнических и антропологических признаках, культуре, торговле, религии и т.д.

Некоторые причисляют это к визуальной истории, нам кажется это один из методов социальной истории, позволяющий судить о рамках социального строя. К этому же методу применительно к средним векам относится и изучение миниатюр.

В отличие от работ по более позднему времени в археологических исследованиях, благодаря их практической методике есть конкретные данные об определенных сторонах социальной жизни древнего общества.

Иное положение в области медиевистики. Здесь уже на протяжении многих лет действовали идеологические рамки не позволявшие адекватно и полно освещать социальную историю населения, в том числе Центральной Азии. Достаточно напомнить, что в этот период благодаря формационному подходу принцип классового разделения общества был распространен и на средневековый период с ссылкой на особый способ азиатского производства.

Нельзя, конечно, не отметить и изданную в 2012 г. монографию «История Узбекистана (XVI – первая половина XIX в.)», где в отличие от других трудов такого рода, включены социальные вопросы этого периода: вопросы быта, повседневная жизнь и материальная культура, социальный состав населения и др., хотя эти вопросы здесь носят описательный характер.

Социальные вопросы колониального периода были освещены в ряде публикаций в советское время, но преимущественно в контексте ремесла. Широко известны работы Х.З. Зияева, посвященные жизни, быту и социальному по-

ложению мигрированных в Сибирь узбеков⁴⁶. В целом же социальные вопросы и колониального и советского периодов рассматривались исключительно в контексте 2-х направлений: 1) экономики, 2) идеологии. Надо сразу отметить, что в изучении современности в советский период решающей базой была пусть еще слабая, но социологическая школа, благодаря конкретным исследованиям, через которые мы имеем некоторые представления о социальной истории общества Советского периода.

Методологические проблемы изучения социальной истории не были четко отработаны, и как и вся историческая наука, основывались на марксистско-ленинской теории классов.

В исторической литературе советского периода само слово социальный, или социальная встречается крайне редко, как нечто, требующее осторожности в обращении. Это слово всегда выступает в роли приставки к слову «экономика» и «классовый».

Основной корпус литературы, где содержатся социальные характеристики составляют публикации, касающиеся рабочего класса, как главного субъекта социально-исторического процесса XX в., составляющие большой объем. Это труды о возрастающей ведущей роли рабочего класса, повышении его материального, культурно-технического уровня.

Не исключение в этом отношении и узбекистанская историография.

Как известно в 1964 – 1966 годы были изданы I, II, III тома «Истории рабочего класса Узбекистана». Здесь есть все, что угодно: проблема № 1 – формирование рабочего класса, повышение квалификации, рост культурно-технического уровня и самое главное в советской апологетике – показ руководящей роли рабочего класса в социалистическом строительстве. При этом нет ровным счетом никаких сведений о проблемах жизненного уровня, конкретных трудностях в

⁴⁶ Зияев Х.З. Узбеки в Сибири (XVII-XIX вв). Ташкент: Фан, 1968. 73 с.

решении социальных проблем, хотя с присущей этому времени тенденцией прекрасно показаны меры и решения властей по социальному положению трудящихся. Впрочем это касается и истории крестьянства, называвшими историей аграрных преобразований.

Конечно, мы не могли в ракурсе нашего исследования не обратить внимание на многотомные работы, это прежде всего 4-х томник истории Узбекистана, изданный в 60-х годах. С точки зрения социальной истории самым привлекательным, на мой взгляд, является II том, «История присоединения (заметим изменение термина «завоевание» на «присоединение») Узбекских ханств к России до Великой Октябрьской социалистической революции»⁴⁷. Глава «Социально-экономические отношения в Узбекистане в начале XX века» написано достаточно адекватно на серьезном документальном материале с характеристикой хозяйств, земель, социальной структуры населения, процессы обезземеливания дехкан, уровень доходов, институт мардикерства. Заслуживают внимания и данные о промышленности, снабжении ее сырьем, ремесленном производстве, институте хальфа, его структуре, уровне доходов ремесленников, рынках сбыта, женском труде и др. Характеристика и здесь как ни странно меньше всего политизирована. Однако социальная история ограничена только началом XX в.

В третьем томе, охватывающим с 1917 по 1937 годы социальные вопросы вкупе с экономическим рассматриваются почему-то только в отношении узбекского кишлака и описываются исключительно меры компартии по проведению земельно-водной реформы. По сути здесь нет социальных вопросов⁴⁸. Окончательно эта тема исчезает в четвертом томе, хронологически охватывая 1938-1965 гг., названные периодом завершения строительства социализма и перехода к коммунизму, нет даже в использовании слова «социальный»⁴⁹.

⁴⁷ История Узбекской ССР. Ташкент: Фан, 1968. Т. II. С. 147-220.

⁴⁸ История Узбекской ССР. Ташкент: Фан, 1967. Т. III. С. 435-451.

⁴⁹ История Узбекской ССР. Ташкент: Фан, 1968. Т. IV. 583 с.

В этот период роль отражателя социальных картин прошлого выполняла этнография, сосредоточенная в Институте истории АН РУз. Отдел этнографии, возглавляемый много лет К. Шаниязовым на протяжении ряда лет изучал целый ряд вопросов, связанных с жизнью, бытом и культурой различных регионов республики. Конечно эти работы носили этнографический характер и были описательны, не содержали проблем и поиска путей их решения. Но все же они чрезвычайно полезны в качестве источников для изучения социальных вопросов. Последним достижением в этой области является монография «Узбеки», где освещены все стороны социальной жизни узбекского народа.

В 70-х годах термин «социальный» используется довольно часто, но совершенно не отвечает своему содержанию.

Более того создается впечатление, что в советской историографии нет градации между категориями социальный, и социалистический. Показателем этого является книга изданная в издательстве «Наука» в 1982 г. в Москве «Социальные движения и борьба идей: Проблемы истории и историографии». Внимание здесь фокусируется в основном на «классовой борьбе и развитии» пролетариата и несколько статей посвящено проявлениям социалистических идей в Европе.

В философской и исторической литературе часто обыгрываются такие дефиниции как «социальная справедливость», «социальная активность», «социальная мобильность», «социальные ориентиры» более всего употребляется «социальная политика», особенно в отношении КПСС.

В некоторых работах их толкование доходит до абсурда. В книге «Социальная политика КПСС в условиях развитого социализма» (М.: Изд-во полит. лит-ры, 1979. 431 с.), основываясь на высказывании Ленина утверждается, что социальной справедливостью является преодоление существующих различий между работниками умственного и фи-

зического труда^{*50}.

Достаточно абсурдным выглядит известный старшим коллегам советский тезис, оформленный в этой книге так: «В своей политике, направленной на преодоление существенных различий между работниками физического и умственного труда, партия исходит из того, что в процессе становления полной, коммунистической социальной однородности необходимы прогрессивные изменения в облике работников не только физического, но и умственного труда»⁵¹ и эта однородность должна согласно этой теории вылиться в образование новой исторической общности людей – советского народа.

Проблема социального выравнивания долго была объектом внимания советских специалистов. Так, в достаточно серьезном издании периода перестройки написано: «Для нашего общества актуальная проблема выравнивания на уровне потребления всех групп, а, во-первых, возможностей саморазвития и, во-вторых, уровня вознаграждения за равнокачественный труд в общественном производстве. Это есть социалистический вариант социальной справедливости, который мы сейчас называем социалистической справедливостью. Социалистическая справедливость, в отличие от социальной, имеет четкое социальное содержание и потому может быть положена в основу вполне конкретной политики»⁵².

Одному узбекистанскому философу (кажется) пришло в голову проследить социальную активность народа на всем протяжении истории⁵³. Возникает вопрос – как это возможно, если народ состоит из разных социальных групп и слоев

*Это надо наверное понимать так, что социальная справедливость установится тогда, когда не будет различий между человеком, работающим в производстве и ученым, то есть никогда.

⁵⁰ Социальная политика КПСС в условиях развитого социализма. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1979. 370 с.

⁵¹ Там же. С. 353.

⁵² Социальные ориентиры обновления: общество и человек / Под ред. Т.И. Заславской. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. 249 с.

⁵³ Артыкходжаев М. Социальная активность народа в историческом процессе. Ташкент: Узбекистан, 1992. 135 с.

населения. Какое арифметически среднее берется за основу для вычисления общей активности?*

Однако в области социологии, социальные исследования выглядели более адекватно и оптимистично, нежели в истории. Еще в 60-70-х годах, как известно существовала советская социологическая ассоциация, которая издавала сборник «Социальные исследования», который несмотря на идеологический оттенок, освещал результаты конкретных социальных исследований на основе количественных методов, моделирования, корреляционного анализа. Многолетний вклад данного журнала был чрезвычайно полезным и для узбекистанских социологов, которые проявляли уже с 80-х годов активность по изучению социальных проблем семьи и демографии.

Следует отметить, что в конце 80-х годов впервые в отечественной практике в Институте истории по инициативе Р.Я. Раджаповой был открыт отдел социологии, призванный проводить исторические исследования с использованием методов социологии. К сожалению он просуществовал недолго, а социальная история, как направление исторической науки продолжало оставаться вне целенаправленного внимания историков.

Что же изменилось за последние десятилетия в подходах к социальной истории в Узбекистане. Если говорить о позитивных сдвигах, следует отметить две тенденции:

1) некоторое усиление внимания историков к этой проблеме, особенно в рамках XX века.

2) междисциплинарное развитие направления и переход фокуса изучения в рамки чистой социологии. Соотношение двух тенденций один к пяти. Следует отметить, что XX век это

*Это была совершенно безуспешная политическая попытка на трех работах (С.П. Толстов «По следам древнехорезмийской цивилизации», 1948 г., «История Узбекской ССР с древнейших времен до наших дней», 1974 г. и «История первобытного общества. Эпоха классового образования», 1988 г.) показать активность как классовую категорию истории. Удивительно, что в начале 80-х так сохранялась еще идеологическая риторика 30-х годов.

наиболее благотворный период для изучения его в контексте социальной истории. Для этого почти все доступно: источники, социологические исследования и др. всевозможные методы исторической науки. В этом плане я бы отметила две работы узбекистанских историков: Н.А. Абдурахимовой⁵⁴ и Ф. Набиева⁵⁵, написанных в качестве докторских диссертаций. Первая из них (1999 г.) посвящена колониальной системе власти в Туркестане. Однако автор не обошел социальной характеристики структуры власти на всех уровнях, начиная от высшего эшелона до уездного и волостного чиновничества, включая сословную принадлежность, образование, семейное положение, материальный уровень. Более того здесь показаны социальные меры властей для группы чиновников разного уровня, от деятельности которых зависело во многом состояние управления. Чрезвычайно интересны личностные характеристики всех генерал-губернаторов Туркестана и их деятельности, в том числе социальном отношении, а также состояние движимого и недвижимого имущества администрации, уровень коррупции и казнокрадства и его технологии в чиновничьем аппарате.

Что касается советского периода, то диссертация Ф. Набиева «Проблемы и противоречия социальной политики в Туркестане (1917 – 1924 гг.)» достаточно четко освещает почти все социальные проблемы первых лет советской власти. Параллельно с социальной политикой властей и мерами, предпринятыми большевиками, показано реальное положение населения в столь трудных кризисных условиях. И хотя автор старался строго соблюдать внутреннюю хронологию, он сумел показать на конкретных статистических данных социальное положение и механизм самообеспечения почти всех стратиграфических уровней общества и противоречивую «военно-коммунистическую» деятельность властей по так называемому

⁵⁴ Абдурахимова Н.А. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX – начале XX в.: Дисс. ... док. ист. наук. Ташкент, 1994. 273 с.

⁵⁵ Набиев Ф. Проблемы и противоречия социальной политики в Туркестане (1917-1924 гг.): Автореф. дисс. ... док. ист. наук. Ташкент, 1995. 48 с.

социальному обеспечению населения, некоторые позитивные меры и неадекватность официальных деклараций и реальности.

Следует отметить, что колониальный и советский периоды – являются самыми притягательными для многих начинающих историков Узбекистана. Причины в доступности материалов, знании русского языка. За последние годы защищено огромное количество диссертаций по различным аспектам этих периодов, где есть и элементы социальной истории. В некоторых из них освещены определенные социальные группы, хотя большинство работ написаны в политической канве. Однако работ по социальной истории, отвечающих всем принципам этого научного направления пока еще чрезвычайно мало.

Однако в изучении социальной истории в Узбекистане за последние годы есть два явления – это сборник материалов первой международной конференции «Социальная жизнь народов Центральной Азии в первой четверти XX века: традиции и инновации», проведенная Институтом истории совместно с Международным институтом Центрально-Азиатских исследований ЮНЕСКО в 2008 г. и первая монография (ее автор Н. Махкамова), посвященная анализу социальной структуры общества (конец XIX – 30-е годы XX в.)⁵⁶.

Социальная история советского периода освещена чрезвычайно мало. Чтобы понять «гнет и репрессии», с которых начинаются статьи и книги по колониальному и советскому периодам нужно начать с истории субъекта, его жизни, выйти на этот гнет и снизу идти наверх, чтобы понять конкретное его отражение на людях.

Что же касается современности, то следует отметить, что в контексте изучения социальных проблем здесь сделано достаточно много, от социального уровня жизни населения

⁵⁶ Махкамова Н.Р. Социальная структура общества на территории Узбекистана: традиции и трансформация (конец XIX – 30-е годы XX в.). Ташкент, 2009. 234 с.

Узбекистана до социального маркетинга⁵⁷. И в этом большая заслуга социологов, которые имеют свои точки опоры в виде кафедр и центров в различных образовательных и научных учреждениях.

В качестве примера можно привести замечательные работы – диссертации М.А. Ризаевой «Социальные аспекты оптимизации семейно-брачных отношений в Узбекистане»⁵⁸ и Н.М. Латиповой «Роль молодых специалистов в трансформации социальной структуры Узбекистанского общества»⁵⁹, которые и являются ярким свидетельством результативности работ социологов в области социальных проблем.

В годы независимости в Узбекистане как и в других республиках СНГ, на систематической основе публикуются ежегодные статсборники «Социальное развитие и уровень жизни населения Узбекистана», в котором даны статистические данные основных демографических характеристик, показатели уровня жизни населения, его занятости, жилищных условий, образования, здравоохранения, культуры. В сборниках имеются данные о потребительском рынке товаров и услуг, транспорте и связи, также представлены данные о внутреннем передвижении населения, возрастные коэффициенты, бюджет домохозяйств, доходы и расходы населения, показатели социальной защиты населения, пенсионное обеспечение. Это достаточно нужный источник для изучения современных социальных проблем в Узбекистане, однако в нем не нашли отражения гендерное сопоставление показателей, отсутствуют данные, характеризующие образовательный уровень женщин, их профессиональный и общес-

⁵⁷ Шарипов Р.Ш. Иқтисодий ва ижтимоий кафолатлар. Тошкент: Ўзбекистон, 1991. 53 б.

⁵⁸ Ризаева М.А. Социальные аспекты оптимизации семейно-брачных отношений в Узбекистане.: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Ташкент, 2009. 157 с.

⁵⁹ Латипова Н.М. Роль молодых специалистов в трансформации социальной структуры Узбекистанского общества.: Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Ташкент, 2009. 259 с.

твенный статус⁶⁰. Отсутствуют подробные данные по миграции за пределы республики, безработице, по адресной социальной помощи, состоянию окружающей природной среды.

Но в области истории, к сожалению данное направление, несмотря на определенные позитивные показатели, пока не проявило себя в полном объеме. Нет пока работ соответствующих современной методологии и методике социальной истории. Следует обратить внимание и на все возрастающий опыт коллег из ближайших стран, в частности России. В качестве замечательного примера приведу 2-х томную монографию Б.Н. Миронова «Социальная история России. Генезис личности демографической семьи, гражданского общества и правового государства», изданного в С.-Петербурге в 1999 г., представлявшую собой крупнейший мегапроект по социальной истории России.

Анализ историографии социальной истории приводит к заключению о том, что:

– Социальная история должна развиваться как одна из важнейших направлений истории. Но она должна разрабатываться в тесной связи с историей экономической, политической, культурной, но не растворяться в них, и не быть их лишь маленькой частью, при этом изучаемый аспект не должен терять связи с целым явлением.

Учитывая, что в изучении социальной истории между западной и узбекистанской историографией имеется большое размежевание, необходимо в той или иной форме продолжить прием зарубежного опыта.

Необходимо создание института специальности (кафедра, центр, группа), которая бы разрабатывала методологию изучения с учетом центральноазиатской специфики.

Дилором Алимова,

док. истр. наук, профессор.

Институт истории АН РУз (Узбекистан)

⁶⁰ Социальное развитие и уровень жизни населения Узбекистана. Статсборник, 2008. Ташкент, 2008. 188 с.

«МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО МЕТОДИКЕ "ORAL HISTORY": ОПЫТ КАЗАХСТАНА».

Исследовательские проекты с использованием методики «Устная история» проводятся в Казахстане достаточно часто в междисциплинарных проектах, включающих ряд методик сбора информации и анализа данных. Ниже приведена информация о нескольких крупных исследовательских международных проектах.

Проект «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории» (2010 г).

Проект «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории» - результат сотрудничества казахстанских и зарубежных экспертов в рамках одноименного социологического исследования и часть международного проекта «Память во имя будущего», инициированного Ассамблеей народа Казахстана и Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ в 2010 году.

Основной задачей социологического исследования был ретроспективный сбор информации о депортации в Казахстан в 1930-50 гг. от непосредственных участников процесса, что позволило собрать уникальную историческую информацию и создать базу из 82 интервью, собранных в Казахстане, Российской Федерации, Армении, Белоруссии, Узбекистане, Азербайджане, Германии, Молдове, Турции, в том числе проведенных и с учеными из Российской Федерации, Южной Кореи, Великобритании, США, Турции, исследующими историю депортаций народов.

Во время исследования опрашивались азербайджанцы, армяне, балкары, белорусы, гагаузы, греки, евреи, ингуши, карачаевцы, корейцы, крымские татары, курды, немцы, поляки, турки-месхетинцы, чеченцы, которые были депортированы в Казахстан и в настоящий момент проживают в Казахстане или

в других странах.

Респонденты, которых удалось найти для проведения интервью, в большинстве своем во времена депортаций были детьми. Сегодня это люди преклонного возраста, старше 60 лет. Если удавалось найти депортированных взрослых членов семей, то все они были старше 80 лет. Кроме пострадавших от депортаций опрашивались и дети депортированных, родившиеся уже после исследуемых событий, но хорошо знающие по семейным рассказам о депортациях. Также были опрошены казахи, семьи которых были свидетелями депортаций.

По итогам работы был снят документальный фильм «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории»⁶¹, презентация которого состоялась на Форуме историков в Астане 28 мая 2010 г., первый публичный показ фильма состоялся 31 мая 2010 года, в день Памяти жертв политических репрессий по национальному казахстанскому ТВ «Хабар». Презентации фильма прошли в Турции, России, Южной Корее, Болгарии, США, Польше и Испании.

Над проектом работала большая международная группа исследователей: научный консультант Проекта - профессор Павел Полян, доктор географических наук (Россия, Москва), руководители Проекта: Ботагоз Ракишева – руководитель Проекта, директор Исследовательского института «Общественное мнение», кандидат социологических наук (Казахстан, Астана), Дмитрий Полетаев – со-руководитель Проекта, директор Центра миграционных исследований, кандидат экономических наук (Россия, Москва), эксперты: Профессор Хаяти Тюфекчиоглу, Стамбульский университет (Турция, Стамбул), Профессор Ким Дог Чжун, Университет Кенги (Южная Корея, Сеул), Профессор Уильям Фиерман, Университет Индианы (США, Блумингтон), Профессор Ширин Акинер, Кембриджский университет (Великобритания, Лондон). Авторский коллектив: Калашникова Наталья, Герман Ким, Садвакасова Айгуль, Емишева Гульден, Жамбурчина Дамиля, Руднева Ев-

⁶¹ Фильм находится на официальном сайте Исследовательского института «Общественное мнение» // http://www.opinions.kz/?page_id=259

гения, Пак Марина, Мажитова Айнур, Ашкенова Гулден, Ахметжанова Найля, Жолдыбалина Алуа, Калмыков Сергей, Кожирова Светлана, Керимбекова Батес, Абилова Айгуль, Жаминова Анар, Маканова Анар, Калымова Асель (Казахстан), Полетаев Дмитрий, Сеницын Федор, Непахарева Ольга (Россия), Масленкова Елена (Беларусь), Ким Виктор (Таджикистан), Эргешов Заирбек, Мырзабеков Эмирлан (Кыргызстан), Эльдар Гюнайдын (Азербайджан), Сабиров Алишер, Назаров Равшан (Узбекистан), Арутюнян Людмила, Армен Казарян (Армения), Хорозов Сергей (Молдова), Марсель Елена (Германия), Сандулов Юрий (США), Хаяти Тюфекчиоглу (Турция), Анджей Верджбицкий (Польша).

Методология проекта была опубликована в книге «Устная история в Узбекистане: теория и практика. Сборник материалов конференции. Выпуск I». Отв. ред. Р.М. Абдуллаев. – Ташкент, 2011/1/. Позже, в 2013 году вышла книга «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг: общность истории», где были опубликованы интервью с пострадавшими от депортаций в 1930-50 гг. /2/. Книга⁶² выпущена при финансовой поддержке Исследовательского института «Общественное мнение» в книжной серии журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика».

Из интервью: «В 1944 году 23 февраля жителей нашего села Бозоркина, всех собрали в клубы и сказали, что будет какое-то торжественное собрание по случаю такого торжественного дня. Все мужчины, по-моему, от 14 или 16 лет должны были собраться обязательно в клубе. Всех мужчин собрали, что-то им рассказывали, по случаю праздника успехи говорили и прочее, продержали до часов 5. В 5 часов им сказали: ваши женщины сидят в вагонах и составы под Моздотом. Можете их догонять, т.е. пока все мужчины были на этих собраниях, они пришли домой всем женщинам сказали: 3 часа на сборы, собирайте все что можете. Ну как сможете,

⁶² Книга находится на официальном сайте Исследовательского института «Общественное мнение» // http://www.opinions.kz/?page_id=265

там было ограничение. Вот, мать моя рассказывает, что два мешка муки она взяла и там детские, у нас только один ребенок был»,

«Весь мой народ тронула, весь карачаевский. Первый раз карачаевцев выселили в 1943 году. Немцы пришли в 1942 году к нам. Они через Ставрополь, из-под Сталинграда пошли сюда, а уже в 1943 году наши войска стояли, немцы уже ушли. В 2 ночи наши с автоматами зашли, и сказали, вы переселяетесь в Казахстан, на сборы вам час. Нас 9 человек, две бабушки, отец был председателем колхоза, и с печатями, со всем нас погрузили в 5 часов на телячьи вагоны в городе Кисловодск, дом, все оставили, все под замок».

Исследовательский проект «Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории» был проведен в 2010 году сотрудниками Института социально-политических исследований (Казахстан, Астана), Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан (Казахстан, Астана) (позже на их основе был организован Исследовательский институт «Общественное мнение») и Региональной общественной организации «Центр миграционных исследований» (Россия, Москва).

Проект «Современная трактовка философии Алаш Орды в среде казахской диаспоры: состояние, оценка, уроки (социоисторический анализ)» (2011 г.)

Международный междисциплинарный проект «Современная трактовка философии Алаш Орды в среде казахской диаспоры: состояние, оценка, уроки (социоисторический анализ)», проведен Институтом социально-политических исследований под эгидой Ассамблеи народа Казахстана. Данный проект АНК был реализован при поддержке ФНБ «Самрук-Казына» и ОФ «Фонд Ассамблеи народа Казахстана», разработан исследователями и учеными Научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана.

Данный проект стал продолжением другого международного проекта, проведенного учеными из различных

стран мира накануне Первого форума историков в 2010 году *«Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 гг.: общность истории»*, в рамках международного проекта *«Память во имя будущего» (2010 г.)*. Во время проведения данного исследования возникла идея продолжения проекта на базе методологии «Устная история» (Oral history), посредством опроса среди этнических казахов – очевидцев джута. Время «великого джута», или как его еще называли «смертный голод», «голод степи», «голощекинский голод», принесло многочисленные людские потери. Данный период времени в истории Казахстана является малоизученным и изобилует различными интерпретациями. Один из вопросов – количественные потери казахского этноса (погибшие во время голода и откочевавшие в другие страны). К сожалению, в научной литературе отсутствуют точные данные о количестве погибших, о последствиях данного события, о влиянии данного исторического факта на дальнейшее развитие казахского этноса. Часть современной казахской диаспоры являются потомками именно тех родов, которые вынуждены были откочевать в другие страны.

Цель проекта – изучение современного прочтения феномена Алаш в среде казахов, проживающих за пределами современного Казахстана. Алаш, как идея независимости, стала одним из основных факторов сохранения почти 5 млн. казахов, проживающих сегодня в 45 странах мира. Независимость, как общенародная идея, всегда была на повестке дня, проводниками этих идей в разное время были Оспан Батыр, Мустафа Чокай и алашординцы. Позднее эту идею вынесла на площадь в декабре 1986 г. казахская молодежь. Под термином «Алаш» мы подразумеваем именно идею, идею независимости, идею сохранения этноса, идею этнической целостности казахов. Ретроспективный сбор информации от участников процесса и исследователей данного вопроса позволил накопить уникальную историческую информацию. В ходе исследования были проведены интервью с представителями казахской диаспоры, с

руководителями казахских культурных центров Западной Европы (Мюнхен, Вена, Париж) и США (Нью-Йорк).

В ходе проекта была сформирована экспедиция в Урумчи (Китай, СУАР), в казахские аулы, где можно было воочию наблюдать за сохранившимся укладом кочевой культуры казахов. В настоящее время, по различным источникам, в Китае казахская диаспора насчитывает до 1,5 млн. человек, живущих в основном в Синьцзян-Уйгурском автономном округе. В плотно заселенных казахами аулах можно наблюдать законсервированную культуру – в языке, в обычаях и традициях, в системе взаимоотношений сохранилась казахская аутентичность.

В Турецкой Республике казахская диаспора была основана в середине XX века. Государственная политика этой страны позволила обосноваться казахской диаспоре на территории страны, адаптироваться в социально-коммуникативной среде и стать в дальнейшем одним из положительных механизмов взаимоотношений двух стран. Миграционный путь их начался в 1930-1940 гг., из Алтайского округа Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР), через Индию, Пакистан, Саудовскую Аравию. Сегодня в Турецкой Республике проживает более 20000 этнических казахов. Турция привлекла мигрантов благодаря единству исторических и культурных корней, тюркской основы языка и мусульманской религии. В настоящий момент казахи проживают в Стамбуле, Анкаре, Измире и в других регионах Турции. Сегодня в Стамбуле в районе Зейтинбурну, Гюнешли (Казахкент) компактно проживают семьи этнических казахов. В Турцию иммигрировали казахи, проживавшие в Афганистане, и в ходе исследования были найдены очевидцы и потомки тех, кто помнит джунт 1930-х гг.

Идея независимости была основной идеей партии Алаш Орда, образованной по инициативе видного казахского политического деятеля Алихана Букейханова и ставившей целью достижение независимости казахов на уровне автономии в рамках России. Основой программы партии «Алаш» было

провозглашение первого самостоятельного государства в 1918 г. В партийных рядах насчитывалось 583 человека (алашординца), среди которых были Ахмет Байтурсынов, Мустафа Чокай, Миржакип Дулатов, Мухамеджан Тынышпаев, Смагул Садвокасов, Магжан Жумабаев, Газымхан Кенесарин и многие другие. Мустафа Чокай является не только одним из ярких представителей Алаш Орды и идейным ее вдохновителем. Для современной казахской диаспоры он является одним из национальных героев, лидером. Имя Мустафы Чокая позволило консолидироваться этническим казахам, проживающим вне Родины, и стало одним из факторов сохранения этноса. В связи с этим и наши изыскания были акцентированы именно на личности М. Чокая.

**Мусульманская часть немецкого кладбища
Waldfriedhof, Мюнхен, Германия, 2010 г.**

Во время экспедиции по странам Западной Европы в Париже, в Ножане, были найдены два дома, в которых проживал Мустафа Чокай с супругой Марией. А в Берлине обнаружена могила М. Чокая. Из рассказов служителей турецкой мечети, на территории которой находится могила, это место является местом паломничества казахов со всего мира.

Одной из страниц истории Великой Отечественной войны является процесс формирования Туркестанского легиона из солдат-мусульман, попавших в плен к фашистам. Их судьба трагична и сложна. Во время исследования с помощью представителей казахской диаспоры нами было найдено кладбище, где захоронены эти люди.

Результаты исследования были предоставлены в виде научного документального фильма «Сөнбесін от алауы»⁶³. В данном фильме использованы редкие кадры из прошлого и настоящего казахской истории, собранные во время экспедиций в рамках проекта.

Ряд материалов был положен в основу книги «Сөнбесін от алауы»⁶⁴. Она может быть полезной при исследовании отечественной историографии, диаспоральной и миграционной политики, сферы межэтнических отношений. В данном издании представлены статьи и интервью с учеными и экспертами из разных стран мира, чья деятельность в той или иной степени связана с изучаемым вопросом. В ходе исследования были получены консультации от известных исследователей феномена Алаш Орды, ставшими участниками фильма, снятого по результатам исследования. Хотелось бы отметить помощь, оказанную профессором Уямой Томохико, исследователем творчества Мыржакыпа Дулатова, научным сотрудником Центра славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, Хоккайдо), и профессором Университета Сакария Мусой Ташедленом (Турция, Стамбул).

В книге использованы интервью и материалы отечественных и зарубежных ученых и общественных деятелей, которым мы выражаем признательность за помощь, в их числе: Мурат Ауэзов, директор Фонда Мухтара Ауэзова (Казахстан, Алматы), Бейбут Койшыбаев, писатель, заместитель председателя Казахстанского историко-просветитель-

⁶³Фильм находится на официальном сайте Исследовательского института «Общественное мнение» // http://www.opinions.kz/?page_id=259

⁶⁴Книга находится на официальном сайте Исследовательского института «Общественное мнение» // http://www.opinions.kz/?page_id=265

ского общества «Адилет», кандидат исторических наук (Казахстан, Алматы), Султанали Балганбаев, заместитель председателя Всемирной ассоциации казахов, главный редактор журнала «Алтын бесік» (Казахстан, Алматы), профессор Дихан Камзабекулы, доктор философских наук, проректор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан, Астана), профессор Намазалы Омашев, доктор филологических наук, декан факультета журналистики и политологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, директор Центра изучения проблем журналистики (Казахстан, Астана), профессор Муса Таждилен, доктор исторических наук (Университет Сакарія, Турция, Стамбул), профессор Уямо Томохико, доктор исторических наук (Центр славянских исследований, Япония, Хоккайдо), профессор Ирина Октябрьская, доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии Института археологии и этнографии сибирского отделения Российской академии наук (Российская Федерация, Новосибирск), Кызырхан Шолпан, руководитель культурного центра казахской диаспоры в Вене (Австрия, Вена), Алия Алхан, руководитель казахстанского культурного центра (США, Нью-Йорк).

В издании представлены интервью с Таликом Онгарулы (84 года) и Юсуфом Жанайдарұлы (76 лет), очевидцами джута, семьи которых мигрировали из Казахстана в Афганистан во время джута. Сейчас они проживают в Стамбуле. В Казахстане подобное интервью было проведено с Бекмади Ахат Бекмадиұлы (88 лет).

Представляем вашему вниманию некоторые выдержки из интервью с очевидцами жута:

Талик Онгарулы (Стамбул, Турция): *«Когда я покинул Казахстан, мне было всего три месяца или три года. О голоде, который был в то время, мне известно не многое. Слышал от своей матери, что это было очень трудное время. Было так трудно, что стал понятен смысл поговорки «Ячмень и пшеница – еда, золото и серебро – камень». За одну тюбетейку пшена некоторые продавали своих дочерей. Деньги*

были, но на них нельзя было купить еды, потому, что еды не было. Да, это было очень трудное время», – говорила она»;

Юсуф Жанайдарулы (Стамбул, Турция): «Я не видел голода в Казахстане, потому, что в то время меня еще не было на свете. Мне 76 лет, я родился в Афганистане. Мой отец умер, когда мне было 13 лет, я остался сиротой, жил в Узбекистане, в Афганистане. Был человек по имени Усаоки. После Афганистана мы не умели выполнять какую-либо работу, мы же только пасли скот. Тогда мне было 8-9 лет. Я учился и одновременно шил обувь – кебисы. Тогда строили «лашык» – в землю втыкались жерди, крышу чем-нибудь накрывали, на пол что-нибудь стелили, и жили. И зимовали в них же. Домов не было. Вот, однажды я пришел, а этот человек сидит и плачет. Я поздоровался и спросил: «Почему ты плачешь? Старуха побила?». «Нет», – сказал он. «Кто тебя побил, почему плачешь? Человек плачет, когда его побьют, а если не побили, с чего бы ему плакать? Наверное, тебя побила старуха», – сказал я. Старуха – это мать.

«Нет, сынок. Разве у старухи хватит сил меня побить?», – ответил он.

«Если не хватит, почему ты плачешь? Кто-то же побил тебя», – сказал я.

«Сынок, я расскажу тебе одну историю. В Казахстане был жут, который называют «Змеиный жут». Во время этого «Змеиного жута» мы жили в Шымкенте. Мы не могли найти себе еды. Пыльный вихрь вырвал и унес траву, скот пал от голода. Посевы не выросли. Когда умер мой отец, нас осталось пятеро – мать, два сына и две дочери. Мать поджарила пшеницу, сделала из нее талкан, добавила молока, и с этим талканом мы отправились в сторону Ташкента», – сказал он;

Бекмади Ахат Бекмадиулы (Казахстан, Астана): «В 32-38 годы, во время голода, мне было 8-10 лет. Как рассказывали, вначале была коллективизация, у людей забрали скот, сделали его общим, а народ остался без скота. А казахи всегда жили за счет животноводства. Занимались и

земледелием, но оно было не очень распространено. Основным занятием было животноводство. Когда скот забрали, вплоть до последней коровы, начался голод. Но в колхозном центре люди понемногу жили за счет молока. За нами были отдаленные населенные пункты, в стороне от дорог. Например, на другом берегу Есиля. Мы жили на берегу Каултана. Есть старый Каултан и новый Каултан, вот мы жили в аулах на берегу реки Каултан. В середине Косколя был еще один аул, а еще один аул был на той стороне Косколя. Во время голода все жители этого аула ушли в сторону Омска, и спаслись. А те, кто остался, не смог уехать, гибли от голода. А еще дальше нас, на том берегу Есиля, в аулах, расположенных западнее нас, большинство домов остались пустыми. Их тех, кто ушел пешком, кто-то дошел, а кто-то остался в степи, без погребения. Вот, это мы видели, когда мне было 8-10 лет».

Основная помощь в подготовке исследования была оказана учеными –выходцами из казахской диаспоры, которые также оказали консультационную поддержку. Авторская группа выражает признательность за помощь в подготовке материалов проректора ЕНУ им. Л.Н. Гумилева Дихана Камзабекулы, известного исследователя Алаш Орды, за консультационную поддержку и подборку архивных материалов.

Главным результатом данного проекта можно назвать то, что мы пришли к пониманию глубины и фундаментальности идеи Алаш, которая пронесла через все перипетии истории, невзирая на политические, экономические и социальные катаклизмы общие ценности Независимости и Единства. Идея Алаш сегодня не является историческим прошлым, это живой дух времени, объединяющий казахстанцев и их потомков, где бы они не находились. Она вышла за рамки Казахстана и является вневременным и внепространственным олицетворением сильной духом нации. Нужно подчеркнуть, что историческая ценность идеи Алаш заключается в ее преемственности и потенциале для новых поколений казахстанцев.

Проект «Афганская война 1979-1989 гг. глазами очевидцев (Oral history)» (2013-2016 гг).

Результатом проекта стала книга «Память из пламени Афганистана. Интервью с воинами-интернационалистами Афганской войны 1979-1989 годов», вышедшей под редакцией Марлен Ларюэль, Ботагоз Ракишевой и Гулден Ашкеновой и одноименный фильм⁶⁵. Это результаты трехлетней работы международной группы исследователей из США, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана над проектом «Афганская война 1979-1989 гг. глазами очевидцев (Oral history)». Проект включал сбор интервью методом «Устная история» у воинов-интернационалистов, участников войны в Афганистане и подготовки документального фильма. Руководители Проекта – Марлен Ларюэль, Ph.D (США-Франция) и Ботагоз Ракишева, кандидат социологических наук (Казахстан). Основной задачей Проекта был сбор информации об Афганской войне от ее непосредственных участников для сохранения исторической памяти об одной из трагических страниц истории. Всего было проведено 20 интервью в Узбекистане, 31 интервью в Таджикистане, 21 интервью в Казахстане. Интервью даны в первозданном виде. В книге использованы материалы из частных архивов воинов-интернационалистов. Данная книга представляет собой уникальную информацию – память воинов - «афганцев» из трех стран Центральной Азии: Казахстана, Таджикистана и Узбекистана, принявших непосредственное участие в военных действиях в Афганистане в ходе десятилетней войны. На протяжении нескольких лет многие социологические работы и исследования «Устной истории» были посвящены изучению российских «афганцев». До выхода этой книги об «афганцах» Центральной Азии было известно немного, хотя граждане южных республик Советского Союза сыграли решающую роль в Афганистане, особенно, в качестве переводчиков и советников. Данная книга посвящена памяти

⁶⁵Фильм находится на официальном сайте Исследовательского института «Общественное мнение» // http://www.opinions.kz/?page_id=259

всех «афганцев» Центральной Азии, которых уже нет в живых, и кто уже не может поведать миру свою историю.

Фотографии из архивов респондентов – воинов интернационалистов

Проект провел Исследовательский институт «Общественное мнение» (Астана, Казахстан). Над Проектом работали: Айнур Мажитова, магистр социологии, Гульден Емишева, магистр социологии, Дамиля Жанбурчинова, магистр социологии, Евгения Руднева, магистр социологии, Дамира Ахатова, магистр социологии, Айтолкын Ражман, бакалавр политологии, Анастасия Шандрыга, магистр социологии, Айжан Нургалиева, бакалавр политологии. Руководители проекта в Казахстане: Гулден Ашкенова, магистр социологии, Мурат Успанов. Руководители проекта в Таджикистане: Музаффар Олимов, доктор исторических наук, Саодат Олимова, кандидат философских наук. Руководитель проекта в Узбекистане: Игорь Бирюков. Литературный редактор: Анна Абашина (Россия). Сотрудники Проекта выражают благодарность за безмерную помощь, которую оказали: Муратбек Амиржанов, Общественное объединение «Союз инвалидов и ветеранов войны в Афганистане» г.Астаны (Казахстан), Аслан Балкасымов, Общественное объединение Воинов-интернационалистов Афганской войны Актюбинской области (Казахстан), Талат Мурадов, Председатель объединения «VETERAN» воинов-ветеранов и инвалидов Узбекистана, член Высшего Совета и заместитель Председателя Международного Союза «Боевое братство», член Координационного Совета межгосударственного Комитета по делам воинов-интернационалистов при Совете глав государств СНГ (Узбекистан), Абдурахим Абдуманопов, Председатель правления Благотворительного Фонда инвалидов-ветеранов и жертв антитеррористической борьбы и вооружённых конфликтов «ВАТАН» Узбекистана (Узбекистан), Александр Князев, доктор исторических наук, профессор, действительный член Русского географического общества (Россия), Борон Сайдалиев, сотрудник Научно-исследовательского центра «ШАРК\ORIENS» (Таджикистан), Хилолиддин Зайниддинов, работник народного образования, сотрудник Научно-исследовательского центра «ШАРК\ORIENS» (Таджикистан), Ибрагим Ятимов, заместитель Председателя Ассоциации ветеранов воинов-интернационалистов в г.Душанбе (Таджикистан).

Книга с результатами исследования была издана Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте Республики Казахстана.

***Из интервью с Аматовым Дайырбеком** (командир отделения группы пограничных войск КГБ СССР, годы службы в Афганистане 1982-1983), Казахстан: «Я, Акматов Дайырбек Апсатарович, в 1982 году я попал в пограничные войска КГБ СССР на службу. Пройдя «учебку» в Казахстане, я попал на таджикистанский Памир, Мургаб, пограничный отряд. Там была сформирована 15 марта 1982 года десантная штурмовая манёвренная группа, и в числе этой группы попал в Афганистан. Там отслужил в провинции Джалал-Абад, точка Гульхана, Бандар-пост, в трёх точках, увидев первые бои, операции были... Конечно, страшно, жутко всё это. Но приказ есть приказ».*

***Атабаев Кадыр** (шеф-пилот спец.самолета Наджибуллы, лётчик 1-го класса, годы службы в Афганистане 1989-1991), Узбекистан: «Главная особенность, это то, что у нас не было никакой возможности делать ошибки. Мы должны были идти строго по плану, строго по маршруту. От экипажа требовалась, как говорится «аптечная» работа. Мы понимали, что были мишенью №1, понимали всякие (возможные) диверсии в воздухе со стороны диспетчеров (афганских и не только). Были такие случаи. Мы были готовы ко всему».*

***Азимов Али** (командир взвода, годы службы в Афганистане 1980-1982), Таджикистан: «Я неоднократно участвовал в боевых действиях по освобождению кишлаков в районе Баграма и провинции Кабул в качестве командира взвода. Имею семь боевых наград (ордена и медали) за участие в боях и выполнение заданий. Потери наших войск в ходе выполнения боевых операций были немалые, я потерял многих своих друзей и солдат. Мне было тяжело по заданию своего командования сопровождать погибших солдат до их семей и родственников, и достаточно получал резких и нелюбезных слов родственников».*

Важность исследований проведенных методом «Устная история» является неоспоримой: сохраняется уникальная информация от не посредственных участниках того или иного события. Чем меньше участников события, или чем давнее в хронологическом порядке, тем меньше шансов сохранить информацию и передать следующим поколениям. Поэтому включение «устной истории» в междисциплинарные проекты является значимым и необходимым.

Ботагоз Ракишева

*канд. соц. наук,
Исследовательский
институт «Общественное
мнение».*

Мажитова А.Б.

*магистр социологии,
Исследовательский
институт «Общественное
мнение».*

Ашкенова Г.Т.,

*магистр социологии,
Исследовательский
институт «Общественное
мнение».*

Емишева Г.Б.,

*магистр социологии,
Исследовательский
институт «Общественное
мнение».*

(Астана, Казахстан)

УСТНЫЕ ПРЕДАНИЯ – ПЛАЧИ (КОШОКИ) ПО СОБЫТИЯМ УРКУНА 1916 ГОДА

В духовной жизни кыргызов кошок развивался вместе с другими жанрами устного народного творчества и в то же время изначально имел свое отдельное развитие, в результате которого дорос до уровня эпического произведения. Кошок всегда посвящается одной определенной личности, которую и воспевают в нем. Кошок один из основных источников поэтического жанра, возникший из народных обрядов и традиций, вплетенный в народный фольклор. В песнях этого жанра, в каждой по отдельности, звучат мотивы большой печали, плача по безвозвратно ушедшим, хвалебные слова и к тем, кто покинул мир оплакивающих, и к тем, кто оплакивает, звучат проклятия к виновникам печали, мотивы невозвратности прошлого, слова назидания и от исполнителя, и от имени тех,

по ком печаль. Распространителями песен этого жанра были творческие личности, вышедшие из народной массы, которые имели большие творческие способности в красноречии, в импровизации, в поэзии, музыке. В периоды, когда происходят деградационные процессы в социально-экономической, в духовной жизни людей, человек нуждается в сильной опоре. В этих случаях человек нуждается в реальной силе, власти, в великих идеях, нужны личности, которые могут управлять процессами, которые возглавят в кризисных ситуациях. Мы можем отметить немало образцов этого жанра, которые были посвящены историческим личностям, которые нашли место в народной памяти. Создатели кошоков это народ, это природные мастера слова, вышедшие из народа. Именно эти мастера способствовали тому, чтобы появились кошоки, чтобы они развивались, распространялись среди народа и сохранились в его памяти, дошли до следующих поколений.

Художественный язык был основным инструментом кыргызских кошокчу. На основании вышесказанного можно судить об особом авторитете кошоков, об их историко-культурном значении, этнофилософской ценности, о факторах, влияющих на их формирование (географических, этнокультурных, социально-экономических и т. п.), об особенностях фольклорных традиций. В этом русле для кыргызов вопросы по теме кошоков имеют особую важность. Необходимо изучить систему песен кошоков, познать их форму и содержание, их своевременное влияние на сознание, интеллект кыргызов. Как показывает история кыргызского народа, развитие общественных отношений, выработка собственных гражданских позиций, история становления государственности, то можно понять, что для кыргызов законы природы, их естество всегда были основными, судьбой определялось многое. В кошоках широко отражались социальное положение личностей, интересы племенных групп, деяния близких, друзей и врагов, цели и задачи главных героев и их единомышленников. У кочевых кыргызов умершие на место погребения сопровождалась под исполнение кошоков их близкими (жена, мать, сестра). Траурная процессия

именовалась «Каралуукөч» (дословно и в смысловом значении: идущие в одеждах траурного черного цвета). Никто не мог пройти мимо или поперек этой процессии, даже враги. Во главе траурной процессии вели коня покойника, покрытого черным покрывалом, на луке седла свешивались его камчи (плетка, нагайка), боевой лук, клинок, копьё, при этом острие копья направлялось вниз. Символом печали был конь покойника («Кара ат» - дословно черный конь), которого вел самый близкий друг покойника или его родной брат. Все встречные перед траурной процессией освобождали путь. По этому пути прекращались все праздные мероприятия, предпринимались все меры, чтобы освободить этот путь. Женщины выше-названной категории и одетые в черные траурные цвета, держась обеими руками за собственный пояс, исполняли кошок. Их кони вели жены старших братьев мужа, пребывающих в трауре, или жены брата или родственника по отношению к пребывающей в трауре (по-кыргызски в первом случае джене, во втором случае абысын). Остальные участники траурной процессии шли за ними. В доме покойника, по мере прибывания прощающихся, женщины причитали, пели кошок, также причитали мужчины.

Наследственность в преемственности «сакральных сил» правителей мы находим в посмертном кошоке по внуку Нузуп-бия (видный кокандский военачальник начала XIX века), погибшему в июле 1916 года на юге Кыргызстана. Приведу пример кошока: «Узнав о смерти своего сына, заболел и умер его отец, волостной управитель Сулайманкул. И тогда его дочь Байыскан сложила такой кошок: «...Эх, вернулся бы наш хан-отец, дал бы он жару русским. Эх, вернулись бы мои семь предков, смерть была бы их концом»⁶⁶. Как мы видим – значение хана и его силы в борьбе с колонизаторами важный факт сакральности власти руководителей восстания. Устная

⁶⁶ Анарбекова В.Э. Кокон хандыгынын коомдуктурмушунун фольклор дочагылдырылышынатарыхыйсереп (кошоктор дунмисалында) [Текст]/ В.Э.Анарбекова. // Известия вузов Кыргызстана. – Бишкек, 2016. Республиканский научно-теоретический журнал – №11. Часть I. - 189-191-б.

история транслирует желание народа в обретении ханской власти как власти «героев-победителей», формируя архетип руководителя как в первую очередь воинского командира. Следующий кошок по Мокушу Шабданову, к сожалению, не избилует моментами о власти, поскольку сочинялся во время Советской власти. В одном из отрывков о его власти и избрании Каната сказано: «Стрелял во врагов и спас нас славный Мёкюш...»⁶⁷. И еще: «Из Кочкора и Джумгала выступили Кёкюмбай, Канат и Курман. Такова была весть. Назначили ханом Каната, возвестив это на все перекрестки земли...»⁶⁸. Как мы видим, в основе устных исторических преданий заложено желание обрести хана, как руководителя боевых действий, человека в первую очередь способного поднять силы народа на борьбу против колонизаторов. Это противоречит изжившим себя мнениям о «корыстности «бай-манапской верхушки». Ханская власть в первую очередь сакрализовалась в результате народного желания обретения правителя-воина, защитника от врагов и носителя идеи ханства как института своего государства у кыргызов. Это же подтверждают опросы населения в момент восстания. В какой-то мере данная цель обретала почву из-за исторических воспоминаний о Нузуп-бие, Пулат-хане и Шабдан-баатыре. Здесь важен сакральный аспект легитимности власти героя, архетип воителя, сложившийся в период XIX века у кыргызов. Однако оглядываясь в историю, смею утверждать что сакральная специфика ханов-правителей у кыргызов чаще имела значение «первый среди равных». У кыргызов в средневековый период и период Нового времени сакральный источник власти централизовывался вокруг личности «ажо» и «бека» как верховного правителя, при этом даже наличие чуждых титулов, получавшихся от правителей соседних народов, не снимало сакральной нагрузки у титулов

⁶⁷ Анарбекова В.Э. Историческая значимость пения причетов (кошок – оплакивание в стихах умершего) в традициях у кыргызов [Текст]/ В.Э.Анарбекова. //Наука, техника и образование. – Москва, 2016. Научно – методический журнал - №7 (25). - 80-82-стр.

⁶⁸ Там же. –С.81.

правителей кыргызов. Сакральность власти передавалась через «кут», обладание которым было жизненной необходимостью для власти правителя на протяжении всего постосевого у кочевых народов Центральной Азии. У кыргызов, как коренного кочевого населения, государственная власть имела свои отличительные черты, накладывавшие отпечаток на сакральность. Государственность у кочевников имела другую форму, функции и цели, чем у земледельцев. Её основополагающими принципами являлись:

- 1) самоорганизация общественных отношений;
- 2) деление общества по родовому принципу, в связи ЧС чем функции местного самоуправления сосредоточивались в руках родовых лидеров – манапов, биев, аксакалов и т.д.;
- 3) возникновение кочевых государств было связано не только с внутренними, сколько с внешними причинами, чаще всего с войной;
- 4) государственность кочевников носила обратимый характер. Государственные образования могли возникать и исчезать или перестраиваться по мере необходимости.

Архетип война-героя, к которому апеллируют указанные материалы, больше характерен для образа батыра. *Батыры* – социальная категория, которая имела большой социальный вес и влияние. Звание батыра присваивалось за личные подвиги и храбрость и никогда не было наследственным. Ученые-кыргызоведы считают, что бийство и манапство выросли именно из этой категории. Их можно отнести к господствующему классу, поскольку они играли большую роль в военно-политических структурах кыргызского общества, особенно в XIV- XIX вв. во время бесконечных военных конфликтов. Формирование этого сословия было основано на принципах приоритетности личных достоинств индивида. По такому принципу выбирали и руководителей восстания 1916 года. В первую очередь от руководителей ждали воинских успехов, поскольку сакрализация имела и оборотную сторону. При поражениях руководители теряли свой сакральный авторитет в среде народа, не могли защитить его от бед и ужасов

войны с более сильным противником. Приведем пример ослабления сакрализации власти руководителей в строках из плача по Уркуну: «Кыргызы не стали ждать. Они были напряжены событиями. Пришла весть и кыргызы с русскими вступили в бой. Пришел день сражения... Русские оповестили все свои силы. Из Андижана, Пишпека и Ташкента пришли русские солдаты, чтобы вырезать нас. Они подготовились очень хорошо... Вдруг, пришла весть из Чуйской долины: бежал род тынай, не спасли его главные и не было сильных. По обе стороны гор Иссык-Куля спешил народ. Начался великий исход народа: страх, перед глазами их стояла смерть, погибли храбрые, ушли сильные. Люди забыли родные края... Проложили дороги через горы, где не было перевалов раньше. О-о, родина моя Ала-Тоо – плача бежал народ»⁶⁹. Здесь раскрывается сакральность власти как ее открывал французский теоретик Реймон Арон. Он указывал, развивая теорию М. Вебера: «Человек должен быть постоянно «открыт» и «обречен на свободу», так как только в этом случае он имеет шанс лучше приспособиться к действительности и ответить на вызов природы социальной организацией, позволяющей ему каждый раз заново «определять» себя в зависимости от изменяющихся условий своего существования. Технические параметры социальной организации дают возможность человеку выжить и расширить зону своего существования, постоянно апеллируя к его сознанию, выраженному в рациональной способности творить искусственный мир. Сущность человека не имеет выраженного фиксированного характера, в результате чего он осознает свою смертность, но, как правило, не соглашается с ней и пытается в реальной жизни противостоять тягостным интенциям грядущего конца героически-рациональным протестом в виде свободного творчества, единственно возможного для человека средства самовыражения. Несмотря на свою ра-

⁶⁹ Анарбекова В.Э. Жанр “кошок” как уникальный памятник кыргызского народа [Текст] / В.Э. Анарбекова. // Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан. – Алматы, 2015. – Серия общественных и гуманитарных наук - № 2 (300). - 221 – 226-с.

циональность, человек не знает своих границ и целей, поэтому каждый день «начинает все с начала», постоянно проявляя себя демиургом создаваемого им мира»⁷⁰. Определителем социальной организации во время восстания 1916 года в Семиречье являлся руководитель, который возлагал на себя ответственность как перед народом, так и перед самим собой. Его творением и была власть над восставшими, оставаясь при этом «первым среди равных», хан становился и первым ответственным за всех. Позиция Канат хана здесь более чем примечательна. После прихода отрядов казаков с пулеметами системы «Максим» (600 выстрелов в минуту) и мощного разгрома сил восставших, Канат приказал отступить. «Народ рассыпался, в конце сентября бежал в Китай. Отряд полковника Слинько схватил Каната на джайло о Соок в Кочкоре. Каната задержал Ысак – сын свата саяка Курмана со словами «отца собираются убить русские, сдайтесь». Когда Канат сдался, он сказал: «Это дело начал я, пусть из-за меня не истребляется народ, если бы я думал лично о себе и семье, то бежал бы в Китай или провел дни за камнями-горами. Не убивайте народ». Был пленен и его сын Карыпбай. Каната привезли в Верный»⁷¹. Осознавая свою вину и ответственность за поражение, Канат хан на допросе всячески старался отвести удар от простого народа, принять полную меру вины на себя. Также хотелось бы прояснить действия Канат хана в отношении тех, кто не желал воевать против колонизаторов. Арон указывает на смысл верховной власти: «Носитель высшей власти, в задачу которого входит налаживание мира, установление правил, коим должна подчиняться любая деятельность отдельных лиц, принятие решений внутривнутриполитического или внешнеполитического характера, нуждается в согласии тех, кем он управляет. Это не просто одна из функций. Это — одна из существенных сторон любого политического режима. Всякий режим должен обеспечивать под-

⁷⁰Арон Р. Мемуары. 50 лет размышлений о политике. М.: Ладомир, 2002. 873с.

⁷¹Б. Солтоноев. Кызыл кыргызтарыхы 2 том, 1993 ж. Б. 31

чинение своей воле. От управляемых требуется, чтобы они принимали его таким, каков он есть.

Иван Фукалов

канд.истор.наук., доцент

*Университет АДАМ/Бишкекская
финансово-экономическая академия
(Кыргызстан)*

УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК МЕТОД И ИСТОЧНИК ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ. ОПЫТ УЗБЕКИСТАНА

Решительный поворот в появлении новых, нетрадиционных для мировоззрения классического историка-исследователя концептуальных систем познания прошлого осуществила французская школа «Анналов», представители которой увидели в истории не только социально-экономические схемы, но живого человека с его мыслями и чувствами, и начали объяснять историю через объяснение мотивации поступков человека.

Центральной проблемой стало изучение человека во всем многообразии его проявлений – суть содержания радикальных сдвигов в исторической науке конца XX-го начала XXI-го века, получившего название исторической антропологии.

Устную историю – как направление научных исследований – можно воспринимать как исследовательскую реакцию на антропологический сдвиг в современной исторической науке.

Хотя устная история возникла одновременно с историей как таковой. Она была первой разновидностью истории. Достаточно вспомнить «отца истории» Геродота, который активно расспрашивал очевидцев описываемых им событий греко-персидских войн, Фукидида использовавшего устные источники при написании «Истории Пелопонесской войны». При этом греческий историк признавался, что *«изыскания были трудны, потому что очевидцы отдельных фактов передавали об одном и том же не одинаково, но так, как каждый мог*

*передать, руководствуясь симпатией к той или другой из воюющих сторон, или основываясь на своей памяти».*⁷²

Известный французский историк середины XIX в. Жюль Мишле, профессор Сорбонны и Коллеж де Франс, приступая к своей «Истории Французской революции» (1847-53), решил, уравновесить данные официальных документов политическими суждениями, бытующими в устной традиции: «Когда я говорю «устная традиция», я имею в виду национальную традицию, складывающуюся из мнений отдельных людей: то, что говорили и повторяли все — крестьяне, горожане, старики, женщины, даже дети; то, что можно услышать, если как-нибудь вечером заглянуть в деревенскую таверну; то, что можно почерпнуть, если, встретив на дороге праздного путника, затеять с ним разговор о дожде, о времени года, потом о высоких ценах на продукты, потом о временах Императора, а потом о Революции»⁷³.

Беатрис Вебб, в монографии «Кооперативное движение в Британии» (1891 г.) и позднее, работая с мужем **Сиднеем Веббом** над «Историей тред-юнионизма» (1894 г.) в процессе сбора устных свидетельств, разработали метод периодических полевых исследований.⁷⁴

Устная история проделала долгий путь с момента своего первого академического провозглашения в конце 40-х годов XX века и до настоящего времени. Появившись как узкое направление в рамках библиотечного и архивного дела, устная история постепенно завоевала признание профессиональных историков, нашедших в устных воспоминаниях исключительный источник информации о прошлом.

Это было обусловлено рядом факторов:

во-первых, развитием звукозаписывающей аппаратуры (по образному выражению Д.П. Урсу, устная история – «дочь

⁷² Фукидид. История. Т. 1. М., 1915. С. 16.

⁷³ Электронный источник: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0134503>

⁷⁴ Подробнее о предыстории этого направления см.: Томпсон П. Устная история. Пер. с англ. М.: Изд-во «Весь мир», 2003. С. 40-57.

современной научно-технической революции»)⁷⁵;

во-вторых, методологическими поисками в зарубежной историографии, находившейся под влиянием постмодернизма и традиций социальной истории. Устная история представлялась приверженцам этого направления одним из перспективных направлений исторической науки, позволявшим ей остаться, по словам П.В. Накета, «наукой о Человеке во времени».⁷⁶

Зачастую история, «написанная» учеными на основе письменных документов, способна отразить лишь общие тенденции и закономерности. Изучение истории на микроуровне — через призму сознания реальных людей, делает возможным формирование нового взгляда на закономерности исторического процесса.

По мнению российской ученой профессора Т.К. Щегловой «В условиях, когда источниковедческая база смещается в нематериальную область, в работе с исторической памятью востребованы технологии устной истории...»⁷⁷.

Выбор тактики устной истории, «описывающей субъективный опыт переживания исторических событий»⁷⁸, дает возможность описать субъективный опыт переживания социально значимых событий, сравнив выявленные нарративы, с официальными и «легитимными» нарративами о конкретном периоде (отображенными в архивах, статистике, мемуарах, средствах массовой информации и т.п.).

⁷⁵Урсу Д.П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории, 1989. М., 1989. С. 16.

⁷⁶Современная мировая историческая наука. Информационно-аналитический обзор (по материалам XVIII Международного конгресса историков и X Международной конференции «История и компьютер» – Монреаль, август – сентябрь 1995 г.). Минск, 1996. С. 189.

⁷⁷ Щеглова Т.К. Устная история (oralhistory) как метод и источник этнографических исследований народов и культур в контексте исторических событий XX – начала XXI столетий // XII Конгресс антропологов и этнологов России : сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. / Отв. ред.: А.Е. Загребин, М.Ю. Мартынова. – Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С.105

⁷⁸См.: Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. —М., 1998.

Правда, в настоящее время существуют условно два подхода к пониманию oral history. Часть исследователей придерживаются классической концепции устной истории, то есть видят в ней, прежде всего, некое нонконформистское движение, направленное на «демократизацию» и «борьбу с наследием антидемократических режимов». Они считают, что устная история, возникла в виде противовеса «официальной» историографии и, что подавленные властью группы хранят альтернативную и априори «более истинную» версию исторических событий, таких как война, голод, террор⁷⁹.

На мой взгляд, здесь преувелирует очевидная идеологическая и политическая предвзятость.

Второй подход, на мой взгляд, более объективный это сужая масштабы устной истории до кэйс-стади, проверяя и разъясняя устные источники через письменные, вещественные и визуальные, на самом деле можно получать корректные (критически выверенные) выводы.

При этом, в настоящее время употребление термина «устная история» вызывает обоснованную критику за неточность и двусмысленность. Так, Д.П. Урсу считает, что термин «устная история» нельзя признать удачным, поскольку сама грань между устной речью и записанным словом достаточно условна: *«Куда, например, отнести устные показания участников тех или иных событий, дошедшие до современности только в записи?»*. В то же время исследователь признает, что *«пока трудно найти более удачное слово, чтобы обозначить тот массив разнообразных источников, где информация облечена в словесно-речевую форму, мало или вовсе не фиксируется письменностью»*.⁸⁰

Ряд авторов – Д. Арон-Шнаппер (Франция), Д. Шварц-

⁷⁹См. Подробнее Черепанова Р.С. Между наукой и общественным движением, или устная история на перепутье: Заметки о XVIII Международном конгрессе устной истории//Электронный источник: <http://oral-history.ru/ru/home-ru/16-ustnaya-istoriya-novosti-nauchnoj-zhizni/58-konferentsiya-v-barselone.html>

⁸⁰Урсу Д.П. Указ.соч. С. 4-5.

штайн (Аргентина), М. Виланова (Испания) – считают более предпочтительными понятие «устные источники» или выражение «история в устных источниках».⁸¹ Для российского историка С.О. Шмидта это «практика научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами»⁸². Другой российский историк А.Я. Гуревич определяет устную историю как «запись того, чему свидетелями были те или иные лица, не обязательно профессиональные историки, но, прежде всего, рядовые участники исторического процесса, на памяти которых происходили события не только их личной или групповой жизни, но и большой истории».⁸³ Кроме того, многие исследователи подменяют термин «устная история» понятиями «устные свидетельства», «фоноисточники», или «устные исторические традиции». Все эти понятия вполне применимы, но не отражают специфики устной истории как определенного научного направления.

В этом я полностью согласен с доктором исторических наук Е.Ф. Кринко, который считает целесообразным использовать термин «устная история» именно в более точном смысле, подразумевая под этим особый вид исследований, с присущими ему не только источниками, но предметом и методами изучения.⁸⁴

То есть устная история, это одновременно и метод

⁸¹См.: Современная мировая историческая наука: информационно-аналитический обзор (по материалам XVIII Международного конгресса историков и X Международной конференции «История и компьютер» - Монреаль, август-сентябрь 1995 г.). Минск, 1996. С. 188.

⁸²См.: Шмидт С. О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. – М., 1991. – С. 262

⁸³Гуревич А.Я. Апории современной исторической науки: мнимые и подлинные // Одиссей. Человек в истории. 1997. М., 1998. С. 234.

⁸⁴Подробнее по этому вопросу см.: Кринко Е.Ф. Устная история, ее проблемы и возможности // Вопросы теории и методологии истории. Сб. научных трудов. Вып. 3. Майкоп, 2001. С. 37-48.

исторического исследования, и определенный тип исторического источника, и область междисциплинарного исследования. Устная история как метод – это сознательно выстроенный, исходно предназначенный для записи разговор двух людей о различных аспектах прошлого, имеющих (в понимании обеих сторон) историческое значение. Цифровые и магнитофонные записи этих интервью, а также их транскрипция – это источники, на которых и базируется устная история.

При этом, термин «устная история» не подразумевает, что история пишется только с использованием устных свидетельств, как утверждает итальянский ученый А. Портелли⁸⁵ Использование других видов источников: эпистолярных, мемуарных, периодических, статистических, законодательных, делопроизводственных и др. документов позволит посредством компаративистики прийти к интересным заключениям.

Существующее недоверие к познавательным возможностям устной истории, наверное, будет преодолеваться по мере накопления достижений в этой области. Научное сообщество достаточно консервативно. В силу своей профессиональной подготовленности, восклицает Пол Томпсон, историки заняты «поиском свидетельств о прошлом таким, каким оно было, а не о том, которое присутствует в настоящем»⁸⁶.

Устная история по своей сути является диалогом. По мнению исследователя М. Рожанского «Диалог — это и ограничение (ибо есть пределы понимания), и постоянное стремление преодолеть ограничение, раздвинуть пределы. В таком постоянном преодолении трудностей взаимопонимания и в обнаружении новых пределов устный рассказ и может воплотиться в образ, в котором, как в капле, отразится

⁸⁵ Портелли А. Особенности устной истории.// Хрестоматия по устной истории.- СПб., 2003. С.32

⁸⁶ Томпсон П. Семейный миф, модели поведения и судьба человека. // Хрестоматия по устной истории.- СПб., 2003. С. 113

уникальность личности, полнота человеческого «я»»⁸⁷.

Устные источники это воспоминания очевидцев, или истории «трансляторов» чужих воспоминаний, при этом, жизненный опыт респондентов часто предстает совсем не таким гомогенным, каким его описывают профессиональные историки, а значит необходимо так же учитывать ситуационный контекст интервью, сочетания ожиданий участников, социальной обстановки, интерактивной процедуры, цели встречи и т. п.

Поэтому устная история остро ставит намеченную еще крупным советским историком И. Д. Ковальченко проблему выявления содержащейся в источнике скрытой информации.⁸⁸

Устные источники позволяют зафиксировать уникальную информацию, непередаваемую другим путем. Если письменные источники официального происхождения чаще всего отражают историю государства и его институтов, то устные источники обращаются к истории народа, причем позволяют сделать это глазами очевидцев происходивших событий.

При этом, устные источники – непростой материал для анализа. Среди методик анализа собранных устных свидетельств присутствуют такие наработанные социологические методы как контент – анализ, лингвистический анализ и дискурс – анализ, учитывающий особенности речевых оборотов и ис-пользуемых фраз.

Можно констатировать, что в последнее время устная история, следуя теории социальной памяти, развита до комплексно аргументирующего исследовательского направления.

При этом, четко определен вклад устной истории в историческую науку. Это:

- новые данные для истории

⁸⁷ См.: Рожанский М. А. «Устная история» — философия памяти // Общественные науки. – М., 1990. — №6. — С. 141–150; Электронный ресурс: <http://gefter.ru/archive/13083>

⁸⁸ См.: Ковальченко И.Д. Исторический источник в свете учения об информации (К постановке проблемы) // История СССР. 1982. № 3.

- задает вопрос “почему” в отношении исторического опыта
- акцент на субъективности, межсубъективности и усилении потенциала интервьюируемого
- междисциплинарный подход
- обеспечение контакта между академическими кругами и общественностью
- понимание и изменение общества⁸⁹

Неплохо разработана методика полевых исследований по устной истории, архивирование и методы анализа. Причем анализ рассматривает как форму, так и содержание, т.е.:

- как рассказана история?
- каким образом интервьюируемый помнит и интерпретирует прошлое?
- каковы основные события, вопросы и темы интервью?
- акцент на согласованности, расхождении и противоречиях в повествовании
- каким образом повествование связано с вопросами, не указанными в тексте?
- повествование должно анализироваться с учетом более широкого политического, социального и культурного контекста⁹⁰.

Главная ценность устных источников заключает не в информации о самих событиях прошлого, а в том, как они отражаются в общественном сознании. Поэтому устная история остро ставит проблему выявления содержащейся в источнике скрытой информации, что очень сложно достичь без применения определенных социологических методик.

Примерами проектов по устной истории, например в США, после призыва профессора Колумбийского университета, Алан Невинса создать организацию, «которая систе-

⁸⁹ Из материалов Четвертой Академии Образования взрослых «Устная история-как источник самосознания и развития нации» 23 июля-2 августа 2009 г. Иссык-Куль Кыргызстан

⁹⁰ Там же

матически собирала бы и записывала устные рассказы, а также мемуары видных американцев об их участии в общественной, политической, экономической и культурной жизни страны за последние шестьдесят лет»⁹¹, явились проект FederalWriter's во время Великой депрессии; устная история рабства, которая помещена в архив Библиотеки Конгресса; новаторское исследование малообеспеченных слоев населения; устная история противоречивой войны в Вьетнаме и в Ираке.

Устная история в Великобритании развивается на основе истории, социологии, социальной географии и культурологии, представлена на телевидении живой традицией документальных фильмов и на ее основе строится преподавание истории в младших классах. Она обладает мощной архивной базой – Национальный архив звукозаписей и Национальное собрание автобиографий в Британской библиотеке.⁹²

В европейской устно-исторической науке, доминируют сюжеты, связанные с социальными катаклизмами и потрясениями – войнами и революциями. Начиная со встреч в Болонье (1976 г.) и Колчестере (1979 г.) раз в два года стали проводиться международные конференции по устной истории, а затем была учреждена Международная устно-историческая ассоциация⁹³

В российской гуманитарной науке, начиная с 90-х годов прошлого столетия устная история превратилась в одно из перспективных направлений современной исторической, о чем свидетельствуют научные и учебно-методические труды Д.Н. Хубовой, М.В. Лоскутовой, М. Мокровой, Е. Лейбовой, Т.К. Щегловой⁹⁴.

⁹¹Маклин П. Бэрг. Устная история в США // Новая и новейшая история. 1976. № 6. С. 213.

⁹²Томпсон П. Устная история. Пер. с англ. М.: Изд-во «Весьмир», 2003. С. 76-79, 81-84.

⁹³Никитин Д. Проблемы устной истории на VII международной конференции // История СССР. 1990. № 6. С. 212.

⁹⁴См.: Хубова Д.Н. Устная история и архивы: зарубежные концепции и опыт. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва 1992; она же: Устная история: «Verbavolant...»?:

Узбекские историки, хотя не так широко, но используют методы устной истории в своих исследованиях.

Практика сбора устных свидетельств активно стало использоваться с обретением Независимости Республики Узбекистан.

Специалистами Института истории АН Республики Узбекистан проводилось нарративное интервьюирование детей и других членов семьи участников антисоветских восстаний, репрессированных представителей узбекского дехканства, купцов, ремесленников, которые были депортированы на Украину, как социально опасные элементы⁹⁵.

Данные материалы стали систематизироваться и использоваться в экспозициях Государственного музея Памяти жертв репрессий при Кабинете Министров Республики Узбекистан⁹⁶.

На основе глубинного интервью проводилась работа с представителями узбекской диаспоры в Турции, некогда бежавших от репрессий из Узбекистана в 20-30-х годах прошлого столетия и интервьюирование родственников и учеников, репрессированных ученых, живущих в Узбекистане⁹⁷.

Интересная работа по обмену опытом по методологии и методике устной истории, была организована Филиалом германской Ассоциации народных университетов (DVV) в

метод. пособие. М., 1997; Лоскутова М.В. Устная история: метод. Рекомендации по проведению исследования. СПб., 2002; Мокрова М. Устная история науки: от историографических традиций к комплексному источниковедению. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва 2004; Лейбова Е. Методика обучения старшеклассников приемам работы с устными историческими источниками: на примере курса истории России XX-XXI вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Новосибирск 2006; Щеглова Т. К. Устная история: учебное пособие. Барнаул: АлтГПА, 2011. 364 с.

⁹⁵ См. Зияева Д. Босмачиллик: Хақиқат ва уйдурма. (Басмачество: истина и мифы) Тошкент. 2002

⁹⁶ См. Фонд видео и аудиоматериалов архива Государственного музея Памяти жертв репрессий при КМ Республики Узбекистан

⁹⁷ См. Там же

Узбекистане, в рамках проекта «История и самосознание»⁹⁸.

Проект «История и самосознание» всегда опирался на принцип осознания истории через её личностное восприятие очевидцами событий, поэтому начальный этап характеризовался работой в махаллах - традиционном социальном институте с местным самоуправлением.

Логическим продолжением, в рамках этой стратегии работы Представительства, стали семинары. Они стали своеобразным мастер-классом для тех, кто решил взяться за изложение воспоминаний прошлого. Участниками семинара были как сами респонденты, так и интервьюеры. В результате появляется книга воспоминаний очевидцев о ташкентском землетрясении 1966 года⁹⁹.

С целью институционализации работы по сбору и анализу устных воспоминаний Институт истории Академии Наук Узбекистана в 2010-2011 гг. под руководством автора, реализовал исследовательский проект «Устная история Узбекистана XX века как метод и источник исторического исследования»¹⁰⁰.

В Ташкенте организуются несколько этапов тренингов, с участием местных и зарубежных экспертов по проблемно-тематическим консультациям навыкам работы с устной информацией. Уделяется внимание теоретическим и методическим аспектам устно-исторического исследования, соблюдению принципа комплексности в его организации, с учетом всех этапов подготовительного, полевого, архивного, аналитического и задач решаемых на каждом из них.

Проводится полевое пилотажное исследование по изучению повседневной жизни советского периода Узбекистана (60-80-е годы XX века), в трех областях Ферганской долины.

⁹⁸Прим.автора: Автор данной статьи участвовал в указанном проекте и дальнейшие материалы статьи основываются на личном исследов. опыте.

⁹⁹См.:Ташкентское землетрясение 1966 года. Воспоминания очевидцев. Ташкент 2008.

¹⁰⁰Текущий архив Института истории Академии Наук Республики Узбекистан

В результате, в республике, появляется сообщество научных работников, преподавателей студентов, музейных работников, всех интересующихся историей своего края по делу сохранения народной памяти о событиях, фактах, явлениях, которые составляют историческое прошлое страны, а так же междисциплинарное взаимодействие, обмен методами и подходами, сформировавшимися в рамках разных научных областей.

Работа фокусируется на изучении социокультурной истории малых городов Узбекистана, чей уклад жизни постепенно исчезает в силу глобализации и миграции населения. В качестве объектов исследования выбираются, сельские регионы древних исторических центров узбеков Бухара и Самарканд, проблемный экологический регион страны Каракалпакия.

Этапы работы выглядят следующим образом:

1) Постановка проблемы исследования и определение конкретных задач, которые необходимо реализовать, чтобы достичь поставленной цели.

2) Подготовительный этап интервьюирования, который подразумевает инструктаж корреспондентов относительно этики проведения опроса, определение круга респондентов будущего опроса, составление вопросника.

3) Этап непосредственного сбора информации.

4) Этап обработки полученной информации, который связан с составлением базы данных проведенного исследования на цифровых носителях информации с возможным последующим размещением в сети Интернет (возможные варианты: аудиоархив, видеоархив, архив текстовых записей интервью).

5) Обобщение результатов исследования и оформление презентации проекта.

Результатом опыта устной истории становится книга «Устная история в Узбекистане», который включает публикации, посвященные теоретическим вопросам и результатам практических исследований по устной истории Узбекистана и

зарубежный опыт oral history¹⁰¹.

При содействии специалистов Центрального Государственного архива Узбекистана были проведены семинары по созданию архива устно-исторических источников, который открывает доступ исследователям и широкой общественности к зафиксированным индивидуальным воспоминаниям свидетелей важных исторических событий двадцатого века в Средней Азии, в наглядной и доступной форме.

Можно констатировать, что на сегодняшний день в Узбекистане активно формируется сообщество устных историков, с определенными полевыми навыками и опытом аналитической работы.

Имеющийся небольшой опыт устно-исторических исследований узбекских историков и обществоведов показал определенные преимущества устной истории:

- позволяет изучить историческую реальность во всех ее проявлениях (объективных, субъективных), реконструировать события прошлого через призму исторической психологии, глазами очевидцев;

- расширить информационную базу исследования за счет создания новых видов источников (интервью, автобиографий, анкеты, фотографий и пр.), раскрывающих новые возможности для историков;

- увязать с разработкой комплекса методических проблем и предполагает освоение историками методов сбора устной информации и документирования на основе применения социологического инструментария.

При этом, исследователь, который проводит исследования на базе устной истории должен хорошо видеть подводные камни в oral history, и критически относиться к результатам интервьюирования.

Устно-исторические исследования, как и изыскания историков с опорой на сохранившиеся письменные документы, подвержены одним и тем же угрозам – угрозам некорректности

¹⁰¹ См.: Устная история в Узбекистане: Теория и практика. I Выпуск Ташкент. 2011.

и несубъективности интерпретации источников, и неважно каких – устных, или письменных. И в этом отношении спор о том, где больше «правды» - в воспоминаниях, или официальных документах, - бессмысленен, поскольку каждый документ отражает свою реальность, а задача историка – ее критически оценить, извлечь зерна исторической реальности.

Алишер Сабилов

канд.истор.наук, Ташкентский государственный педагогический университет им. Низами (Узбекистан)

УСТНАЯ ТРАДИЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ 1920-1930-х ГОДОВ

В Средней Азии и в Афганистане, грамотность и письменная традиции присутствовали с ранних времен. Однако литературные памятники региона возникли не на пустом месте. Еще в дописьменный период, в древнем Хорасане и Моворуннахре в ходу были стихотворные сказания, героические легенды и прочие устные памятники. На протяжении многих веков, знание и историческая память народов Средней Азии базировалось на основе устной традиции, которая много старше традиции письменной. Эти устные рассказы, передаваемые из поколения в поколение на протяжении многих столетий, формировали идеологию, философию и мировоззрение общин. Коллективное сознание живо откликалось на события исторической значимости и устные предания о них сохранялись в народной памяти передаваясь из поколения в поколение.

При анализе устных источников исследователь сталкивается с определенными трудностями, в первую очередь связанными с датировкой тех или иных описываемых событий, выяснением их источниковедческой полноты и достоверности. В настоящей статье, я бы хотел остановиться на устных исторических источниках по истории среднеазиатских эмигрантов в Афганистане в 1920-30 гг. При этом они

сравниваются и сопоставляются с письменными источниками.¹⁰²

Краткий исторический экскурс

В течении первых полутора десятилетий после установления Советской власти в Средней Азии, Туркестан и Бухару покинули около миллиона ее жителей, большая часть которых осела в Афганистане, главным образом в приграничной полосе и далее, до Кабула. Так называемое басмачество входило в число мигрантов, но не составляла ее большинства. Миграция проходила в две волны: 1917-1926 и 1926-1934 гг. Первая волна состояла из беженцев и басмачества, вторая - из тех, кто имел опыт проживания в СССР и противился ее политике, в первую очередь жестокостям коллективизации и борьбы против религии. Находясь в мусульманском Афганистане, а потом в Пакистане мигранты жили на положении мухаджиров (тех, кто совершил *хиджрат*), то есть тех, кто избрал изгнание жизни в *дар-улькуфре* (территории неверия). В случае со среднеазиатской эмиграцией уместно рассматривать ее как социально-политическое, и в то же время, религиозно мотивированное действие. Хиджра имеет принципиальное значение, а именно она означает обязательство не просто совершить перемещение с целью физического спасения, а для того, чтобы самоутвердиться в мусульманском обществе и способствовать его развитию. Кроме того, хиджра укрепляет взаимоотношения между мусульманами, особенно между мухаджирами и ансарами (то есть единоверцами страны, принявшей мухаджиров). В этом плане хиджра представляет собой одну из основополагающих доктрин, призванных не просто перемещаться с целью социального и экономического выживания, а идти далее «земных» мотивов, а именно укреплять, защищать и развивать ислам.

¹⁰² Большинство их были использованы в: Абдуллаев К. *От Синьцзяня до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции 20 века*. Ирфон. 2009.

Иммигранты из Средней Азии были приняты афганскими мусульманами как люди, преданные своей вере. Сами *мухаджир*ы, старались сохранить свой статус и видели преданность исламу важным и ценным капиталом, который облегчал их жизнь в изгнании и помогал адаптироваться к жизни в чужой стране. Вполне понятно, что сохранение и развитие исторической памяти имело для них не только воспитательное и развлекательное значение. Они рассматривали рассказы о борьбе против неверных и вообще о жизни в *поридарё* (за рекой) важным элементом формирования коллективного сознания и понимания собственной истории.

Автор на протяжении 1990-х и начала 2000-х годов неоднократно встречался со среднеазиатскими эмигрантами, которые делились своими воспоминаниями рассказами, услышанными от родителей. В настоящей статье речь пойдет о материалах интервью с Баширом Баглани (Афганистан). Его рассказ, вернее пересказ воспоминаний своего отца существенно дополняют имеющиеся в распоряжении исследователей письменные источники. Память мухаджиров Средней Азии в Афганистане, запечатлела важные моменты того периода, о которых речь пойдет ниже.

Эпизод 1. Борьба с басмачами

В начале лета 1921 г. Красная Армия с трудом установила Советскую власть, предварительно подавив основные очаги сопротивления в Восточной Бухаре (южный и центральный Таджикистан и часть южного Узбекистана). Однако во вновь образованной Бухарской Народной Республике продолжали оставаться российские войска, численностью 20 тысяч человек - плохо одетых, голодных, недисциплинированных. Учитывая это, а также ожесточенное сопротивление, оказанное повстанцами, Бухарское правительство предприняло попытку заключить мир с повстанцами-муджахидами. Утром 12 августа 1921 г. в кишлаке Калта Чинар представителем правительства Советской Бухары Ата Ходжаевым (назир внутренних дел и заместитель председателя Совета назиров Бухарской респуб-

лики) с одной стороны и Давлатмандбием – командиром повстанцев-басмачей Куляба с другой, в присутствии русского консула Дурова и уполномоченного 1-й Туркестанской кавдивизии Шатова был подписан мирный договор. Согласно ему, командиры повстанцев подчинялись правительству и обязались сложить оружие. В свою очередь, муджахиды требовали вывода русских войск из Восточной Бухары.

Это был важный момент в жизни общин. По поводу падения эмирской власти и подписания Давлатмандбием мирного протокола, народ Куляба сочинил следующее четверостишие:

*«Амирамон гафлат омад
Шикасти давлат омад
Бийбобо-розур омад
Саломи хукумат омад».*

Перевод:

«Позабыв о бдительности, не заметил наш эмир как
Пала наша держава
Трудно стало Бий-бобо»¹⁰³

Судя по приведенному отрывку, отношение общин к свергнутому эмиру было сдержанно-сочувственным, а к правительству Бухарской республики - нейтральным. Имеющиеся документы Красной Армии подтверждают вывод о том, что она имела дело с враждебным, в лучшем случае нейтральным, населением.¹⁰⁴

Эпизод 2. Куфельд

В 1920-х и 1930-х гг., одним из начальников ГПУ-ОГПУ в Таджикистане был некто по фамилии Куфельд. Воспоминания участников гражданской войны в Таджикистане утверждают,

¹⁰³ То есть Давлатмандбию, лидеру кулябских повстанцев, балджуонскому тюрку по происхождению. Балджуон – историческая область к северу от Куляба.

¹⁰⁴ Российский Государственный Военный Архив (РГВА), ф.110, оп.3, д.1375, л.73.

что именно к Куфельду пришел сдаваться басмаческий лидер Ибрагимбек в Ходжа Бул Булаке в июне 1931 г. Куфельд присутствует на всех фотографиях с пойманым Ибрагимбеком. Мемуары и архивные источники позволяют предположить, что его полное имя - Виктор Фердинандович Куфельд, из повожских немцев, который родился примерно в 1900 году и умер в 1972-м.¹⁰⁵

Теперь обратимся к устным источникам. По рассказам кулябцев многие из них стали *мухаджирами* именно из-за этого человека. Они помнили, что в жаркую погоду Куфельд (как, впрочем, многие красноармейцы) любил ездить верхом в нижнем белье по окрестным кишлакам. Это подтверждают сохранявшиеся фото тех времен. Главной заботой Куфельда было выявлять врагов Советской власти. Как-то он вызвал на допрос председателя одного из вновь образованных колхозов по имени Мухаммад Касир (будущий отец Башира). По словам Баглани, причина, вызвавшая настороженность бдительного чекиста заключалась в том, что Мухаммад Касир читал намаз в рабочее время. После первого разговора, закончившегося ссорой, председатель счел необходимым бежать – благо граница рядом. Что он и сделал в 1931 г. Тогда вместе с Касиром бежали десятки тысяч таджиков, узбеков, казахов, киргизов, туркмен, и даже русских, осетин, недовольных политикой коллективизации, борьбы против религии. В Афганистане Мухаммад Касир обосновался сначала в приграничном Чаябе (Чахи-и Абе), а затем переехал вглубь, в Баглан, где в 1941 г. у него родился сын – Башир. Господин Башир Баглани был в 1980-х гг. министром юстиции прокоммунистического Афганистана. Он был единственным выходцем из Таджикистана, мухаджиром второго поколения, добившимся высокой правительственной должности в Афганистане. Рассказы отца об истории покинутой родины глубоко засели в сознании Башира. Автору посчастливилось провести

¹⁰⁵ Известно также, что 1936 г. ему было присвоено звание младший лейтенант государственной безопасности, а также то, что он был награжден орденом Трудового Красного Знамени Таджикской ССР.

несколько встреч с господином Баглани в 1991 и 2006 гг. и восстановить с его помощью некоторые моменты истории среднеазиатских эмигрантов.¹⁰⁶ Поразительно, рассказ Баглани о Куфельде с легкостью проверяется и существенно дополняет данные письменных источников.

Эпизод 3. Энвер

Энвер Паша был турецким генералом, младотурком, возглавлявшим басмачество Восточной Бухары в 1921-1922 гг. Финал его жизненного пути произошел 4 августа 1922 г. Обстоятельства того боя передавались из уст в уста и сохранились в памяти эмигрантов в следующем виде:

«В Балджувоне, близ Чагана состоялся бой. По приказу Давлатмандбия - главнокомандующего, боем руководил Энвер Паша. В разгар боя командир Красной Армии смертельно ранил Энвера. Отступая, Давлатманд схватил красного командира - убийцу Энвера, и оглушив его, положил поперек своего седла. Однако, во время движения, красный командир пришел в сознание и вытащив пистолет, выстрелил в Давлатмандбия. Пуля вошла в грудь и вышла из плеча. Когда доскакали до безопасного места, теряющий силу Давлатмандбий сбросил свою ношу и приказал: «Убейте эту собаку!»

Перед смертью он дал распоряжение вывести тело убитого Энвера. Затем Давлатманда и Энвера похоронили. Началось отступление. Мусульманское войско возглавил Мулло Али Мошина. Вскоре его, из соперничества, застрелил Абдукадыр Токсабо, племянник Давлатмандбия. И возобновились распри между таджиками и лакайцами.»¹⁰⁷

Характерно, что главным героем приведенного рассказа является не Энвер – борец за веру и зять халифа, а Давлатманд

¹⁰⁶ В 1990 г. Башир Баглани вышел в отставку, а после вывода Советских войск, в 1991 г. был вынужден бежать (или вернуться?) в Таджикистан, где он образовал свою фирму «Хатлон». Во время второй гражданской войны в Таджикистане, в середине 1990-х, Баглани снова становится эмигрантом - переселяется в Германию где (вероятно) находится по настоящее время. Время от времени он навещает своих родственников в Душанбе.

¹⁰⁷ Интервью Б. Баглани. Февраль 1991, Душанбе.

- местный вождь, негласный лидер кулябцев. В этом смысле эмигрантское предание представляется скорее дружинным и локальным, нежели религиозным и панисламистским. Странно также, что Давлатманд, как гласит предание, вывез не умирающего Энвера, а его убийцу.

И тем не менее, религиозная мифология мухаджиров рисует Энвера Пашу, «гази» - святым мучеником, погибшим в неравной войне с неверными. Именно так он оценивался частью населения самого Таджикистана, где общая могила Энвера и Давлатмандбия была превращена в мазар (мавзолей), куда на протяжении 74 лет приходили паломники для поклонения. В памяти таджиков Таджикистана и Афганистана остались следующие стихи о гибели Энвера:

*Сангтудаи санг вара
Давлатманди джангара
Куштанд Пошио Анвара
Ай, подшохи олам!
Гуш кун, киарз дорам
Сад хайфҳои Бухоро
Газоро карз дорам*

Нет счета камням в Сангтуде¹⁰⁸
Нет предела отваге Давлатманда
Энвер Пашу убили
О, Владыка мира!
Вними моим речам!
Скорблю я о несчастной Бухаре
Мстить за нее - мой священный долг.¹⁰⁹

Энвер Паша явился центральным героем героического эпоса среднеазиатской эмиграции. Он стал символом самоотверженного героизма, доставшегося побежденному и травмированному сопротивлению в качестве щедрой моральной компенсации за перенесенное унижение и забвение.

¹⁰⁸ «Сангтуда» переводится как «куча камней».

¹⁰⁹ Записано со слова Б. Баглани в феврале 1991 г. в Душанбе.

Завершая этот эпизод укажем, что по договоренности с таджикским правительством, летом 1996 г. таджикские археологи в присутствии представителей Турции вскрыли могилу Энвера. В захоронении были найдены останки двух трупов. В челюсти одного из них были обнаружены две зубные железные коронки. На этом основании, и по ряду других признаков он был идентифицирован как Энвер Паша. 4 августа 1996 г. прах Энвера был перевезен из Таджикистана в Турцию. К сожалению обстоятельства этого спешного переноса (фактически продажи) праха Энвера, совершенного в разгар гражданской войны в Таджикистане остались неизвестными. Неизвестно, кто явился бенефициаром этой сделки.¹¹⁰ В настоящее время в Стамбуле на мемориальном холме Хуррият-е Эбедие возвышается 12-метровый монумент в память героев молодотурецкой революции 1908 года. У его подножия, рядом с могилой Талат Паши покоятся останки Пошшо Анвара.

Эпизод 4. Ибрагимбек

Ибрагимбек, локайский вождь и лидер повстанцев Восточной Бухары является еще одним героем устных рассказов. Ибрагим бежал в Афганистан в 1926 г. В 1931 году он был преследуем афганскими властями Надир Хана за поддержку, оказанную локайцами таджикскому лидеру Хабибулле Калакани (Бачаи Сако), свергнувшему Аманулла в 1928 г. и провозглашенному эмиром Афганистана. По воспоминаниям мухаджиров, Ибрагимбек был суровым, немногословным, харизматичным, хотя и неграмотным человеком.

После свержения режима Бачаи Сако и прихода Надир Шаха в 1931 г., афганское правительство обвинило мухаджиров в поддержке Хабибуллы-Бачаи Сако и в стремлении воспользовавшись хаосом в Афганистане, создать свое собственное на месте северных провинций. То есть отплатить неблагодарностью за гостеприимство стране, предоставившей

¹¹⁰ Руководитель этой «экспедиции» академик Р. Масов скончался в июне 2018 г. Фотографии раскопа утеряны и никаких публикаций не выходило.

прият. ¹¹¹ Это было серьезное обвинение, выдвинутое Кабулом против мухаджиров, грозящими суровыми санкциями. Баглани указывает, что это обвинение было надуманным. Он утверждает, что Ибрагимбек, и вообще эмигранты явились жертвой интриг. Он рассказывал:

«В тот момент (1929-1931), один местный узбек сказал мухаджирам: и вы и мы – таджики и узбеки – рабы афганцев. Давайте, сообща образуем свое государство. Ибрагимбек ответил отказом и Халифа Кызыл Аяк (лидер туркмен-иомудов-К.А) тоже отказался. Местные (афганские) таджики и узбеки при встречах провоцировали Ибрагимбека, говоря: ты – гази, делай, что считаешь нужным, не слушай Хашим Хана (премьер-министра Афганистана 1929-1946 гг.-К.А.) говоря: «Бинни-и пойзори афгонкач аст»¹¹². В то же время, они жаловались эмиру Надир Хану на Ибрагимбека и утверждали, что последний собирается претендовать на афганский престол. Поэтому эмир потребовал, чтобы мухаджиры сложили оружие. На Навруз, (вероятно 22 марта 1930 г.-К.А.) Ибрагимбек прибыл в Кундуз на собрание влиятельных людей. Никто из присутствовавших не встал, чтобы поприветствовать вошедшего. Воли (правитель) нехотя поздоровался с Ибрагимбеком. Воли сказал:

- Бек бобо, я говорю в присутствии старейшин – сдайте оружие. Государство вас, если понадобится, защитит.

Ибрагимбек ответил:

-Мое оружие не направлено против Афганистана. Оно наше, мы его добыли в бою.

*Затем, Ибрагимбек сел на коня и отправился к мухаджирам. Он сказал семьям: уходим».*¹¹³

¹¹¹ Ситуация чем-то напоминает события в Восточной Украине 2014 г.

¹¹² «У недостойного афганца нос кривой» (то есть не стоит им доверять).

¹¹³ В апреле 1931 г., Ибрагимбек с 5 тысячами своих сторонников перешел обратно в Таджикистан. Утром 23 июня 1931 г. Ибрагимбек и его соратники были взяты без единого выстрела на берегу реки Кафирниган вблизи кишлака Исанбай, что на границе с Узбекистаном, примерно в 60 километрах на юго-запад от таджикской столицы.

Этот устный рассказ в целом совпадает с материалами уголовного дела Ибрагимбека.¹¹⁴ В нем прочитывается явная симпатия к Ибрагимбеку, как защитнику и вождю. Также, передана атмосфера общей напряженности момента, проливается свет на психологию и поведение действующих исторических лиц, чего нельзя найти в письменных источниках. В этом отрывке отражены признаки конфликта между местными жителями и пришлыми, несмотря на то, что они принадлежали к одним и тем же этническим группам.¹¹⁵ Настороженно-недружелюбное отношение официальных властей, известная отчужденность от других афганских групп и тяжелое материальное положение способствовали тому, что мухаджеры продолжали поддерживать духовную связь со своей исторической родиной – Бухарой и Туркестаном. Она выражалась в устных рассказах о муджахидах – Ибрагимбеке, Давлатманде, Энвер Паше, передававшихся от поколения к поколению. Мухаджеры старались не забывать, что они совершили хиджрат с единственной целью - сохранить и укрепить веру. Несмотря на то, что остальные афганцы не упускали случая подчеркнуть свое этническое превосходство и более высокий гражданский статус, религиозное (морально-

¹¹⁴ Архив Комитета государственной безопасности Узбекистана. Уголовное дело No. 123469 по обвинению Ибрагимбека в преступлениях, предусмотренных 58 и 60 статьями Уголовного кодекса Узбекской ССР (58-2, 58-4 УК РСФСР). Материалы дела использованы в книге: Абдуллаев К. *От Синьцзяня до Хорасана Из истории среднеазиатской эмиграции XX века*. Душанбе: Ирфон, 2009.

¹¹⁵ Американский антрополог Одри Шалински, которая собирала устные рассказы мухаджиров – фаргоначи и бухарцев в 1970-х годах утверждает, что мухаджеры не спешили ассимилироваться в афганской среде, а стремились сохранять и даже укреплять свой особенный статус. По ее наблюдениям, узбеки-мухаджеры предпочитали заключать браки с таджиками-мухаджерами, а не с узбекскими соплеменниками из среды коренного населения. См. Shalinsky, Audrey. *Long Years of Exile: Central Asian Refugees in Afghanistan and Pakistan*, Lanham: University Press of America, 1994.

этическое) первенство чаще принадлежало среднеазиатским эмигрантам.

Выводы

Рассмотренные источники замечательны тем, что они дают возможность быть услышанными тем, кто не представлен в письменной традиции. Тем, кто не был достаточно грамотным или одаренным, чтобы писать статьи и книги. Тем, кто был забыт на своей исторической родине и был фактически изгнан из нее. Рассказы об Энвере, басмачах передаваемые от старших к младшим, крепили единство мухаджиров как единой этнокультурной общности. Они не только отражали прошлое, но и формировали и развивали мировоззрение мухаджиров в исторической перспективе. Так, басмаческий нарратив был продолжен и усилен в 1980-х, в годы оккупации Афганистана, когда миллионы афганцев пустились в бегство спасаясь от Советской Армии. Среди них были потомки эмигрантов из Советской Средней Азии, деда которых бежали от Красной Армии 60 лет назад. Большинство устных рассказов сохранилось на дари-таджикском языке, одинаково родном таджикам и узбекам Афганистана. В одних случаях устная традиция «прочитывается» в письменных документах, а в других – служит уникальным источником.

Ибрагимбек и В. Ф. Куфельд (второй справа). Душанбе. Июнь 1931

Хабибулла Калакани (Бачаи Сако), Кабул, 1929 г.

Энвер Паша

Кто мы сегодня? Что мы помним о нашем прошлом? Что в нас поменялось, а что осталось от далекого прошлого? Ответить на эти вопросы игнорируя устную традицию как источник, нельзя. Напротив, имеет смысл таджикским и узбекским ученым - не только антропологам, этнографам и фольклористам, но и историкам - проводить исследования в среде соотечественников, проживающих «за рекой» и бережно хранящим свою историю.

Камолудин Абдуллаев
канд. истор. наук
независимый исследователь
(Таджикистан)

РАЗВИТИЕ УСТНОЙ ИСТОРИИ В КАРАКАЛПАКСТАНЕ

В определении понятия «устная история» существует много дискуссионных моментов. Если в начале становления данного направления понималось сбор и использование воспоминаний участников исторических событий, то впоследствии термину придали расширительную трактовку, обозначая им различные виды устных свидетельств о прошлом, а также само исследование на их основе.¹¹⁶

Прежде чем изложить процесс развития устной истории в Каракалпакистане хотим сказать, что до возникновения «академической истории» вся история Каракалпакистана была основана на устных традициях: на преданиях, легендах, эпосах и т.д. Из поколения в поколение народное знание передавалось устно.

В широком смысле предпосылки «устной истории» в

¹¹⁶ Карлыбаев М. Об изучении устной истории каракалпаков //Тезисы Республиканской научно-практической конференции «Наука Каракалпакистана: вчера, сегодня, завтра», посвященной 50-летию Каракалпакистанского отделения Академии наук Республики Узбекистан. Нукус: Илим, 2009. С 142

познании исторической культуры существовали всегда. Классик каракалпакской литературы Бердах шайр еще в XIX веке написал ряд исторических произведений. В его произведениях «Шежире», «Хорезм», «Амангелди», «Айдос баба», «Ерназар бий», «Кулен болыс», «Ахмак патша», и др. вложены познания по истории своего народа. Эти произведения основаны на устных традициях народа. На произведения Бердаха впервые обратил серьезное внимание профессор С.П.Толстов и назвал его первым каракалпакским историком. Профессор Т.А.Жданко широко использовал его произведение «Шежире» в своей книге «Очерки исторической этнографии каракалпаков».¹¹⁷ Исторические события всегда находили свое отражение в художественной литературе. В каракалпакской литературе есть немало произведений, отразивших те или иные исторические события и характеризующие участников этих событий.¹¹⁸

Хотим заметить, что не все исторические произведения поэтов основаны на устных традициях. Некоторые из них, например, Кунходжа, Ажинияз, сами были участниками исторических событий. Как нам известно, в то время среди каракалпаков бытовала «устная история» как жанр фольклорного произведения. Благодаря «устной истории» передавалась из поколения в поколение память об исторических событиях в форме рассказа, эпоса, исторических песен и родословных. На их основе воспитывалось новое поколение, изучалась история народа.¹¹⁹ В нашем случае классическая литература, наряду с фольклором послужила основой для исторических трудов.

Научные исследования истории Каракалпакстана начались с установлением власти советов. В 1930-е годы были образованы республиканские филиалы Академии наук СССР и

¹¹⁷ Камалов С.К. «Шежире» Бердаха как источник по истории каракалпакского народа //Вестник ККО АН РУз. 2008. №2. С. 71.

¹¹⁸ Утемуратова Х. Зарождение каракалпакской исторической прозы // Вестник ККО АН РУз. 1999. №3. С. 84

¹¹⁹ Камалов С.К. - «Шежире» Бердаха как источник по истории каракалпакского народа //Вестник ККО АН РУз. 2008. №2. С. 71.

ряд учебных заведений, в том числе Среднеазиатский государственной университет в г. Ташкенте.¹²⁰ Для реального развития изучения истории и изучения археологических памятников в 1937 году Академия наук Каракалпакстана организовала Хорезмскую археолого-этнографическую экспедицию. Позже она расширилась, включив в себя ряд этнографических отрядов. Наряду С.П. Толстовым, Т.А. Ждан-ко, Б.А. Андриановым местные ученые С.К. Камалов, У. Шалекенов, Р.Косбергенов и другие собирали историко-этнографические материалы. Они позднее не раз обращались к «устным источникам» в своих научных трудах. Эти источники назывались «полевыми записями».

Тут возникает естественный вопрос: являются ли «устные источники» отражённые в полевых записях «устной историей»?

В наши дни к определению источников устной истории существуют разные подходы. Водораздел пролегает между продуктами устной традиции, такими как предание, эпос, ритуально-обрядовые песни, и устной историей как материалами исследовательского интервью. Есть точка зрения о включении в устную историю и тех и других источников. Примером признания источников устной истории как многовидового комплекса устной информации является позиция авторов коллективной монографии фонда «Heritage Lottery Fund», посвященной описанию проектов устной истории: «...Устная история – это свидетельство из самых первых рук, но это также и традиции и истории, передаваемые из поколения в поколение, из уст в уста».¹²¹

По нашему мнению, историк-исследователь может работать с разными видами устных источников: и историческими (устный исторический источник), и фольклорно-этнографическими (устная традиция), и социологи-

¹²⁰ Камалов С.К. Ученый, внесший крупный вклад в становление и развитие исторической науки в Средней Азии (к 100-летию С.П. Толстова) // Вестник ККО АН РУз. 2007. №2. С. 42

¹²¹ Щеглова Т.К. Устная история: Учебное пособие. Барнаул, 2010. С.39

ческими (биография и материалы социологического мониторинга). Мы в этом плане солидарны с мнением, что основанием к этому служит сама природа источника – устность, а также базовые компоненты и закономерности его формирования и функционирования: переосмысление реальных событий через внутренний мир человека и его жизненный опыт, обусловленное традиционностью мировоззрения, ментальностью, особенностями личности носителя информации и т. д. Но как профессионал он не только фиксирует готовые формы устной традиции, но, прежде всего, целенаправленно сам создает источниковую базу по интересующим его историческим темам, проблемам, исследованиям, обращаясь к непосредственным участникам и очевидцам.¹²²

Продолжая тему полевых записей, монография С.К. Камалова явилась ярким примером в каракалпакской историографии, где наравне с архивными и опубликованными материалами были использованы рассказы информаторов (*народные предания, легенды и воспоминания старожил*) по истории каракалпаков XVIII-XIX вв. Автор пишет, что в основу «исследования, кроме литературных и архивных источников, положены полевые историко-этнографические материалы, собранные Каракалпакским отрядом Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР в период с 1945 по 1950 гг.». ¹²³ Автор сам принимал участие в работе данной экспедиции, начиная с 1948 г. С 1950 по 1966 годы он провел самостоятельное историко-этнографическое исследование в северных районах Каракалпакстана. Кроме того, в монографии были использованы полевые историко-этнографические, диалектологические, фольклорные материалы, собранные сотрудниками Института истории, языка и литературы Каракалпакского филиала Академии наук УзССР в течение 1956-1966 гг., которые в данное время хранятся в

¹²² Там же С.39-40

¹²³ См.: Камалов С. Каракалпаки в XVIII – XIX вв. – Ташкент, 1968

библиотеке ККНИИ ГН ККОАНРУз.¹²⁴ Его ученик М. Карлыбаев вспоминает о полевых работах академика, *«Сабыр Камалович рассказывал: во время полевых работ он в крайнем кармане сумки носил большой диктофон. Когда к людям обращался с вопросами, то они оказывались в смущении, думая, что к ним пришел журналист».*

Хотим сказать, что исследователи дореволюционного периода Каракалпакстана, осознавая или не осознавая, использовали ту или иную методику устной истории, не говоря уже об этнографах. Поэтому до недавних пор считалось, что «устная история» - поле действия этнографов. В то время все – историки, археологи, этнографы по тем или иным проблемам «нехватку» источников заполняли этим компонентом.

В свою очередь, надо согласиться, что методология – это достаточно сложный комплекс приемов и средств научно-исторического познания. Выбор правильной методологии является важнейшим условием объективного освещения прошлого.¹²⁵

На принципиальное отличие использования «устной истории» между этнографическим исследователем и устным историком обращает внимание Т.К. Щеглова: Между двумя видами источников – ПМА (полевой материал автора) и устными историческими источниками, существует разница. Одним из отличий является степень «полноты» и «сюжетности». Этнограф, как правило, фиксирует только тот материал, который ему нужен, например, описание игр, если он занимается изучением традиционных праздников и зрелищно-игровых форм, или сюжеты свадебного поезда, если он изучает обряды витального цикла. Можно сказать, что, в отличие от устного исторического источника, он создает не повествовательный, а «цитатный» источник и фиксирует «тема-

¹²⁴ А. Джумашев Использование компонентов «устной истории» на примере истории каракалпаков. <http://www.dereksiz.org/a-djumashev-ispolezovanie-komponentov-ustnoj-istorii-na-primer.html>

¹²⁵ Камалов С., Кошанов Б.А. Проблемы истории XX века // Вестник ККОАН РУз. 1996. №2. С. 77

тические отрывки», «тематические цитаты». Устный историк фиксирует полную версию, т.е. все, что говорит человек. При этом он понимает, что «руда», которая сопровождает необходимую ему информацию, может быть востребована исследователями других проблем. Изучая те или иные исторические события в соответствии с вопросом, он часто касается других тем, характеризующих эпоху, и не отказывается от фиксации этого материала. Этнограф в этом плане более избирателен, не всегда фиксирует то, что не входит в круг его научных пристрастий, меньше обращает внимание на исторический фон. Устный историк тоже направляет опрос в русло интересующих его тем. Но при этом он выстраивает беседу-диалог вокруг «жизненной истории» (life story) и записывает «сырье» в виде отступлений на другие сюжеты, события, явления, которые могут послужить источником для других исследователей или пригодиться самому историку для выявления глубинных мотивов поступков, поведения и действий человека.¹²⁶

Антиподом такого утверждения является один из ведущих специалистов в области этнографии Каракалпакстана Х.Есбергенов. Работая с этнографическими материалами в полевых условиях, по мере возможности ученый собрал всю информацию, что мог рассказать информатор. Х.Есбергенов себя позиционировал как историк, а не только как этнограф. Благодаря его трудолюбию история Каракалпакстана обогатилась рядом исторических трудов и публикации.

С середины XX века наша история развивалась весьма динамично и поступательно. Но остаётся много актуальных вопросов в связи с развитием истории нашего края. На современном этапе развития исторической науки все большее значение приобретает изучение накопленного опыта и анализ творческого наследия, которое оставило нам поколение историков XX века.

Среди факторов, определяющих развитие исторической

¹²⁶ Щеглова Т.К. Устная история: Учебное пособие. Барнаул, 2010. С. 215-216

науки, большую роль играют расширение источниковой базы исследований и совершенствование методики изучения, использование источников. Сегодня эти вопросы приобрели особую остроту. Происходящие политические, экономические и культурные изменения влияют на духовную жизнь общества.

Источниковедение – одна из слабо развитых отраслей исторической науки Каракалпакстана. К настоящему времени имеется лишь небольшое число работ, в основном, сборники статей, разделов монографических исследований и отдельных статей, посвященных вопросам источниковедения истории Каракалпакстана.¹²⁷

В годы независимости перед историками нового времени открывалось богатое поле деятельности по раскрытию и освещению самых разных проявлений общества. Поэтому на повестке дня стоял вопрос о продолжении активной деятельности по поиску, выявлению и введению в научный оборот новых научных данных относящихся к истории Каракалпакстана.

В поле зрения наших исследователей попали ранее не обсуждавшиеся острые проблемы – образ жизни людей, повседневность, поведение, быт, представления и восприятия, ментальность и т.д.

Наиболее приоритетными стали темы: сюжеты повседневной жизни человека, феномен миграции, особенности этнической истории народов, взаимоотношение полов и возрастов.

Не берясь за анализ истории более ранних времен, очевидцев которых давно нет в живых, можно изучать историю недавнего прошлого и даже современности. К примеру, взял тему политических репрессий в «советский» период нашей истории. Издано большое количество трудов исторического профиля, художественные произведения, где, к слову сказать, также применены методы устной истории. В итоге мы имеем количественную информацию. Знаем, как тяжело было жер-

¹²⁷ Утепов К.Т., Бекимбетов Б.М. Некоторые проблемы источниковедения истории Каракалпакстана.// Вестник ККО АН РУз. 2001. №4. С. 64

твам репрессий, какие меры были предприняты и причины этих мер. А, скажем, каково было им и их близким, морально-этические вопросы, психоэмоциональные переживания? Здесь как раз через анализ данных устной истории, интервьюирование самих акторов можно было бы показать суть того или иного исторического явления.¹²⁸

Независимость внес свою лепту в общественное самосознание. Люди активно интересовались своим прошлым. Уже в 1990-х начали появляться мемуары видных государственных, хозяйственных и культурных деятелей. Авторы этих мемуаров, конечно, были в основном руководителями. Народ увидел толкование истории недавнего прошлого с точек зрения авторов, которые, анализируя свои поступки, освещали природу советской власти.

Эти и другие факторы способствовали научному изучению воспоминаний простых людей, которые не могли издать свои мемуары. «История снизу» или «микро история» давно интересовала наших ученых.

Ж. Бердиев в процессе работ сталкивался с проблемой применения «устной истории» в изучении бесписьменных и младописьменных народов. Выступая на различных научных советах и дискуссиях, круглых столах обратил внимание на новое в Каракалпакстане научное направление «устная история». Имея опыт и представления об устных источниках, наша научная общественность узнала, что этот новый вид научного направления имеет свою методику исследования, определенный тип исторического источника и даже область междисциплинарного исследования.

Большое влияние оказали и международные связи с ведущими научными центрами мира. С начала 2000-годов

¹²⁸ Карлыбаев М. Об изучении устной истории аракалпачков //Тезисы Республиканской научно-практической конференции «Наука Каракалпакстана: вчера, сегодня, завтра», посвященной 50-летию Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. Нукус: Илим, 2009. С 142

молодые, но уже состоявшиеся ученые М. Карлыбаев, А. Джумашев, Ж.Бердиев, С.Нуржанов по несколько раз участвуя в региональных семинарах «Устная история в Центральной Азии», которые проходили в Алма-ате и Бишкеке, расширили знания, представили собственные наработки и обменивались опытом с зарубежными учеными, как Ингеборг Бальдауф, Ширин Акинер, Марианн Камп, Беатриче Пенатти, Тураж Атабаки, Паоло Михелс, Уильям Кларк и др.

А. Джумашев в 2005, 2008 годах участвовал в летней школе «От истории к историям. Написание истории снизу» в Санкт-Петербурге. Семинары были посвящены устной, повседневной, локальной и региональным темам.

С.Нуржанов в семинарах поднимал вопрос о роли и месте устной истории в общественных дисциплинах, устной исторической традиции народов Центральной Азии, трансформации устной традиции в письменном тексте, обратил внимание на выявление устных источников в письменном тексте, которые отражают состояние общества (характер воззрений, взглядов, общественного мнения, массового сознания).

М. Карлыбаев проходил курс по устной истории в Германии в 2007 году. Он отмечает: *Мы считали себя устными историками, потому что почти вся наша научная работа основана на устных информациях. Постоянно сопоставляли два источника: письменные и устные. Даже спустя 7-8 лет мои полевые записи находили свое письменное подтверждение. Проблема была лишь техническая – у нас не было в руках диктофона. С этой точки зрения, как обязательный составляющий компонент, являлось наличие аудио- или видео-записи, так как наши записи могут не отвечать требованиям «устной истории». Когда же появились кассетные диктофоны, опять техническая проблема из-за их ограниченности. Поэтому мы вынужденно «направляли» респондента по нашим нужным темам. Если сейчас были бы эти респонденты, то записывали бы все, что они рассказывали. Не только информация важна, с помощью устной истории можно узнать восприятие событий народом. Современные*

же люди тебе перескажут вычитанную по книге информацию. Это уже другая научная проблема – анализ.

По различным проблемам исторической науки, в том числе и устной истории, М. Карлыбаев, А. Джумашев, Ж. Бердиев, Р. Камалова, М. Давлетияров проходили стажировку в Германии в качестве стипендиатов немецких фондов ДААД, Александра фон Гумбольдта, принимали участие на научных семинарах по данному направлению. Как, например, «Жизненные пути в Каракалпакстане (1945-2009): Пространство и память» в Нукусе и Берлине в 2009, а также на международных конференциях в республике и за рубежом.

Необходимо отметить положительные стороны этого процесса, международный опыт дал свои плоды. Увидели свет публикации, посвященные устной истории Каракалпакстана в международных¹²⁹ и республиканских изданиях¹³⁰. Устная история стала объектом и предметом диссертационных исследований (А. Сайтов, М. Давлетияров, З. Кыдырниязов, Г. Сейдаметова и др). Разрабатывались научные проекты, связанные с устной историей: «История и судьбы: гонения против духовенства в годы советского тоталитаризма в Каракалпакстане» (руководитель М.Карлыбаев). Результаты полевых исследований позднее нашли отражение в многочисленных публикациях, в которых, помимо освещения темы, были использованы полевые записи.¹³¹

¹²⁹ Dzhumashev A. Der Historiker Sabyr Kamalov (1924–2009) und die Oral History /Aral Histories: Geschichte und Erinnerung im Delta des Amudarja. Reichert Verlag Wiesbaden. 2013. S. 41-48 Davletjarov M. Erzählte und gelebte Gemeinschaft: Genealogie und soziale Praxis bei den Karakalpakken im späten 20. und frühen 21. Jahrhundert /Aral Histories: Geschichte und Erinnerung im Delta des Amudarja. Reichert Verlag Wiesbaden. 2013. S. 16-29

¹³⁰ Сайтов А. Жизнь сельского жителя в послевоенные годы (по материалам устно-исторических исследований в Каракалпакстане)// Устная история в Узбекистане: теория и практика // Сб. материалов конференции. Вып. I/. Ташкент, 2011. С. 185-193

¹³¹ Карлыбаев М., Сайтов А. О некоторых вопросах устной истории Каракалпакстана. // Вестник ККО АН РУз. 2015. №2. С. 78-80; Сайтов А. Важность мемуаров и устной истории в изучении репрессии духовенство //Материалы международной научно-теоретической конференции «Актуаль-

В этом году начался проект (руководитель к.и.н. С.Нуржанов) «Трансформация социальных установок в каракалпакском обществе: история и практика», главным объектом которого является устная история.

Наши историки и этнографы совместно со специалистами Института истории Академии наук Узбекистана летом 2011 года проводили семинар, посвященный методологии и технологии устной истории. Учёные обменялись опытом, совершенствовали навыки ведения полевых исследований. В рамках проекта «история малых городов» были организованы пилотные исследования, которые проводились в городах Тахиаташ и Халкабад. По приглашению руководителя этого семинара и проекта А.Собирова наши ученые в 2012 году участвовали на второй конференции «Устная история в Узбекистане: теория и практика».

Таким образом, можно сказать, нет такого общего единообразного понимания «устной истории»; все, произнося одни и те же слова, вкладывают в него разные смыслы. Наши учёные используют методы и формы устной истории, адаптируя их к условиям Узбекистана, т.е. с учётом нашей местности, менталитета, образа мышления, религиозных и прочих ценностей респондента.

Алибек Сайтов

младший научный сотрудник

*Каракалпакский научно-исследовательский институт
гуманитарных наук ККО АН РУз. (Каракалпакстан)*

ИЗ ОПЫТА ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В КАРАКАЛПАКСТАНЕ

Устная история – одна из самых молодых методов в практике историописания, хотя некоторые её элементы довольно часто применялись в отечественной историографии.

ные вопросы археологии, этнографии, истории и историографии Южного Приаралья». Нукус. 2016. С. 327-329

Еще в 1960-х годах советские ученые предлагали классифицировать исторические источники как вещественные, письменные, фото-фоно-кинодокументы, а также выделяли этнографические, устные и лингвистические. Однако устные источники редко использовались в научной литературе по истории XX века, так как обилие исторических источников позволяло историкам раскрывать важные, по их мнению, перипетии событий и процессов в советский период развития общества.

По состоянию исторической науки Каракалпакстана начала 1990-х годов, смена общественно-политической формации вследствие провозглашения национальной независимости Республики Узбекистан во многом ввела историков в состояние ступора. Лишь в 1996 году вышла статья акад. С.Камалова и д.и.н. Б.Кошанова «Проблемы истории XX века»¹³², где указывалось, что выходом из ситуации виделось в углублении источниковедческих исследований. Правда, в статье не указывалось на необходимость применения новых подходов и методов исследования, лишь констатировалось выбор правильной методологии.

Поиск новых подходов и расширения источниковой базы продолжался еще какое-то время, историки продолжали работать над выявлением уже «скрытой» информации в известных уже источниках, с других методологических подходов изучая архивные материалы, периодическую печать, материальную культуру.

В 1997 году в Каракалпакстане начала свою деятельность международная организация «Врачи без границ» (ВБГ), которая провела несколько предварительных исследований в Каракалпакстане еще до начала своей работы в республике. Главное внимание уделялось последствиям экологической катастрофы, представляющей реальную угрозу для населения, живущего в Приаралье. ВБГ не рассматривала ситуацию разрозненно, только с точки зрения здравоохранения.

¹³² Камалов С., Кошанов Б. Проблемы истории XX века.// Вестник ККО АН РУз, 1996, «2. – С.76-79.

«Ухудшение окружающей среды, экономический спад и их влияние на социальную жизнь и здравоохранение приведут еще к большему количеству преждевременных смертей, и даже к появлению экологических беженцев или экологических переселенцев, если сейчас не будут предприняты меры для того, чтобы смягчить их пагубное влияние»¹³³, - указывалось в отчете организации за 1998 год. Была принята программа Операционных исследований, которая «поощряет и содействует проведению научных исследований». Так, уже 1999 году был подписан Меморандум о взаимопонимании между ВБГ, Институтом истории, археологии и этнографии ККО АН РУз и Института здоровья и окружающей среды Мак Мастера (Канада), на основании которого были начаты экспедиционные полевые работы по определению основных характеристик населения в области знаний, отношения и практики, влияющих на факторы охраны здоровья. Прежде чем начать работу, был согласован вопросник. Это был первый опыт совместной работы для большинства ученых-историков, как и участие в социологических исследованиях.

Между тем учеными-историками отмечалось, что весьма широко распространилась тенденция объяснять неблагополучие со здоровьем людей исключительно спозиции последствий Аральской катастрофы, оставляя в стороне прочие факторы, воздействующие на здоровье населения и, в частности, факторы этно-социального порядка: традиционные гигиенические нормы, традиционную систему питания, традиционные способы оценки здоровья, традиционные методы лечения и т.д.¹³⁴

С точки зрения темы конференции, хочу сказать, что это исследование дало огромный комплекс материалов по устной истории. Население, проживающее в районе Приаралья,

¹³³ Программа для Приаралья. Отчет деятельности. Ноябрь, 1998. ВБГ Ташкент. – С.21.

¹³⁴ Ягодин в., Есбергенов Х., Нуржанов С. Совместные многопрофильные исследования в Приаралье. \ Исследования по улучшению здоровья в окружающей среде Приаралья. Материалы конференции. 27-28 сентября 1999 г. Ташкент. – Т., 1999. – С.47.

отличается значительным этнокультурным своеобразием, где переплетено традиционное и современное. Поэтому по проекту «Психосоциальное воздействие Аральской катастрофы» в программу опроса нами были включены вопросы демографического, психосоциального и социо-этнографического характера.

Главная проблема на тот момент то, что в отечественной исследовательской практике не была выработана методика проведения интервью. Во время тренингов указывалось как вести интервью, на что обратить внимание, однако, предлагалось строго следовать порядку вопросов, на наводить собеседника на ответы, которые кажутся интервьюеру правильными. Практика показала, что это были своего рода мини-интервью, на каждое из которых отводилось около 45 минут. В ходе полевых исследований оказалось, что не были учтены особенности психологии общения интервьюера и респондента в процессе интервьюирования, сказалось и ограниченность теоретико-методологических основ проведения подобного рода исследований.

Плюсом в данном проекте стало то, что включенные нами вопросы позволяли охарактеризовать общество на рубеже 1990-х годов, существенным образом расширив диапазон и изменив ракурсы исследования. Например, в мае-июне 1999 года в нескольких районах Каракалпакстана были проведены т.н. оперативные исследования, где были интервьюированы 881 человек. В результате обнаружилось, что 64,4% населения не участвовали в общественной жизни, 92% - в работе общественных организаций, т.е. ярко иллюстрируют признаки социальной эрозии. Социальная энтропия вызвала упадок нравственно-психологической культуры общества. Психосоциальный климат определялся не только экологическими факторами, но экономическими аспектами бытия. 81,7% опрошенных выразили свою озабоченность финансово-материальным положением, 42% респондентов выразили желание сменить местожительство.

Одновременно, как исследователи, нами был накоплен

определенный материал по устной истории. Правда, мы не имели технических средств, вся информация фиксировалась на бумагу, что выпячивает роль интервьюера и требует от него больше исследовательских навыков. Например, в ходе бесед респондент говорил о сложностях обеспечения семьи продовольствием: *«Мы сейчас употребляем хлеб из муки, которая сделана из «крашеной» пшеницы. Эта пшеница предназначалась для посева. Вот я купил мешок этой «крашеной» пшеницы у знакомого тракториста, который сеял её в поле у фермера. Привез домой, промыл пшеницу 6-7 раз, пока краска не отошла, затем перемолол на «каразе» (частная мельница). Из полученной муки испекли вот эти лепешки (показывает на хлеб на дастархане): правда они получаются не такими как обычно, нет подъёма, но другой-то муки нет».*

Такого рода материалы устного характера были зафиксированы довольно много, однако, этот опыт так и оставался не востребуемым в получении историко-научной информации до определенного времени. Как мы указывали выше, сбор подобной информации осуществлялся без использования звукозаписывающей техники, поэтому этот опыт собирания материалов может быть охарактеризован как промежуточный между обычной в социологии практикой анкетирования, опросов и устной историей. Только через несколько лет материалы устной истории стали применяться в исторических исследованиях каракалпакстанских ученых, а также в работах краеведов, журналистов. На мой взгляд, одним из первых полезных опытов применения метода устной истории осуществил к.и.н. Х.Есбергенов, который в 2009 году опубликовал свою работу о К.Нурмухамедове¹³⁵.

Коптлеу Нурмухамедов – известный общественно-государственный деятель Каракалпакстана, который был репрессирован в 1937-1938 году. Кстати, аресты из среды местных представителей номенклатуры начались с середины 1937 года. Одним из первых был Р.Хакимниязов, бывший

¹³⁵ Есбергенов Х. Ардаклы азамат. – Н., 2009.

секретарь Кунградского райкома партии. Он был арестован 23 июня 1937 года. В июле были арестованы К.Аллабергенов, У.Бекимбетов, К.Садуллаев, в августе – Д.Ишимбетов, А.Пирназаров, С.Хакимбаев, а в сентябре У.Ахмедов, М.Ибниаминов, К.Авезов, А.Кудабаев.

По приказу наркома внутренних дел ККАССР В.Штейна от 20 сентября 1937 года был арестован и К.Нурмухамедов. Его обвинили по статье 67 Уголовного кодекса УзССР за контрреволюционную деятельность.

«Это ошибка. Никакой вины перед советской властью не чувствую. Разберутся и отпустят. Смотри за детьми. Скоро вернусь» - последние слова К.Нурмухамедова, сказанные своей супруге во время последнего свидания в сентябре 1937 года в г. Ходжейли. Об этом рассказывала супруга Предегуль-апай, с которым Х.Есбергенову удалось встретиться.

К.Нурмухамедова арестовали по делу «контрреволюционной националистической организации» в Каракалпакистане, хотя прямых доказательств его вины не было. Его имя даже не упоминается в показаниях подследственных, которые приводить своих работах проф. Ш.Бабашев. Данное уголовное дело было зафиксировано под №196, по которому проходили номенклатурные работники республики, представлявшие в прошлом государственно-партийные органы. Все они были известными в народе советско-партийными деятелями, передовой частью национальной интеллигенции. Аресты продолжались до декабря 1937 года¹³⁶.

Находясь в следственном изоляторе г. Турткуля К. Нурмухамедов написал стихотворение «Билмедик» («Не знали»). Как свидетельствовал Х.Есбергенов, в 1967 году, после реабилитации К.Нурмухамедова по партийной линии, это стихотворение было переписано доктором филологических наук К.Байниязовым с рукописи И.Бекбаулиева. Последний находился в одной камере с К.Нурмухамедовым, который написал это стихотворение на стене тюремной камеры. Многие

¹³⁶ Бабашев Ш. Жазықсыз жазаланған репрессия курбанлары. – Н., 2007. – С.73-74.

политзаключенные Турткульской тюрьмы выучили его наизусть и И.Бекбаулиев записал его и только в 1961 году показал известному режиссеру Т.Алланазарову – земляку К.Нурмухамедова. Тогда никто из них так и не осмелился их опубликовать. В настоящий момент полный текст стихотворения хранится в домашнем архиве Нурмухамедовых. Это стихотворение было включено в совместную нашу с Х.Есбергеновым работу, которая сейчас находится в печати.

Стихотворение К.Нурмухамедова «Билмедик» своего рода исповедь, где охвачена вся сущность бытия, дела, которому была посвящена вся его жизнь, несуразность всего, что происходило в это время. Автор вначале пишет о внезапности всего происходившего. Для многих работников низового аппарата на периферии репрессии второй половины 1930-х годов действительно стало неожиданностью. В неведении и полной растерянности, общество и его передовые представители пытались понять сущность политики репрессий:

*Биз билмедик туўры жолдан басқаны,
Не себептен ара жолдан тосқаны?
Демеге дәлил жоқ «халықтың душпаны»,
Шықты қыялдан, ойдан, билмедик.*

Мы шагали по пути нашим правым,
Преградили нам дорогу на полпути.
Без доказательств нас обвинили - «враг народа»,
Нарочно ли, иль задумка, мы не знали.
(Здесь и далее подстрочный перевод С.Нуржанова).

Здесь можно узнать, что автор остается приверженцем всего того, чему служил и посвятил всю свою сознательную жизнь. Эта принципиальность и верность своим идеалам во многом отличает его поколение от других. Молодыми они вступили на путь служения своему Отечеству, во благо народа, с верой в его будущее процветание:

*Егип берген мийўалы багдан,
Сол мийўеден тәрбият алган,
Жан таласып туўра жолда ат салган,
Жетискен ат едик тайдан, билмедик.*

Плодотворный был посажен сад,
Мы выращены его плодами,
По прямой мы всей душой пустились,
Как конь молодой горячей крови.

Далее автор все же высказывает свои сомнения в существующей системе, которой он служил, указывая на «гору» (в поэтических произведениях это называется метафорой) как центра всего, который изрыгает пламя, уничтожая прошлое (хворост) и настоящее (зелень):

*Әжайып ис болды, биз болдық хайран,
Жанар таўдан от шыққандай, тас-талқан.
Қуў менен аралас бирге жас жанган,
Шарпылган жалынба қайдан билмедик.*

Невидан случай, растерялись как один,
Словно извержение вулкана как-то в рань.
Огонь сметает хворост, зелени отростки
Охвачено все алым пламенем его.

Видимо это было своего рода отступление, смутно терзавшие автора сомнения, присущие всякой высоконравственной и развитой личности. В конце автор все же не оставляет надежду на спасение, верит в тот путь, который он выбрал с молодых лет, искренне веря в то, что это был единственный выход из той культурной и технической отсталости, непросвещенной темноты, деспотии власти...

Как видим, устная история может послужить для большего раскрытия образа, который «безмолвствовал» долгие годы. Как показывает наше исследование, тогдашняя реальность была сложна и многообразна той, которую мы представляем (или не можем представить до конца, прими-

тивно схематизируя, приводя весь процесс к одному знаменателю). В данном случае выявляется главная ценность устной истории, которая позволяет воссоздать особенные характеристики личности, характеризует неоднозначность отношения к происходящему, выделяет образ, показывая всю трагичность судьбы человека, а не просто «репрессирован». Это в корне меняет не только исследовательский подход, обогащает арсенал историка, но и позволяет изменить отношение к прошлому в сознании людей, заставляет задуматься.

Устная история – это не только исследование человека как существа, но и локального сообщества, в котором он живет. Фиксируя вербальные и невербальные сообщения, она позволяет анализировать и интерпретировать полученный материал, будь то архивный материал или беседа, газетная публикация или интервью. Правда, возникает вопрос: скажем в газетных материалах присутствуют скрытая информация, например, об отношении населения к антирелигиозной борьбе, они зафиксированы в очерках, сообщениях, фельетонах журналистов, но насколько они могут быть презентабельны с точки зрения устной истории?

По своей исследовательской практике могу привести пример выявления информации, по-новому характеризующий антирелигиозную борьбу в каракалпакском обществе в советский период. Эти страницы истории представлены довольно объемно в исследованиях как советского, так и современного периода. Не говоря о предыдущем периоде историописания, даже в современной историографии местное сообщество 1920-1930-х годов отношении религии остается «безмолвствующим», тогда как в материалах прессы того периода зафиксирован его «голос». Корреспонденты газет поневоле выступают в роли фиксаторов подобной информации, например, когда описывают ситуацию в каком-либо совещании, реанимируют слухи, указывают отношение, переживание толпы, каждого в отдельности.

Например, публикации прессы Каракалпакстана данного периода содержат материал, который показывает трансформационные процессы в обществе. Правда, они могут быть персонифицированы или же обобщены в образе. Так, в одном из совещаний в одном из районов Каракалпакстана в 1940 году местный актив выступает за запрещение «зьяратов» на кладбища Султан-баба и Шаббаз-ата и предлагает их закрыть. Предложение поддержали вожаки местного партийной и комсомольской организации, и никто из присутствовавших на совещании так и не выступил в их поддержку. Местный корреспондент пишет, что даже не была принята резолюция собрания по данному вопросу. Или же некто Е.Султанов публикует материал «Динниң реакциялық сиясатына қарсы пропаганда күшейтилсин» (букв. «Усилить пропаганду против реакционной политики религии»), где автор указывает, что 18 шейхов со святыни Султан-баба проповедуют, что «Куранда оқыўды бесиктен гөрге шекем излемек парыздур, илимий болмақ бир ғана еркек емес, ҳаял-қызларға да парыздур, сонлықтан большевиклер Куранның көрсетпесин орынлаў ушын ғалаба баслаўыш оқыўды, ликбезди дөретти» («В Коране предписывается изучать науку с колыбели до гроба, быть образованным обязанность не только мужчин, но женщин и девушек, поэтому большевики, исполняя заветы Корана, открыли начальную школу, ликбезы»).

Как видим, это тоже своего рода фиксация информации, которая корректирует и углубляет существовавшее представление о взаимоотношениях власти и религии, но и о роли религии в повседневности.

Газетные публикаций 1930-х годов, когда журналистика только-только становилась на ноги, сохраняли свою субъективность, как и воспоминания, рассказы, интервью. Например, в форме фельетонов высмеивались отдельные качества человека, его отношение, роль в обществе. Так, в одном из таких публикации автор (некто Далмен) зафиксировал в своем материале диалог с активистом колхоза по прозвищу «Большевик» - партийцем с 6 летним стажем. Материал в форме

фельетона показывает уровень местного аульного актива (при этом недалеко от областного центра)»: на вопрос «Кто такой Сталин?», он не сразу, но отвечает: «Хозяин», а на вопрос «В чем его задача как коммуниста в ауле?», этот «деятель» отвечает: «Поручить колхозникам заполнить арбу удобрениями и отвезти куда надо»¹³⁷. В целом, при изучении этого материала формируется мнение, что в партию вступали чтобы руководить и иметь привилегий.

Известно, что в партию в то время принимали исходя из социального происхождения, из числа батраков и бедняков, отчасти и середняков, а партийный билет давал им многие возможности и преференций, в том числе возможность руководить и властвовать. Например, во время чистки на вопрос: «Ты коммунист, в чем заключается твоя задача в колхозе?», член партии, некто О.Курбанов отвечает, что его задача «руководить и обеспечить выполнение различных планов». Показательно то, что во время этой «беседы» О.Курбанов высказывает заученные клише о своих общественных деяниях: о том, как помогал сироте, построил мост, работал в колхозе, а на вопрос «В какой партии состоишь?», ответил: «*Не знаю, состоял в колхозе, колхоз советский, билет тоже советский*»¹³⁸.

Правда, здесь возникает вопрос, могут ли зафиксированные беседы во время «чисток» выступать как элемент устной истории? Хотя в процессе работы по направлению устной истории также фиксируется индивидуальная память, их оценка и интерпретация событий.

В целом, данное направление только нарождается, вопросов больше, чем ответов. Тем не менее, жизнеспособность устной истории уже очевидна: она предлагает лишь методику, с помощью которой проводится историческое исследование, а именно – разговор, интервью. В данном контексте, вполне разумно, по-моему мнению, использование и

¹³⁷ Қызыл Қарақалпақстан, 1936, 30 январь.

¹³⁸ Архив Жокаргы Кенеса Республики Каракалпакстан, ф. 1, оп. 4, д. 439, л. 44.

газетного материала, оформленного в виде рассказов простых людей (будь то аульного корреспондента или зафиксированного им ощущений, страданий, переживаний отдельного человека). В конечном итоге он должен служить воспроизведению системы ценностей, повседневности, противоречий общественного бытия, показать консерватизм в сознании «маленьких людей», как бы проецируя субъективное начало снизу вверх общество в целом.

Сабит Нуржанов

канд. истор. наук

Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук ККО АН РУз. (Каракалпакстан)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА НАБЛЮДЕНИЯ В УСТНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В социологии принято наблюдение определять как целенаправленное, организованное восприятие и регистрация поведения исследуемого объекта. При этом, на исследователя или наблюдателя, как правило, ложится задача по максимальному невмешательству в наблюдаемые процессы путем создания специальных условий для проявления рассматриваемого явления.

От пассивного же созерцания окружающей действительности наблюдение отличается:

- А) наличием определенной цели;
- Б) разработанным планом исследования;
- В) оснащенностью предметными средствами для осуществления процесса и фиксации результатов.

С научной точки зрения большое значение имеет разработанный план исследования, которые должен содержать полное описание процедуры наблюдения, включая выбор ситуации и объекта для наблюдения; программу (схему) наблюдения в виде перечня признаков (аспектов) наблюдаемого поведения и единиц наблюдения с подробным их

описанием; способ и форму фиксации результатов наблюдения; описание требований к работе наблюдателя; описание способа обработки и представления полученных данных.

Наблюдение как метод науки отличается универсальностью, применимостью к изучению широкого круга явлений, гибкостью, возможностью по мере необходимости менять «поле охвата» изучаемого объекта, выдвигать и проверять по ходу наблюдения дополнительные гипотезы. Для проведения исследования методом наблюдения необходимо минимальное аппаратное обеспечение.

Переходя к заявленной теме, отметим, что под устной историей понимается научная дисциплина, обладающая собственным методом исследования - интервью, с помощью которого осуществляется фиксирование субъективного знания отдельной человеческой личности об эпохе, в которой жил человек. Это направление основано на записи (как правило, с применением аудио- и видеотехники) устного рассказа очевидцев тех или иных событий, воспоминаний на заданную тему.

Использование интервью можно рассматривать и в более широком контексте наблюдения, то есть, не только фиксировать сказанное, но и как это сделано. Заметим, что основными характеристиками наблюдения как метода устно-исторических исследований являются целенаправленность, планомерность, и главное, зависимость от теоретических представлений наблюдателя. Наблюдение как методика (методика наблюдения) учитывает конкретную задачу, ситуацию, условия и орудия наблюдения. Под методикой наблюдения понимается социально фиксированная, изложенная понятно для других, предметно представленная система сбора и обработки эмпирических данных, которая адекватна четко очерченному кругу задач.

Наблюдение считается старейшим методом в гуманитарных науках. Научное наблюдение стало широко применяться, начиная с конца XIX века, в областях, где особенное значение имеет фиксация особенностей поведения человека в различных

условиях. Этот метод применяется там, где вмешательство экспериментатора нарушит процесс взаимодействия человека со средой. Этот метод дает возможность получить целостную картину происходящего и отразить поведение индивидов во всей полноте.

Это тем более важно, когда речь идет об устно-исторических исследованиях и приемах интерпретации устных исторических источников. Например, это касается нарративного анализа, когда интервью анализируется с точки зрения не только его содержания, но и его текстуальной формы. Так, в интервью при рассмотрении личностного, субъективного восприятия прошлого важно обращать внимание не только на то, какие события и стороны своей жизни человек выделяет, но и какими смысловыми категориями он оперирует. Однако сосредоточенность на текстуальном и лингвистическом анализе может увести исследователя от субъекта и конструируемой им объективной реальности.

В современной устной истории возможно применение лингвистических техник как своеобразной «статистики» качественного интервью. Оно известно как «контент-анализ», подсчет частотности употребления тех или иных слов, словообразований или словосочетаний для характеристики жизненного опыта человека, того общества и той эпохи, о которой он повествует. В этом плане всегда важно помнить, что в качественном интервью часто смысл зависит от контекста, и часто полученное исследователем из одного контекста знание не может быть автоматически сопоставлено с контекстом другого интервью. Оно может отличаться нюансами, которые меняют смысл оценок интервьюируемого. Это создает трудности и при трансформации устной речи в письменную форму, и при интерпретации.

Одним из способов интерпретации может выступать и выявление латентной информации. Почти каждый респондент так или иначе пытается скрыть ту информацию, которую он в силу разных причин не хочет придавать публичной огласке. Однако, как правило, она так или иначе маркируется в его речи

междометиями, оговорками, фразами, словосочетаниями, интонацией и т. д. и может многое сказать о внутреннем мире человека, его позиции, мировоззрении, отношении к описываемому событию и т. д. В частности, анализу можно подвергать саму причину нежелания говорить, о чем-то. Именно стандартизированность процедур наблюдения позволяет выделить данные аспекты.

При использовании наблюдения в устно-исторических исследованиях источников необходимо принимать во внимание и то, что каждый источник конструирует свою субъективную реальность, которая для него являлась объективной, а совокупность этих субъективных реальностей составляет объективную реальность.

Отдельной проблемой в устно-исторических исследованиях является обобщение результатов исследования. Связано это как с объективными характеристиками устных источников, так и с предубеждениями против них, инерционностью мышления исследователей, несмотря на то, что история уже обратилась к междисциплинарным подходам и источникам, например, этносоциологическому мониторингу.

Подчеркнем, что материалы качественного наблюдения или интервью трудно поддаются типологизации, систематизации, поэтому трудно обрабатываются и анализируются. Всегда ставится проблема репрезентативности, сопоставимости и т. д. Традиционно делать выводы об обществе на основании свидетельств принято только при соблюдении ряда условий, в частности, требований репрезентативности, выборка респондентов, привлечение других видов источников и т.п.

Другой в использовании метода наблюдения является проблема соотнесения в устных исторических исследованиях индивидуального человеческого опыта с более широкими историческими процессами. Даже при репрезентативной выборке респондентов в интерпретации устных исторических источников статистическая их обработка имеет вспомогательное значение, например, при характеристике взглядов и представлений, свойственных определенной социальной

группе.

В контексте устной истории, она рассматривает исторические процессы с учетом того, что реальностью являлся некий субстрат, отражающий описываемый респондентом мир, а сама реальность представляется такой, какой ее воспринимают люди. Поэтому исследователи, использующие метод наблюдения, изучают взгляды изучаемых людей на мир, а через анализ зримого в их рассказе смысла пытаются выявить латентное.

Перед исследователем также встает проблема так называемых «матричных» представлений, когда респондент выдает за свое мнение, переживание или личное свидетельство стандартный, иногда официальный текст, который он усвоил и считает собственным мнением. Важно также учитывать отражение гендерных, этнических и политических проблем в устных свидетельствах. Нередко автор воспоминаний специально строит свой рассказ, чтобы высказать мысли, наболевшие оценки нынешней жизни и ситуации в стране через противопоставление современности позитивную историю своего поколения.

Следующая проблема - непредвзятая интерпретация увиденного наблюдателем, к которой должен стремиться устный историк. Исследователь должен пытаться уйти от той традиции понимания, в которой он живет. Как известно, в одних и тех же словах разные люди с разными жизненными принципами, с разным мировоззрением, эмпирическим опытом, политическими взглядами, образованием могут найти подтверждение своей позиции, то есть интерпретировать слова и поступки респондента, подтверждая свою рабочую гипотезу. Именно заключается опасность метода наблюдений, так как, описывая и анализируя отраженную реальность, устный историк так или иначе может скатиться к ее редактированию, адаптируя к своему уровню знаний.

Поэтому письменное описание результатов использования метода наблюдения - это интеллектуальная конструкция, модель, созданная исследователем. Предвзятость или невни-

мательность исследователя к представлениям и оценкам респондентов, использованным ими ключевым категориям и понятиям чревато искажением описанной ими субъективной реальности. Необходимо учитывать неизбежную предвзятость на всех этапах устноисторической работы: при составлении инструментария (анкеты или дневника наблюдателя) и использовании наблюдения как метода исследования, и особенно на этапе интерпретации.

Нужно видеть результаты наблюдения в комплексе, а не выхватывать какие-либо элементы наблюдения, цитаты, отрывки для подтверждения своей сформировавшейся гипотезы. Чтобы добиться непредвзятой интерпретации, можно посоветовать при научном анализе материалов наблюдения сначала прочитать его целиком (стенограммы, просмотреть аудиовидео материалы), чтобы понять общий смысл, и только после этого начать работать с отдельными отрывками, темами и фрагментами.

Говоря о методических особенностях метода наблюдения в контексте устно-исторических исследований можно выделить следующие рекомендации (речь идет о ситуации, когда респондент знает о том, что он изучается):

- провести предварительную работу с респондентом, заранее ознакомив его с тематикой, чтобы он смог пережить первичную эмоциональную оценку, продумать свой ответ;

- задать эмоциональный фон изучения о важности задачи, чтобы респондент был воодушевлен значимостью поставленной перед ним задачи и постарался максимально соответствовать требованиям интервьюера;

- составить инструментарий таким образом, чтобы вопросы косвенно перекрывали друг друга и тем самым позволяли проверить степень искренности и объективности рассказа респондента;

- для опроса использовать миниатюрную аудиотехнику, однако это не должно быть навязчивым;

– в ходе наблюдения задавать не наводящие, а уточняющие вопросы, следить за тем, чтобы каждый сообщаемый им факт был понятен и истолкован;

– в ходе беседы обязательно на бумаге пометать изменения в поведении (смущение, неуверенность в голосе, затруднения, попытка увести речь в другую сторону и т.д.), чтобы учитывать при расшифровке записи;

– стараться при стенографии буквально воспроизводить все слова и выражения респондента, не подвергая текст даже грамматическому редактированию;

– при расшифровке записи указывать дату записи, дату расшифровки, кто производил запись и расшифровку, к аудио записи прилагать распечатку интервью на бумажном носителе.

В случае если наблюдение носит закрытый характер, то есть, респондент не знает о том, что его изучают, главная проблема, возникающая при проведении наблюдения, – воздействие присутствия наблюдателя на поведение наблюдаемого. Чтобы минимизировать это воздействие, наблюдатель должен чаще присутствовать в окружающей среде, заниматься каким-либо делом, не акцентировать внимание на наблюдаемом. Кроме того, можно объяснить присутствие наблюдателя какой-либо приемлемой для наблюдаемого целью, либо заменить человека-наблюдателя регистрирующей аппаратурой (видеокамерой, диктофоном и т. п.).

Предметом наблюдения могут быть и внешние признаки:

– речевые акты (их содержание, направленность, частота, продолжительность, интенсивность, экспрессивность, особенности лексического, грамматического, фонетического строя);

– мимика, экспрессия звуков;

– проявления некоторых вегетативных реакций (покраснение или побледнение кожи, изменение ритма дыхания, потоотделение).

В завершение предложим один из распространенных способов записи наблюдений:

1. Запись должна быть фактологична, то есть, всякий факт должен быть зафиксирован в том виде, в каком он реально существовал.

2. Запись должна включать описание ситуации (предметной и социальной), в которой происходит наблюдаемое событие (запись фона).

3. Запись должна быть полной, чтобы в соответствии с целью отражать изучаемую реальность.

В целом, использование качественных социологических методик исследования, в том числе наблюдения, ведет к более широкому историческому и культурному контексту изучаемой эпохи и, следовательно, к конструированию многоликой и многофакторной социальной реальности как альтернативы одномерной объективной реальности. А это, в свою очередь, требует учитывать, что получаемая путем наблюдения и сопоставления реконструкция прошлого представляет собой переплетение и лингвистических, и контекстуальных, и других свойств тех знаний, которыми обладает конкретный респондент и которые для него являются «субъективной объективностью» или конструируемой им социальной реальностью.

Азамат Сеитов

канд. социолог. наук,

Национальный университет Узбекистана

им. Мирзо Улугбека (Узбекистан)

ВОСПОМИНАНИЯ КОРЕЙСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ОБ УЧАСТИИ В «ТРУДОВОЙ АРМИИ» В ГОДЫ ВОЙНЫ И ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ: МИФЫ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Перестройка в СССР и последующее образование стран СНГ вызвали к жизни всплеск национального самосознания и интерес этнических групп к собственной истории. Не обошли эти процессы и корейскую диаспору СНГ, тем более, что многие вопросы ее истории (насильственное переселение 1937

года, участие в трудовой армии в годы второй мировой войны) находились под негласным табу.

Появилось множество публикаций с воспоминаниями об этих эпизодах истории корейцев. Значительное число авторов этих публикаций – сами корейцы СНГ. Многие из них не ученые, либо ученые, но не имеющие отношения к общественным наукам. Соответственно, их публикации не проходили экспертного рецензирования, обсуждения на кафедрах и Ученых Советах. Для этих публикаций зачастую характерны: незнание имеющейся историографии по коре сарам, субъективная предвзятость, небрежность обращения с историческими источниками, профанация методов полевой работы, значительное количество ошибок и искажение исторических фактов, неоправданные обобщения, эмоционально-экспрессивные оценки, менторское морализаторство, несоответствие текстов заголовкам, эклектизм.

Если говорить о личных воспоминаниях в целом, то относительно них всегда существует проблема верификации, что диктует взвешенный и осторожный подход к ним. При реконструкции исторических феноменов воспоминания не являются абсолютно достоверным источником («истиной в последней инстанции»), поскольку в них присутствует существенная доля субъективности: они персонифицированы, окрашены в эмоциональные тона; аксиологические установки зачастую доминируют над гносеологическими принципами. Некоторые детали в них забываются или сознательно опускаются, а некоторые – гипертрофируются. Кроме того, не редки случаи, когда «единичное» и «особенное» обобщается до «общего», а ситуативное – до закономерного.

Поэтому для воссоздания исторической правды необходим комплексный подход:

– сопоставительный анализ воспоминаний ряда свидетелей/участников (в зависимости от определения этого ряда могут быть получены и различные результаты); причем, сбор и расшифровка устных историй должны осуществляться по научным методикам;

– соотнесение результатов полевой работы с документально-архивными источниками.

Предвзятость. При *предвзятости* и *заданности* аксиологические установки начинают определять конструирование эмпирической базы и соответствующих выводов. Наиболее рельефно такого рода *apriori* заданные установки выражены в работах Л.Б.Хван, посвященных трудовой армии.¹³⁹ Их основной целью является не столько реконструкция исторической реальности, сколько создание эмоционально-негативного семантического фона.

Известно, что в годы войны мобилизованные корейцы Узбекистана и Казахстана отправлялись в так называемую «трудовую армию». Необходимо различать два аспекта данной проблемы. Первый аспект связан с вопросом о трудовой мобилизации в период войны *вообще*, а второй – с мобилизацией собственно *корейцев*.

Если говорить о трудовой мобилизации корейцев, то она явилась по отношению к ним актом политического недоверия со стороны властей. Тотальная мобилизация в «трудармию» по этническому признаку фактически означала дискриминацию – отказ представителям некоторых этнических групп в праве носить оружие и сражаться на фронте.

Однако политическая дискриминация корейцев как защитников Отечества не означает, что в годы войны они не могли быть использованы в качестве трудовых ресурсов. И здесь встает вопрос о трудовой мобилизации *вообще*. В условиях войны она была единственным условием победы. В связи с этим, нам представляется принципиально неверной ее трактовка как «карательной» политики, без учета конкретно-исторического контекста.

Как известно, экономические потери, понесенные СССР в первый год войны, были огромны. На территории, оккупиро-

¹³⁹ Хван Л. Б. Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – Нукус, 2004; Хван Л. Б. Трудовая армия: второй удар судьбы по корё сарам (по материалам истории корейцев Каракалпакстана) // http://world.lib.ru/k/kim_o_i/u2-1.shtml

рованной к ноябрю 1941 г., до войны проживало 45% населения страны, добывалось 63% угля, производилось 68% чугуна, 50% стали и 60% алюминия. В результате оккупации и эвакуации промышленности выбыло из строя сотни предприятий, изготовлявших боеприпасы. Ежемесячные потери от их остановки были колоссальными¹⁴⁰. Мобилизация в ряды Красной Армии резко уменьшила число рабочих и служащих.

В этих условиях каждая пара рук была на вес золота. Люди работали на износ, по 13-14 часов в сутки. На предприятия возвращались пенсионеры, за станки вставали подростки. В деревнях женщины впрягались вместо быков и лошадей, они стали основной рабочей силой в шахтах и на лесоповалах. Были отменены отпуска, увеличен рабочий день, введены сверхурочные работы. С лета 1942 г. к работе вынуждены были привлекать инвалидов 3-й группы, а также беременных женщин до 5 месяцев беременности.

Благодаря этим чрезвычайным мерам и титаническому труду всего народа, «военная промышленность уже в первой половине 1942 г. не только восстановила потерянные мощности, но значительно перекрыла их».¹⁴¹ Перевод экономики на военные рельсы был осуществлен в течение года, в то время как Германии на это потребовалось 7 лет¹⁴². В кратчайшие сроки была решена задача, позволившая ликвидировать отставание топливно-энергетической и металлургической базы, обеспечить превосходство в вооружении, что обусловило коренной перелом на карте военных действий и стало залогом победы над фашизмом. Называть эти меры «карательными» и оправдывать «уклоняющихся», как пишет Л. Хван, в то время как миллионы людей, на фронтах и в тылу, жертвовали всем, чтобы переломить ход войны – значит либо не понимать, что происходило в эти годы, либо сознательно стоять на позициях

¹⁴⁰ Вознесенский Н. А. Избранные произведения, 1931-1947. – М., 1979. С. 505-506; Чунтулов В. Т., Кривцова Н. С. и др. Экономическая история СССР. – М., 1987. С. 251-252.

¹⁴¹ Вознесенский Н. А. Указ. соч. С. 506.

¹⁴² Чунтулов В. Т., Кривцова Н. С. и др. Указ. соч. С. 252.

предвзятого нигилизма относительно того, что имело место в 40-е годы.

Профанация методов полевой работы. В приводимых Л. Хван рассказах трудоармейцев есть существенные неточности, которые возникли в результате *некорректной методики* интервью (не соответствующей социологическим стандартам) и *заданной установки* на создание тотально негативного образа «трудоармии», независимо от того, насколько те или иные его детали соответствуют фактам. В результате этого многие факты, имеющие отношение к участию корейцев в трудовой армии, подверглись искажению и фальсификации.

Искажение фактов. Л.Б. Хван определяет трудовую армию как «запроволочную жизнь», приводя фразы Кима Петра (или их авторскую версию): «Жизнь в зонах, бараках, огражденных и охраняемых с утра до вечера» и Ким Хак Сена: «Недалеко от нас в бараке жили женщины-немки. Они работали, как и мы, с утра до вечера под конвоем»¹⁴³. В этом вопросе сложилась довольно противоречивая ситуация. Из одних воспоминаний корейцев-трудоармейцев следует вывод о том, что «трудоармия» это работа под конвоем, в зонах, огороженной колючей проволокой, а по воспоминаниям других, всего этого не было.¹⁴⁴

Итак, была ли «трудоармия» для корейцев зоной за колючей проволокой и работой под конвоем? И если да, то был ли подобный режим универсальным, или он был локальным?

Во-первых, корейцы работали как на «обычных» объектах, так и в ИТЛ НКВД; как вместе с «обычными» гражданами, так и с заключенными и «спецконтингентом», что могло породить и разные условия их быта и труда.

Во-вторых, наряду с общими положениями о режиме пребывания в рабочих колоннах, существовали и конкретные

¹⁴³ Хван Л. Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – Нукус, 2004. С. 19-20.

¹⁴⁴ Полевые записи, Ташкент, 2004 (интервью с Ч. Угаем, С. И. Хегаем, А. И. Кимом, К. М. Ли, Е. Н. Тяном и К. А. Кимом); Чжен Ин-Су. На лесоповале // Чен Н. Дети своего народа. – Т., 2003. С. 29-30.

предписания по поводу отдельных категорий «тудармейцев».

К первой группе документов можно отнести инструкцию НКВД СССР от 24.12.1942 г. и директивное письмо, направленное в ноябре 1943 г. наркомам внутренних дел республик, начальникам управлений НКВД СССР¹⁴⁵ «Положение о строительных колоннах Наркомстроа»¹⁴⁶ и другие аналогичные документы. Примером второй группы документов является «Положение о порядке содержания, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев».¹⁴⁷ В связи с этим необходимо изучить вопрос: были ли предписывающие документы относительно корейцев, или на них распространялись только общие положения?

В-третьих, в данной ситуации мы также сталкиваемся с проблемой соотношения нормативных предписаний и практики. С одной стороны, есть положения о пребывании в рабочих и строительных колоннах. А с другой стороны, существовала практика на местах, которая могла и не соответствовать нормативным предписаниям.

В 2004 г. в г. Ташкенте мною были проведены интервью с 6-ю бывшими тудармейцами (Ч. Угаем, С.И. Хегаем, А.И. Кимом, К.М. Ли, Е.Н. Тяном и К.А. Кимом). Никто из 4-х тудармейцев, проработавших, как и информанты Л. Хван, в Ухто-Ижемском лагере, не подтвердил факта «особого режима».

Угай Черсик сообщил, что в лагере все тудармейцы и даже заключенные, были «вольнохожденцами», т. е. не охранялись. Например, они ходили в лес по грибы и ягоды, совершали «набеги» на соседние картофельные поля. И только уголовники-рецидивисты работали в сопровождении конвоя.

С. И. Хегай также не подтверждает наличие каких-либо

¹⁴⁵ Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»: информация НКГБ Союза СССР (корейцы в рабочих колоннах и батальонах) // Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М., 2004. С. 315.

¹⁴⁶ ГАТО, ф. 657, оп. 1, д. 9, л. 9.

¹⁴⁷ Тудармейцы - депортация немцев Поволжья //

<http://www.karlag.kz/art.php?id=76>

ограждений и охраны: «Территория не охранялась, так как бежать было некуда – везде лес». ¹⁴⁸ В.Г. Пак пишет, что на его участке проживало 200 человек: 20 заключенных, 50 немков и 130 корейцев: «Руководили работами заключенные. И начальник участка, и прораб отработывали свой срок. Из охраны был только один сержант с погонами НКВД» ¹⁴⁹.

Аналогичную информацию дают трудармейцы, очутившиеся в других регионах. Чжен Ин-Суиз Пастдаргомского района Самаркандской области попал по мобилизации в деревню Новая Бровячиха Алтайского края, где корейцы работали с заключенными грузинами на лесозаготовке. Начальником бригад был некто Ульфамов, заключенный. Как вспоминает Чжен Ин-Су: «Никаких других начальников мы не знали. Был оперуполномоченный, но в лесу он никогда не появлялся, жил в деревне, куда с отчетом о работе ездил Ульфамов». ¹⁵⁰ Иначе говоря, и здесь корейцы работали без охраны. Не было и колючих заграждений, т. к. бригады жили и работали в лесу: «Жили мы в землянках, которые сами и рыли. С каждым днем мы все дальше уходили в лес. И когда от землянок удалялись на приличное расстояние, то рыли новые. Туда же перевозился и вагончик, в котором жил Ульфамов и где готовилась еда». ¹⁵¹

Как известно, трудмобилизованные корейцы работали и в самом Узбекистане. Как утверждает Е.Н. Тянь, в Ангрене, где корейцы работали на шахте и строительстве завода, они жили без охраны. Об этом говорит и тот факт, что они беспрепятственно сбегали в свои колхозы. Их находили и отправляли обратно в Ангрэн. К. Ким был отправлен в Джизак,

¹⁴⁸ 29.01.2008 я позвонил С. И. Хегаю, чтобы еще раз уточнить вопрос о военизированной охране и заграждениях на участках Ухто-Ижемского лагеря, где работали корейцы. Его ответ был категоричен: «Где мы работали, не было такого. Зачем придумывать? Чего не было, того не было».

¹⁴⁹ Пак В. Г. Узбекистан стал родиной // Чен Н. Дети своего народа. – Т., 2003. С. 33.

¹⁵⁰ Чжен Ин-Су. На лесоповале // Чен Н. Дети своего народа. – Т., 2003. С. 29.

¹⁵¹ Там же. С. 29-30.

где корейцы работали с узбеками в карьере. Он также свидетельствует, что охраны и ограждений не было. И здесь, корейцы без разрешения возвращались в свои колхозы. О свободе их передвижения говорит и тот факт, что по ночам они совершали рейды к близлежащим селениям и отлавливали собак и ослов, поскольку выдаваемого рациона им не хватало.

Введенные в оборот архивные документы также говорят о том, что в местах, описываемых в *данных* документах, корейцы не работали в режиме особого контроля (под конвоем). Так, Н. Ф. Бугай приводит докладную записку, в которой описывается порядок пребывания трудмобилизованных корейцев, немцев, финнов и представителей других этносов в Тульском угольном бассейне: «В предприятиях Подмоскownого угольного бассейна установлено, что *особый режим содержания* для работающих в шахтах *не соблюдался...*» (*курсив наш* – В. Хан).¹⁵²

Или, в приказе от 12.07.1943 г. по СУ № 2 ОСМЧ «Строитель» (г. Беговат), куда были мобилизованы корейцы, отмечается дезертирство, а также тот факт, что «начальники колонн, командиры отрядов, в обязанности которых входит постоянно бывать с трудармейцами, даже не знают, когда целые взводы у них внезапно исчезают»¹⁵³. Конечно, в условиях колючей проволоки и военизированной охраны исчезновение целых взводов было бы невозможным.

В воспоминаниях (в версии Л. Хван) Кима Петра есть фраза: «Ничего не знали о родных»¹⁵⁴. По словам же других трудармейцев из того же лагеря, они имели связь (хоть и не постоянную) с родными местами. Так, Ч. Угай вспоминает, что некий Ким Максим получил в Ухте денежный перевод из колхоза «Политотдел»; С. Хегай дважды получал посылки по 8 кг риса; рисовые посылки получили также 17 человек из

¹⁵² Бугай Н. Ф. «Совершенно секретно»: информация НКГБ Союза СССР (корейцы в рабочих колоннах и батальонах) // Пак Б. Д., Бугай Н. Ф. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев. – М., 2004. С. 315

¹⁵³ ГАТО (Государственный архив Ташкентской области), ф. 657, оп. 1, д. 13, л. 5

¹⁵⁴ Хван Л. Корейцы Каракалпакстана: вчера и сегодня. – Нукус, 2004. С. 19.

колхоза «Полярная звезда»; К. Ли получил телеграмму от дяди о болезни родителей, а А. Ким – три письма и перевод на сумму 800 рублей от матери. Чжен Ин-су также вспоминает: «Первое время не было писем из дома, но потом переписка наладилась. Даже посылки стали получать регулярно»¹⁵⁵.

Условия пребывания корейцев в различных рабочих и строительных колоннах могли быть *разными*. Поэтому выработка более полных представлений о них нуждается в дальнейшей работе, как с архивными документами, так и с информантами – бывшими трудармейцами.

Стремление максимально выразить свое эмоциональное отношение к переселению 1937 г. также стало приводить другого автора – А. Кана, доктора биологических наук – к прямому искажению фактов. Так, говоря об адаптации корейцев на новых местах, А. Кан пишет, что она «унесла сотни тысяч жизней»,¹⁵⁶ в то время как в Казахстан и Узбекистан всего было переселено около 180 тысяч корейцев.

В публикациях корейцев доминирует корпоративная этика, когда не принято критиковать друг друга, даже если речь идет об откровенной профанации науки. Считается, что любой кореец, независимо от профессии, может «компетентно» высказываться по вопросам истории коре сарам, независимо от знания методов работы с устными историями, что способствует бурному развитию мифотворчества и самых нелепых фантазий. Нужно прекратить практику монополии на истину на основе генетической принадлежности.

Валерий Хан

канд. философ. наук, доцент

Университет мировой экономики и дипломатии

(Узбекистан)

¹⁵⁵ Чжен Ин-Су. На лесоповале // Чен Н. Дети своего народа. – Т., 2003. С. 30

¹⁵⁶ Кан А. А. Корейцы Андижанской области. – Андижон: «Андижон», 1997. С. 3.

ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ (на примере Ташкентского землетрясения 1966 года)

«История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же – это репрезентация прошлого. Память, в силу своей чувственной и магической природы, уживается только с деталями, которые ей удобны. Она пытается туманными, многоплановыми, глобальными и текучими, частичными или символическими воспоминаниями, она чувствительна ко всем трансферам, отображениям, запретам или проекциям».¹⁵⁷ В этих размышлениях французского учёного Пьера Нора отчётливо видна взаимосвязанность исторической и социальной памяти.

Социально детерминированная предрасположенность личности или социальной группы к определенному действию в конкретной ситуации называется установкой. Эта форма реагирования на стимулы внешней среды субъекта деятельности, стремящегося удовлетворить те или иные потребности. «Среда, в которой обитал человек индустриальной эпохи, – пишет О. Тоффлер, – во многом отличалась от той, в которой жили его предки. Несходными были даже наиболее элементарные сенсорные сигналы».¹⁵⁸

Рассматривая вопрос о взаимодействии социальной среды и социальной памяти поколений, необходимо еще раз обратиться к некоторым общим положениям и прежде всего к положению о сущности человека. В середине XX века французский социолог А.Хаузер изложил и противопоставил основные принципы и методы, характерные, с его точки зрения, для истории и социологии. По его мнению, главные различия между этими науками заключались в том, что метод,

¹⁵⁷ Нора П. Франция-память. Изд-во Петербургского университета: 1999 . С. 20

¹⁵⁸ Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 205

которым пользуется в основном социология, метод сравнительный, а в истории принят монографический и функциональный метод.¹⁵⁹ В современной социологии при исследовании исторический и социальной памяти широко применяются такие методы, как дискурс-анализ, нарратив-анализ и поколенческий анализ.

Любая наука, взятая изолированно, представляет лишь некий фрагмент всеобщего движения к знанию. Чтобы правильно понять и оценить методы исследования данных дисциплин – пусть самых специальных с виду – необходимо уметь их связать вполне убедительно и ясно со всей совокупностью исследовательских тенденций, которые проявляются также в других группах наук. Изучение же методов как таковых составляют особую дисциплину.

Понятие «поколение» – широко распространенная аналитическая категория языка повседневности, беллетристики и СМИ, хотя и менее популярная в науке. Она существует параллельно, но не альтернативно другим категориям анализа и системам видения. Вопрос состоит здесь в том, каков характер этого понятия (что дает, а что ограничивает в видении этот инструмент познания), так и причины его сравнительно ограниченного употребления историографией.¹⁶⁰

Поколенческое видение биографического и исторического материала своими истоками уходит в древность дописьменных времен. Легенды тюрков, саги Севера и сказания племён Полинезийских островов, книги Библии и хроники династий Египта и Междуречья повторяют формулу «А породил Б, а Б породил В» как важнейший стержень индивидуальной и коллективной памяти и идентификации. Ранние историографические модели часто опирались на генеалогические цепочки правителей, видя в них основную

¹⁵⁹ См: Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Академический проект, 2008.

¹⁶⁰ Шанин Т. История поколений и поколенческая история. / В кн: Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 19

причину в определении ритмов, заложенных в истории и хрониках. Но, с другой стороны, по мнению А.Ф. Кюгельгена, «история правителей или их сообщества чаще всего не соответствует событиям, имевшим место в действительности, но, тем не менее, может рассматриваться как истинная в том смысле, что эта история для него и многих членов его сообщества, – по крайней мере, на протяжении определенного периода времени – имела статус «исторической правды», определяя их восприятие, оценки и действия».¹⁶¹

Классиками современной теории поколений/когорт (иногда с расширением и на «современников») стали К. Мангейм и Х.Ортега-и-Гассет¹⁶².

Мангейм продолжил работу В. Дильтея и М. Вебера, приняв их основные неоконтианские положения. В то же время Мангейм критикует эпистемологию Дильтея за видение общества через призму фундаментального дуализма «материального» и «духовного», не выделяя особенностей равнозначной для него (Мангейма) категории «социального».¹⁶³ В своем социологическом анализе Мангейм опирался в большой мере на искусствоведение Пиндера и его модель художественного стиля определенного поколения, выраженного через понятие основополагающего мотива в нем.¹⁶⁴ Продолжая эту линию анализа, Мангейм предложил понятие **энтелехии** как главного мотива коллективного мышления – у него это **«дух поколения»**, наиболее ярко выраженный его элитой. Введенное Мангеймом понятие «поколенческий союз» занимает здесь положение идейно-политического «авангарда» определенной поколенческой когорты. В работе Мангейма, посвященной

¹⁶¹ фон Кюгельген А. Легитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII-XIX вв.). Алматы, Дайк Пресс, 2004. С.114

¹⁶² Шанин Т. История поколений и поколенческая история. / В кн: Отцы и дети: Поколенческий анализ современной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С.23

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ См: Prinder W. Das Problem Des Generation In Der Kunstqeschichte Europas. В., 1926.

поколениям, можно видеть приложение этого теоретического подхода к практическому анализу современной ему истории Германии.¹⁶⁵

Поколенческий анализ вышел на новую стадию развития благодаря работам американских социологов А.Страусса и В.Глейзера, которые предложили иную концепцию качественного анализа и назвали разработкой *grounded theory*, то есть интеракционное построение мини-теорий в процессе сбора и анализа эмпирических данных. Основное назначение исследовательских идей, возникающих в процессе наблюдений, интервью, как раз и состоит, по мнению Глейзера и Страуса, в концептуализации обыденного опыта.¹⁶⁶ Как считал Марк Блок, «поколения последних десятилетий XIX и первых лет XX века жили, как бы замороженные очень негибкой, поистине кантовской схемой мира естественных наук. Распространяя эту чудодейственную схему на всю совокупность духовных богатств, они полагали, что настоящая наука должна приводить путем неопровержимых доказательств к непреложным истинам, сформулированным в виде универсальных законов».¹⁶⁷ По сути дела, при таком подходе человек отождествлялся с наличными социальными отношениями и в первую очередь с производственными, вследствие чего абсолютизировалась его социальная принадлежность. Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит, нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными.¹⁶⁸

¹⁶⁵ См. Манхейм К. Консервативная мысль// Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 572-671.

¹⁶⁶ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание, социальной реальности. М.: «Добросвет», 1998. С. 439

¹⁶⁷ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М.: «Наука», 1986. С. 11

¹⁶⁸ Нора П. Франция-память. Изд-во Петербургского университета: 1999. С. 26

Значительные события, о которых вспоминают и передают из уст в уста, являются объектом изучения историографии. Но факты о крупных событиях и именах, существующие в индивидуальном восприятии истории теми людьми, которые в той или иной степени были свидетелями и участниками этих событий, зачастую игнорируются.

Ташкентское землетрясение 1966 года... В детстве я ассоциировал Ташкентское землетрясение и его печальные последствия только с 26 апреля. Потому что в СМИ, а также в учебниках и учебных пособиях постоянно повторялась фраза “события 26 апреля 1966 года”. В 2007 году я принял участие в проекте под названием “Ташкентское землетрясение 1966 года: воспоминания очевидцев” представительства ассоциации немецких народных университетов (*DVV International*), в рамках которого были изучены социальные аспекты этого периода на основе свидетельств очевидцев и архивных документов. Ташкентское землетрясение считается самым длительным по времени землетрясением в истории столицы. За период с 26 апреля 1966 года по 31 декабря 1969 года произошло 1102 толчка. Самые сильные, то есть 7-балльные и выше, были 9 мая, 24 мая, 5 июня, 29 июня, 4 июля 1966 года и 24 марта 1967 года. Подавленные стихией и испуганные люди, покинув свои дома, жили во дворах в палатках и топчанах.¹⁶⁹

В школьные годы я много задумывался над датами смерти узбекских поэтов и писателей, чьи портреты висели в кабинете “Узбекского языка и литературы”. В частности, меня удивлял тот факт, что даты смерти Абдуллы Кадири, Усмона Носыра, Чулпана приходились на годы репрессий, Гафур Гулям, Айбек, Абдулла Каххар, Максуд Шайхзаде умерли в период 1966-1968 годов. Впоследствии во время бесед с очевидцами ташкентского землетрясения я нашёл ответ на мучивший меня вопрос. По свидетельству Валентина Уломова, долгие годы работавшего директором сейсмической станции:

¹⁶⁹ См.: Ташкентское землетрясение 1966 года. – Т.: ФАН, 1971. С. 16

“... вместе с тем во время многочисленных (свыше тысячи), хотя и незначительных по силе, повторных толчков, продолжавшихся несколько лет, число погибших от сердечных приступов составило несколько десятков”.¹⁷⁰ Народный артист Узбекистана Рустам Сагдуллаев вспоминал: *“Для того чтобы люди пришли в себя от пережитого (успокоились) понадобилось почти 5 лет. А некоторые так и не смогли побороть свой страх”*.¹⁷¹

Изучая воспоминания очевидцев ташкентского землетрясения и сравнивая их образ мыслей и жизни с образом мыслей и жизни сегодняшнего поколения, можно отметить их резкое изменение. Из воспоминаний Нины Козловой: *«Если бы не землетрясение ... У меня ностальгия по Старому Ташкенту. Уютным он был каким-то. Помню узкие пыльные улочки, по которым бегала с подружками. А еще, мне кажется, люди были другими – проще как-то. Делились всем, что имели. Любили иначе – чисто и искренне. Вместе с разрушенным Старым Ташкентом я потеряла многое»*.¹⁷² Их дополняют воспоминания Светланы Мутъевой: *“Поначалу среди строителей, направляемых на помощь Ташкенту, производили строгий отбор, учитывая и их участие в общественной жизни, и уровень образования. А уже через год сюда стали приезжать разные люди”*.¹⁷³ А муж Светланы Александр Мутъев поделился следующими воспоминаниями: *“Для ликвидации последствий Ташкентского землетрясения начали*

¹⁷⁰ Уломов В. Землетрясение и люди. // Сборник воспоминаний «Ташкентское землетрясение 1966 года: воспоминания очевидцев». Ташкент, 2008. С. 163

¹⁷¹ Сагдуллаев Р. Стихия застигла врасплох. Сборник воспоминаний «Ташкентское землетрясение 1966 года: воспоминания очевидцев». Ташкент, 2008. С. 25

¹⁷² Козлова Н. На волнах памяти моей. // Сборник воспоминаний «Ташкентское землетрясение 1966 года: воспоминания очевидцев». Ташкент, 2008. С. 203-204

¹⁷³ Мутъева С. Я люблю тебя, Ташкент. // Сборник воспоминаний «Ташкентское землетрясение 1966 года: воспоминания очевидцев». Ташкент, 2008. С. 184

съезжаться множество строителей со всех концов Союза. В столице были построены не только жилые дома, но сотни фабрик, заводов и других сооружений. Через некоторое время для столовых и кафе этих организаций понадобились повара. Так, появилось множество поваров из местной молодёжи. Проходили годы. В 80-х годах молодые парни и девушки из разных областей республики начали приезжать в столицу и устраиваться на работу. Среди местного населения появилась целая “армия” строителей, слесарей, токарей, электриков и квалифицированных технических специалистов”. Мы сейчас готовимся с семьёй переехать в Саратовскую область России. В России я встречаю очень много наших соотечественников – трудовых мигрантов. Наблюдаю, как многие из них с усердием трудятся на тяжёлой работе, стройках. Тогда начинаю думать – может быть, причиной того, что узбекские мигранты свободно конкурируют со строителями из Китая и Турции благодаря опыту, приобретённому во время восстановительных работ в Ташкенте в 1966 году.

Переименование одной из центральных площадей Дружбы народов и станции метро, а также перенос мемориальной скульптуры, установленной в честь семьи Шомахмудовых, стало причиной того, что люди, видя работы вокруг Монумента Мужества, начали думать, что и он попал в список ликвидируемых культурных объектов. Это заставило задуматься не только местных исследователей, но и зарубежных специалистов. Ташкентское Представительство ассоциации Немецких Народных университетов (*dvv international*) в 2007 году предложило группе исследователей принять участие в научном проекте, в рамках которого предполагалось методом устной истории провести опрос очевидцев событий, связанных с землетрясением 1966 года в Ташкенте. Может быть, Монумент Мужества не был убран благодаря опубликованному в рамках данного проекта на трёх (узбекском, немецком и русском) языках научно-публицистическому сборнику и спектаклю “Землетрясение в Ташкенте 1966 года в воспоминаниях очевидцев”, поставленном только один раз в театре Юного зрителя

в Ташкенте. Хотя не было никакого решения или указа правительства о сносе этого монумента, или, может, потому что у народа почему-то появилась тревожная мысль, что “пришёл черёд и этому монументу”, всё же “желание сохранить его объединило многих. На каждой странице научно-публицистического сборника “Ташкентское землетрясение 1966 года: воспоминание очевидцев”, начиная со страницы 8 до 243 в верхней части был проставлен символ Монумента Мужества.

Вместе с тем, никак не могу забыть спектакль, поставленный на основе свидетельств очевидцев. Среди зрителей были и очевидцы тех исторических событий, и тогда сидящая в зале и расчувствовавшаяся Светлана Мутьева, как только спектакль завершился, воскликнула во весь голос: *“Светлая память нашему руководителю Шарафу Рашидовичу Рашидову, отстроившему прекрасный и вечно молодой Ташкент”*. В зале на минуту воцарилась тишина... Ведь это был 2008 год. Спектакль больше не увидел свет рампы.

Хотелось бы завершить статью следующими мыслями П.Нора: “Безусловно, для возникновения чувства прошлого должна была возникнуть трещина между настоящим и прошлым, чтобы появилось «до» и «после». Но это в гораздо меньшей степени означало разграничение, переживаемое как радикальное отличие, чем интервал, переживаемый как установление преемственности».¹⁷⁴

Комил Каланов

канд. социолог. наук

*Национальный университет
Узбекистана им. М. Улугбека
(Узбекистан)*

¹⁷⁴ Нора П. Франция-память. Изд-во Петербургского университета: 1999. С. 35

УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Мы живем в эпоху, когда многие традиционные ценности и институты, особенно в западных странах, подвергаются испытанию на прочность. Одними из таких институтов являются брак и семья: большое распространение получили гражданские браки, стали появляются и узакониваться однополые браки, создание и расторжение браков становится чем-то обыденным и заурядным. Если же говорить об Узбекистане, то в нашей стране институту семьи всегда уделялось огромное внимание. Для узбекского народа семья – это главная составляющая его жизни. По словам главы государства, «...за хорошую семью нужно бороться... для нас семья священна. Если мы не сохраним семью, то потеряем себя¹⁷⁵».

К сожалению, за последние годы в Узбекистане количество разводов стало увеличиваться. К тому же, происходящее во всех развитых странах мира падение престижа института семьи может усилить тенденции роста разводов и в Узбекистане. По мнению экспертов на динамику роста разводов влияют следующие факторы: экономические, социальные, психологические, духовно-нравственные, историко-культурные.

На фоне неоднозначных процессов в этой сфере, которые происходят в современном мире и в Узбекистане, позиция государства заключается не в разрушении, а наоборот, в укреплении института семьи, что можно увидеть в ряде недавно принятых нормативных актов¹⁷⁶.

Так, 2 февраля 2018 года Президентом Республики

¹⁷⁵ Речь Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева на совещании, посвященном вопросу всесторонней поддержки женщин и укрепления института семьи. 2018.

¹⁷⁶ Указ Президента Республики Узбекистан от 2 февраля 2018 года «О мерах по коренному совершенствованию деятельности в сфере поддержки женщин и укрепления института семьи» и Постановление Президента от 27 июня 2018 года «Об утверждении Концепции укрепления института семьи в Республике Узбекистан».

Узбекистан был подписан Указ от № 5325 «О мерах по коренному совершенствованию деятельности в сфере поддержки женщин и укрепления института семьи», в соответствии с которым при Кабинете Министров Республики Узбекистан создан Научно-практический исследовательский центр «Оила». На Центр возложена задача организации и проведения фундаментальных, прикладных и инновационных исследований, направленных на реализацию единой государственной политики в сфере укрепления и развития института семьи.

Основными задачами Центра «Оила» определены:

- проведение исследований и выработка действенных, научно обоснованных и практичных предложений и рекомендаций по укреплению института семьи, внедрению в обществе ее современной образцовой модели;

- повышение эффективности мер по укреплению отношений в семье между супругами и их родителями, особенно на ранней стадии брака, предупреждению ранних браков и разводов;

- своевременное выявление неблагополучных и проблемных семей и принятие мер по оздоровлению в них духовно-нравственной среды, предупреждению конфликтных ситуаций.

Одним из явлений, которое явно размывает институт семьи, является рост разводов, и что самое неприятное, большинство их приходит на молодые семьи.

Для выявления факторов и причин семейных разводов в Узбекистане регулярно проводятся социологические опросы. Так, Институт социальных исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан в 2010-2015 годах совместно с Фондом ООН в области народонаселения провели четыре обследования, в которых одним из модулей опросов были вопросы о причинах разводов. Результаты показали, что основными причинами разводов в целом в республике являются неудовлетворительное материальное положение и ссоры по бытовым вопросам (26%) неблагополучные личные отношения – несовместимость характеров, различие в ин-

тересах (19,3%), алкоголизм и нанесение телесных повреждений (16%), измены и неудовлетворенность сексуальными отношениями (10%), неблагоприятные взаимоотношения с родственниками и родителями (10%)¹⁷⁷.

Для более детального изучения проблемы Научно-практическим исследовательским Центром «Оила» по республике были проведены опросы семей, которые уже разведены или находятся на грани разводов. Опросы показали, что в среднем девочки вступают в брак в возрасте 21 года и парни - в 25 лет. Семейные разводы происходят в течение 4-6 лет совместной жизни, что характеризует неустойчивость молодых семей. Почти у половины разводящихся пар нет детей, в каждой третьей семье по 1 ребенку, в каждой пятой – по 2 ребенка; то есть наличие двух и более детей сильно снижает вероятность развода.

Причинами разводов являются постоянные разногласия между молодыми супругами, конфликты в молодых семьях из-за вмешательства родителей и родственников, отсутствие детей в первые годы брака преимущественно из-за бесплодия девушек.¹⁷⁸

В средствах массовой информации, фигурируют различные статистические данные по причинам разводов. Откуда берутся эти цифры, на основе каких методик они получены? Насколько корректно проведены эти исследования? Ведь неверная статистика может повлиять на сознание общества и ввести людей в заблуждение. Так, одно печатное издание говорит, что в 2012-2016 годах рост числа разводов по республике составил 58%¹⁷⁹, в другом-около 21%¹⁸⁰. Какой

¹⁷⁷Факторы формирования крепкой семьи и репродуктивного здоровья в Республике Узбекистан. Институт социальных исследований при Кабинете Министров Республики Узбекистан. 2015.

¹⁷⁸Аналитический доклад «Семейные разводы в Узбекистане. Причины, последствия и профилактические меры». Ташкент 2018.

¹⁷⁹<https://kun.uz/ru/news/2018/06/30/eksperty-nazvali-preciny-bolsogokolicestva-razvodov-v-uzbekistane>

¹⁸⁰<https://kun.uz/ru/news/2018/07/20/sema-v-rakurse-sociologiceskogo-issledovania>

цифре верить? Конечно, возникает вопрос, кто проводил исследования, на основе каких методов, какова была выборка? Или недавно была озвучена цифра, что незарегистрированных браков в Узбекистане более 12 тысяч. Как была получена эта цифра? Ведь, определить проживают ли люди в зарегистрированном браке или нет, очень сложно. Это займет много времени, знаний и усилий, не говоря уже о финансировании такого исследования. Конечно, с помощью махаллинских комитетов на местах мы можем дать примерную цифру, и то - в традиционных махаллях. Но владеют ли махаллинские комитеты ситуацией в микрорайонах с многоэтажными домами?

Устная история - один из исследовательских методов, используемый как в различных специализированных науках, так и в междисциплинарном поле.¹⁸¹ Будучи качественным методом, устная история может дать более точную и глубокую картину семейных отношений и причин разводов. Это позволит дать точный диагноз в конкретной ситуации. Так как техника интервьюирования и ее грамотное использование может дать возможность больше узнать о внутренних проблемах семьи, раскрыть главные причины семейных проблем и понять, как развиваются внутрисемейные отношения, применение метода устной истории представляется весьма важным.

На ряду, с этим устная история как таковая является неотъемлемой частью в профилактике семейных конфликтов. Так благодаря рассказам старшего поколения о том, на каких семейных ценностях они воспитывались, как они разрешали семейные конфликты, оберегали мир в своих семьях, мы имеем незаменимый духовно-исторический источник по сохранению семейных традиций и укреплению института семьи.

С этой целью Центр «Оила» пригласил для проведения исследования опытных полевиков, владеющих всем набором методологического инструментария, в том числе и ведения интервью, а также способных обучить представителей махаллинских комитетов и хокимиятов – ответственных за работу

¹⁸¹ Урсу Д. П. 1989. Методологические проблемы устной истории. Источниковедение отечественной истории, с. 3–32. М..

с проблемными семьями. Исследования, проведенные в Наманганской и Сырдарьинской областях показали, что представители районных администраций зачастую довольствуются общеизвестным представлением и некими статистическими данными о проблемных семьях, не вникая в те или иные проблемы конкретных семей. Пошаговое знакомство с семьями в конкретных махаллях позволило выявить проблемы, выпадающие из общей статистики, углубить понимание причин, по которым те или иные семьи оказались в тяжелой ситуации. Это говорит о том, что для полноты картины мы должны использовать количественные и качественные методы в их единстве.

Дилором Ташмухамедова

канд. мед. наук

*Центр научно-практических исследований «Оила»
при КМ РУз Республики Узбекистан*

РОЛЬ УСТНОЙ ИСТОРИИ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

*Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.*

*Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.*

А.С. Пушкин

В настоящее время проблема сохранения самобытности каждого этноса, проживающего в любой точке мира, заявила о себе достаточно четко. Активизация процессов урбанизации, индустриализации ведет к усилению роли городской культуры, а также ускоряет процесс унификации фольклорных традиций

села и города. Однако рост этнического самосознания, культурной самоидентификации значительно обострил и повысил интерес к традиционной народной культуре, истории, особенностям быта того или иного этноса, потому изучение областей регионального и национального народного творчества, региональной истории и этнологии является одним из важных и перспективных направлений. Сегодня растет стремление людей осмыслить настоящее через обращение к своим корням, к истории, традициям прошлого.

Изучение устной исторической традиции имеет междисциплинарный характер. Здесь задействованы история, этнология, психология, фольклористика, литературоведение, лингвистика и т.д. И в силу такого междисциплинарного характера данной проблемы сформировались термины, самостоятельно обозначающие устную историю как этнокультурное явление: «историческая традиция» (Ч.Ч. Валиханов), «исторический фольклор» (Л.С. Толстова), «устная историография» и «устная историология» (В.П. Юдин), «народная этногония» (Л.П. Потапов), «сказительская традиция» (К. Путилов) и т.д. Нередко используются значения «устное народное творчество», «народные генеалогии», «этногенетические предания», «генеалогическая летопись» и др. На наш взгляд, следует разграничивать понятия «устное народное творчество» и «устная историческая традиция», «бытовой фольклор» и «исторический фольклор» и определиться с научными дефинициями.

«Ученые и историки... тюрков, арабов и франков... у каждого из них существуют летописи, сказания, и верования, касающиеся их народа... были произведены расспросы и разузнавания у всех ученых и авторитетных людей вышеупомянутых народов», — отмечал известный историк средневековья Рашид-ад Дин¹⁸².

Устные свидетельства, воспоминания, предания прочно

¹⁸²Рашид-ад Дин. Сборник летописей. — Т. 1. — М.-Л.: Изд. АН СССР, 1952. — С. 47-48.

живут в народной памяти и существуют в процессе передачи межпоколенного опыта¹⁸³. В воспоминаниях широко освещается этнокультурная информация, которая разносторонне отражает эмпирический жизненный опыт.

Первой собственно научной работой, «узаконившей» использование устно-исторических рассказов, личных документов, писем и автобиографий в процессе анализа социальных процессов (в частности – процессов формирования и развития этнических групп и диаспор), стала опубликованная в 1918-1920 гг. книга американца У. Томаса и поляка Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и в Америке». Один из томов этой уже ставшей классической книги составила автобиография польского эмигранта Владека, описавшего свой путь из провинциального польского городка Копина в Чикаго. Этот путь включил в себя учебу в деревенской школе, работу помощником в лавке, выезд в Германию в поисках заработка, эмиграцию в США.

У. Томас и Ф. Знанецкий первыми выступили с обоснованием использования биографического метода в рамках интерпретативного подхода. Они полагали, что социальные процессы нужно рассматривать как результат постоянного взаимодействия сознания личности и объективной социальной реальности. В этом взаимодействии личность и «её» определения реальности выступают и как постоянно действующий детерминант, и как продукт социального взаимодействия. Следовательно, изучение сознания и самосознания — необходимое условие анализа социального мира. Кроме того, Томас и Знанецкий предполагали, что исследование, базирующееся на «историях жизни», позволит выйти к более широким обобщениям, касающимся социальных групп, субкультур, меньшинств, диаспор и т.п.¹⁸⁴

Достоинствами устных свидетельств является низкая

¹⁸³ Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков. Автореф. дисс. ... к.и.н. Омск, 2006. С. 3-4.

¹⁸⁴ Знанецкий Ф. Мемуары как объект исследования // Социологические исследования. 1989. № 1.

степень их формализованности, разнообразие и альтернативность высказываемых позиций, уникальность и богатство личного опыта респондентов. Критика этого вида источников обычно сфокусирована вокруг проблемы надежности человеческой памяти и валидности собранных данных.

В данном случае надежность может быть определена как постоянство в изложении индивидом одного и того же события на протяжении различных ситуаций интервьюирования. Достоверность понимается как степень согласования между изложением события индивидам и самим событием, каким оно предстает из других источников. В качестве дополнительных источников могут привлекаться фото-, фоно-, кинодокументы, современные любительские видеосъемки, архитектурные планы, схемы и карты населенных пунктов, дневники и т.д.

Необходимо отметить, что «главной особенностью современного этапа развития социальных наук, в том числе и истории, является применение междисциплинарных подходов к ее познанию, широкой интеграции истории в смежные научные отрасли познания, смелое обновление методологического арсенала в конце XX века, которое поставило историю в один ряд с «серьезными» естественными и точными науками. То, к чему пришла в настоящий момент историческая наука и специальные исторические дисциплины, имеет под собой надежную основу, состоящую из методологических концепций и понятийного аппарата предшественников»¹⁸⁵.

На этапе сбора информации целесообразно привлечение устно-исторических и социологических методов, в первую очередь биографических и нарративных интервью, которые также дают возможность выявить смыслообразующие моменты в конструировании жизненных историй представителей этнических групп и диаспор.

Биографический метод имеет очень много общего с методом включенного наблюдения и, по сути, является еще

¹⁸⁵ Барышникова Л.Н. Предмет методологии исторической науки как историографическая проблема. Автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 Казань, 2006. С. 3.

одной разновидностью этнологического подхода к «анализу случая». Отличием биографического метода можно считать большую сфокусированность на уникальных аспектах истории жизни человека (этнической группы, общины, диаспоры) и на субъективном, личностном подходе к описанию человеческой жизни, карьеры, истории и т.п. В центре внимания исследователя здесь оказывается устное описание событий с точки зрения самого «случая», то есть те сведения, которые в медицине называют субъективным анамнезом. Как и метод включенного наблюдения, биографический метод имеет «этнографические» корни. Культурные антропологи, историки, этнологи часто опираются на «устные истории», дневниковые записи, мемуары, когда им приходится изучать соответственно «доисторические», не имеющие письменной традиции сообщества либо скрытые механизмы функционирования социальных сообществ. Еще очевиднее тот вклад, который внесли в развитие биографического метода документальная журналистика и мемуаристика¹⁸⁶.

Известный этнополитолог, бывший министр по делам национальностей РФ Р.Г. Абдулатипов дает следующее определение термина нации: «В широком смысле категорию нации можно определить как этносоциальную (и не всегда кровнородственную) общность со сложившимся устойчивым самосознанием своей идентичности (общность исторической судьбы, психологии и характера, приверженность национальным материальным и духовным ценностям, национальной символике, национальные чувства), а также (преимущественно на этапе формирования) территориально-языковым и экономическим единством, которое в дальнейшем под влияние интеграционных и миграционных процессов проявляет себя неоднозначно, нередко утрачивая свое определяющее значение, хотя отнюдь и не исчезает. В силу различных жизненных коллизий национальное единство может поддерживаться как материально, так и, у ряда наций, - духовно-психологическими

¹⁸⁶ Достаточно вспомнить о столь раннем примере использования сравнительно-биографического метода, как «Жизнеописания» Плутарха.

факторами, в частности, общностью происхождения и исторической судьбы»¹⁸⁷. Среди духовно-психологических факторов важное место занимают устные предания, фольклор и т.д.

Необходимо отметить, что «из всех возможных аспектов изучения диаспор исследование исторических обстоятельств их формирования является наиболее актуальным и востребованным, так как любое исследование с неизбежностью предполагает наличие исторического фона. ...устные рассказы позволяют истории приобрести новое измерение, поскольку в качестве источника начинает использоваться жизненный опыт самых разных людей. История обогащается живой памятью, позволяет в какой-то мере передать ментальность, субъективное состояние духа»¹⁸⁸.

Во второй половине XX века в исторической науке появилось и стало постепенно институционализироваться такое интересное и перспективное направление как устная история, превратившая в свою источниковую базу опросы-интервью многих десятков, сотен, и даже тысяч людей. Ведь в письменных документах, как справедливо считают устные историки, живая повседневная жизнь народа часто отражается лишь частично, а иногда и вовсе не фиксируется молчаливое большинство населения Земли уходит в прошлое, не оставив после себя ничего. «Короли и полководцы блистают на тронах и полях сражений. Летописцы и историки подробно описывают малейшие изменения политической жизни, но судьба миллионов простых людей не интересует их»¹⁸⁹.

Как же работают устные историки? Избрав тему своей научной работы, они создают программу опросов определенных групп населения (в нашем случае – этнических групп и диаспор), а затем в соответствии с этой программой анкеты и

¹⁸⁷ Абдулатипов Р.Г. Нации на распутье: опасные заблуждения оракулов национализма // Национальная политика России: история и современность. М., 1997. С. 568.

¹⁸⁸ Международный научно-практический семинар «Жизнь диаспоры в устных историях» // <http://www.bsru.ru/?mod=news&nid=5143>

¹⁸⁹ <http://www.informancer.ru/istoriya>

вопросники. Ученые и их помощники сами опрашивают людей о событиях их жизни, записывая эти устные интервью на диктофон (ранее - просто на бумагу).

В настоящее время бумажные записи - это менее желательный способ фиксации, они допустимы лишь в том случае, если респондент не хочет быть записанным при помощи техники, либо техника просто отсутствует, а необходимо зафиксировать уникальный материал. Впоследствии на основании этих материалов ученые создают книги по народной истории, о важнейших событиях – войны, революции, крупные конфликты, жизнь выдающихся людей, история регионов, научные открытия, культурные события, жизнь этнических групп и диаспор, и так далее.

Сейчас во всем мире поняли, что целостная достоверная история прошлого невозможна без многих тысяч устных рассказов-воспоминаний простых людей о прошлом. Живая коллективная память народа – это национальное богатство, величайшая культурная ценность общества. В США, Канаде, странах Западной Европе уже долгие годы ведутся работы по созданию устной национальной истории. Работают кафедры и архивы устной истории в университетах. Созданы целые ассоциации устной истории, объединяющие ученых этого профиля. Постепенно этот опыт распространяется и на другие страны, в т.ч. – постсоветского пространства. Так, «проект “Устная история евреев Латвии” своей основной целью ставил сбор воспоминаний латвийских евреев об их жизни и бытовании в межвоенный период. Воспоминания ...респондентов содержат богатый и интересный материал об их школьных годах, что позволяет ярко проиллюстрировать сухие исторические факты о системе еврейского образования в тогдашней Латвии»¹⁹⁰.

¹⁹⁰ Антане А. Закон О школах национальных меньшинств и система еврейского образования в Латвийской Республике(1918-1940 гг.) (с использованием материалов проекта устной истории Центра иудаики Латвийского университета)// <http://www.judaica.kiev.ua/Conference/Conf2003/49.htm>

Устная история - одно из динамично развивающихся направлений исторических исследований новейшего времени. Оно базируется на введении в научный оборот нового типа источника – на основе опроса непосредственных участников событий, живых свидетелей своего времени¹⁹¹.

Практически нет таких исторических проблем в истории современного общества, о которых историк не мог бы получить информацию, обратившись с вопросником к различным слоям населения. Особенность устного исторического источника в том, что он содержит двойную информацию: фактологическую и оценочную, представляют интерес не сами факты, а их оценки, представления о них. При создании устного источника важно учитывать положение, которое человек занимал по отношению к рассматриваемым историческим событиям: рядовой или занимающий руководящую должность. Важна также степень сопричастности к происходящему: сам участвовал, наблюдал со стороны или на расстоянии, знает понаслышке или в пересказе непосредственных участников.

Главное в создании устно-исторических архивов – умение правильно документировать информацию. «Живая историческая традиция народов ... умирает с поколениями людей... Интервьюирование этих людей позволит не только создать новый исторический источник, но и написать историю народа, а не государства», - считает известный российский специалист в области устной истории проф. Т.К. Щеглова¹⁹².

В последнее время устная история как самостоятельная научная дисциплина завоевывает все больше сторонников. В СНГ первые попытки устно-исторических исследований были предприняты в начале 1990-х гг. с целью осветить «белые пятна» советской истории и одновременно поднять на новый уровень исследование ранее запретных тем (репрессии, диссидентское движение и т. д.).

¹⁹¹ См. *Щеглова Т. К.* Методика сбора устных исторических источников. Барнаул, 2006.- С. 11.

¹⁹² *Щеглова Т.К.* Деревня и крестьянство Алтайского края. Устная история. Барнаул, 2008.- С. 20.

Живая коллективная память народа – это национальное богатство, величайшая культурная ценность общества, отражающая историю целого поколения. Практически нет таких исторических проблем в истории современного общества, о которых историк не мог бы получить информацию, обратившись с вопросником к различным слоям населения. Особенность устного исторического источника в том, что он содержит двойную информацию: фактологическую и оценочную, представляют интерес не сами факты, а их оценки, представления о них. При создании устного источника важно учитывать положение, которое человек занимал по отношению к рассматриваемым историческим событиям: рядовой или занимающий руководящую должность. Важна также степень сопричастности к происходящему: сам участвовал, наблюдал со стороны или на расстоянии, знает понаслышке или в пересказе непосредственных участников. Главное в создании устно-исторических архивов – правильно документировать.

Остановимся на достоинствах этого метода, позволяющих широко использовать его в современной практике научных исследований:

- Диалогичность, связанная с проблемностью, альтернативностью, неоднозначностью устного исторического источника.
- Широкий плюрализм подходов, толкований в оценке исторических событий и явлений.
- Устная история – хороший фактор мотивации людей (особенно – молодого поколения) к активному познанию истории семьи, своего населенного пункта, региона, своей этнической группы и т.д.
- Открывается реальная возможность для каждого найти свой собственный интерес в предлагаемом исследовании (например, изучить историю своего рода, поселения, этноса).

- Ведет к формированию исследовательских и коммуникативных умений, которые могут пригодиться как в научных исследованиях, так и просто в жизненной практике.

Равшан Назаров

*кандидат философских наук,
Институт истории АН РУз
(Узбекистан)*

РОЛЬ МАТЕРИАЛОВ УСТНОЙ ИСТОРИИ В ИЗУЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ОБЩЕСТВА УЛАМО»

Началу большевизации Туркестанского края и созданию соответствующих политических структур (конец 1917–1924 гг.) предшествовал период подъема политической активности всех слоев общества на огромной территории Российской империи в начале XIX века. Политизация не обошла стороной и мусульман. Это выразилось, прежде всего, в организации религиозно-политических объединений и партий, создании исламских органов печати (журналы, газеты).

Наиболее крупной мусульманской организацией была «Шуройи исломия», представлявшая собой союз местной интеллигенции и религиозных деятелей Туркестана. Основанный в марте 1917 г. Союз объединил в своём составе видных богословов, представителей местной интеллигенции и политических лидеров, среди которых созрела идея независимости Туркестана.

На собраниях этой организации живо обсуждались такие вопросы, как участие в продолжающейся войне туркестанцев, тактика Временного правительства, политическое устройство России и Туркестана, их возможные отношения и т.д. Кроме того, по настоянию фракции богословов на обсуждение выносились и религиозные проблемы: роль и место исламских законов в будущем устройстве государства, о реформах в системе религиозного образования, о религиозно-политических реформах, или так называемом движении приспособления

(ислох) религиозного регламента к изменяющейся общественно-политической ситуации, отношение к хиджабу женщин и т.п. Именно в обсуждении религиозных вопросов выявились основные противоречия среди членов «Шуройи исломия», что привело к его расколу: большинство членов фракции духовенства вышли из состава Союза и образовали свою собственную организацию – «Общество Уламо» («Уламо жамиэти»). Она представляла часть местной элиты, сравнительно более ориентирующуюся на исламские ценности, нежели национальные. Организаторами стали Абдумалик Абдунабиев, Абдулкодир ходжа, Саидмаксудхон махдум, Мухаммадходжа, Тошпулат кары, Пирмухаммад аьлам и др.¹⁹³

Общественно-политическая, духовно-просветительская деятельность «Общества Уламо» до сих пор остается малоизученным. Хотя многие историки, в контексте изучения историю Туркестана конца XIX – начало XX века, освещают некоторые аспекты деятельности «Обществе Уламо»¹⁹⁴, связанные с общественно-политическими процессам, происшедшими в данный период (история создания политических и общественно-политических организации в Туркестане, выборы в Ташкентскую городскую Думу в 1917 году, создания Туркестанской Автономии, становление большевистской власти в крае и т.п.д.).

Одной из главных причин данной ситуации, это недостаточность архивной источниковой базы. Одним из важных источников по изучению общественно-политической, культурной и религиозной деятельности Общества является еженедельный религиозный, научный, литературный и политический журнал «Аль-Изах» («Комментарий») – официальный орган «Уламо джамиэти».

Сохранились все 31 номера журнала. Но в них очень мало

¹⁹³ Журнал Аль-Изах, 1917, 19 июня.

¹⁹⁴ Об этом смотреть: М.Зикруллаев. “Уламо жамиэти” фаолиятини ўрганилиш тарихнавислиги. Ўзбекистонда совет давлатининг қатагон сиёсати: келиб чикиши сабаблари ва фожиали оқибатлари (сборник научных статей). –Т.: Юсуф янги нашр. 2012. Стр.97-107

материала, посвященной деятельности «Общества Уламо».

В решении данной проблемы очень важную роль играют материалы устной истории – воспоминания известных общественно-политических деятелей того времени, которые непосредственно участвовали в исторических процессах. Таких как Мунаввар кары Абдурашидханов, Мустафа Чокаев, Заки Валиди и других, которые позже были зафиксированы на бумаге.

В частности в своих воспоминаниях известный политический деятель того времени Мустафо Чукаев высказывает следующее: «Надо сказать, что наш Национальный центр не объединял всего Туркестана. Вне его оставались представители старого социально-консервативного течения. Муллы – наше духовенство, игравшее в те времена огромную роль, не только оставались вне национального центра, но сами организовали свой центр- “Улема Джамиэти” и повели против нас активнейшую кампанию в союзе с правыми русскими элементами, которые наобещали им в будущем все блага шариата. «Улема Джамиэти» выработал свою конституцию будущего Туркестанского штата, с шариатским духовным управлением в качестве высшей законодательной палаты во главе. Нас открыто предавали анафеме, называя нас “продавшимися русским революционным идеям отщепенцами”».¹⁹⁵

Во многих воспоминания известных личностей подчеркивается сильное влияние «Общество Уламо» среди местного населения Ташкента и других регионов Туркестана.

Чокаев пишет, что «Влияние духовенства было настолько сильно, что на выборах в Ташкентскую городскую думу список «Улема Джамиэти» получил две трети всех голосов. В Ташкенте, столице Туркестана, мы оказались побитыми».

Для доказательства сильное влияние улемов один из основателей джадидского движения в Туркестане Мунаввара кары Абдурашидханова в своих воспоминаниях в 1929 году тоже говорит о выборах в Ташкентскую городскую думу,

¹⁹⁵ Здесь и далее воспоминания взяты из личного архива автора.

которая состоялась 30 июля 1917 года: *«Самый трудный период для джадидов был во время правления Керенского. В период Керенского в администрация стали править улемы... Могу доказать сильное влияние улемов тем, что в Думу из джадидов прошли всего 11, а из улема 65 кандидатов. Джадиды рука в об руку работали с русскими социалистами против своих улема и богачей»*¹⁹⁶

Интересный момент, несмотря на противоречие но позже, когда у Чокаева спросили “Что, теперь Вы будете подчинятся большинству реакционного улема?”, он ответил “Естественно, буду и будем подчинятся, потому что это большинство избрано на выборах населением Ташкента, частью нашего народа”¹⁹⁷.

В этих воспоминания во первых правильно даётся официальное название организации, как «Улама джамиэти» («Общество Уламо»). Почти во всех письменных источниках советского, да и периода независимости название даётся неправильно – «Шурои Улама». Во вторых можно найти те сведения, которые не встречаются ни в одном другом источнике. К примеру, Чокаев вспоминая попытки добывания согласия между «Шурои исломия» и «Уламо джамиэти», говорить о создании специальной Комиссии и упоминает что это комиссия участвовало на собрании «Уламо джамиэти», которая проходила в медресе Шайхонтаура. То, что уламеисты проводили свои собрания в этой медресе нигде больше не упоминается. Но есть и противоречивые факты. Обратимся опять к воспоминаниям Мустафы Чокаева, где говорится следующее: *«Улема джамиэти» понимал свое выигрышное положение, и вот в один прекрасный майский день «Улема джамиэти» предъявляет правительственному комитету требование о немедленном введении в Туркестане судов по шариаду. Правительственный комитет растерялся. Отка-*

¹⁹⁶ *Мунаввар қори Абдурашидхонов.* Танланган асарлар. Қоралаш яхши эмас (Тошкент округ маориф ходимлари қурултойида 1927 йил сўзланган нутқ. – Т.: Маънавият. 2003 й. 180 б.

¹⁹⁷ *Мустафо Чўқай ўғли.* Истиклол жаллодлари: (1917 йил хотиралари). –Т.: Ғофур Ғулом номидаги нашриёт-матбаа бирлашмаси. 1992. –Б. 32.

затянуть наотрез комитет не решался, а ответить согласием он не мог. Создалось критическое положение. После некоторого размышления, мы – Национальный совет – решили переговорить с «Улема джамиэти». Об этом нас просил правительственный комитет». По официальным сведениям «Общество Уламо» была создана в июне 1917 года. Об этом пишется и в статье «Максад и маслак» («Цели и задачи») в 1-вом номере журнала «Ал-Изах» от 19 июня 1917 г. Учитывая это, она не могла предъявлять какие-либо требования правительственному комитету как организация.

13 мая 1918 года по приказу Совнаркома Туркестанской Советской Республики деятельность организации «Уламо» была прекращена «...как антиреволюционная и антинародная». Этим же приказом был закрыт и журнал «Аль-Изах». В нем также говорилось: «Мусульманский журнал «Аль-Изах» за печатание статей, натравливающих одну часть населения на другую, закрывается. Вышедшие из печати и находящиеся в продаже номера этого журнала должны быть немедленно конфискованы и представлены в Комиссариат по национальным делам».¹⁹⁸

Полагаем, что и в дальнейшем следует активно изыскивать и анализировать сохранившиеся воспоминания об этой уникальной организации, проливающий свет на многие «темные пятна» советской истории.

Мурод Зикруллаев,
*Государственный музей Памяти
жертв репрессий при КМ РУз,
старший преподаватель МИАУ
(Узбекистан).*

¹⁹⁸ ЦГА РУз., ф.Р-25, сп.1, д.35, л.379.

ДЕПОРТАЦИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ В МАТЕРИАЛАХ АРХИВА И УСТНОЙ ИСТОРИИ (На примере восточно-казахстанской области)¹⁹⁹

Современная историческая наука характеризуется значительным расширением направлений исследовательских поисков, обращением отечественных и зарубежных историков к ранее «закрытым» для изучения темам, введением в научный оборот новых комплексов источников. Одной из значимых тем в исторической науке остается проблема депортации, нуждающаяся в дальнейшей разработке с учетом современных достижений гуманитарного знания.

Необходимо подчеркнуть, в последнее время наблюдается существенный рост интереса к устной истории, общепризнана ее значимость в процессе восстановления объективной картины прошлого. Это во многом связано, с признанием жесткой идеологизации официальной письменной истории в прошлом. Материалы по устной истории, рассказы участников событий и воспоминания позволяют представить себе прошлое глубже, разнообразнее, эмоциональнее. К тому же, они позволяют уточнить (подтвердить или опровергнуть) многие факты «официальной» истории, поскольку реальность зачастую отличалась от той картины, которая складывается по материалам архивов.

Особая роль устных источников неоспорима - они дают важный исторический материал, который нельзя найти в архивах, и тем самым заполняют информационный лагун - ведь с уходом свидетелей тех давних событий пропадает человеческая сторона истории.

Например, воспоминания депортированных и их потомков, сохранивших память об истории семьи, дополняют, а иногда и опровергают, корректируют, официальные источники.

¹⁹⁹ Работа выполнена в рамках проекта КН МОН РК: «Память о жертвах политических репрессий (1920-1950-е гг.) и ее фиксация в сакральном ландшафте Казахстана (на примере Восточного Казахстана)». ИРН проекта: AP05130870.

Исследования, основанные на устных источниках обогащают изучение депортации в историко-антропологическом аспекте, восстанавливают многие неосвещенные вопросы истории депортации.

В данной статье используются материалы полевых экспедиций (2014-2018 гг.) по Восточно-Казахстанской области, в частности, г. Риддер, г. Усть-Каменогорск, с. Ново-Азовое, п. Шемонаиха. В ходе полевых исследований были записаны воспоминания, как самих депортированных чеченцев, так и людей, имевших опыт общения и взаимодействия с ними в период нахождения на спецпоселении. Большинство воспоминаний о депортации, собранных в полевых экспедициях, складываются в единую схему: это депортация в очень сжатые сроки, тяготы дороги, смертность, расселение по баракам, трудное обустройство на месте вселения, жизнь на спецпоселении.

При проведении интервью тема депортации передается с большой эмоциональной нагрузкой, поскольку эти события коснулись каждой семьи. В их памяти до сих пор живут ярчайшие картины всей депортационной эпопеи. Ведь мы знаем, что чем травматичнее и насыщеннее события, тем дольше они удерживаются в памяти. Интервьюированные чеченцы могут по часам и дням воспроизвести всю последовательность событий от выселения из родного дома до прибытия в Казахстан.

Память о том, как проходило выселение, до сих пор жива. Один из очевидцев этих событий Дацаев С., 1939 г.р., г. Усть-Каменогорск рассказывает: *«Мы жили с. Ушкалой, возле Терека. Пришли солдаты с оружием. Собирайтесь, выходите. Вывели нас всех из села, привезли в центр. Загнали в вагоны, в котором возили скот. Когда нас выгоняли, ничего не взяли из дома, солдаты даже документы взять не дали, поэтому точно не знаю, когда я родился. Где-то было мне 5-6 лет. Ехали очень долго, я это помню, хотя был ребенком, все перед глазами. Я ехал с родителями и сестрой. Родители не знали,*

куда нас везут. Привезли в г. Усть-Каменогорск²⁰⁰.

Довтабаева Х.З., 1936 г.р., г. Риддер была очевидцем переселения, вот что она рассказывает: «Когда нас выселяли, мне было 8 лет. Мы жили в Шатоевском районе, селении Зоны. У нас дома было 13 человек. Брата призвали в армию, так он пропал. Мы очень хорошо жили, было у нас много скота, лошади, коровы. Но ничего не могли с собой взять из дома, мужчин в стайке закрыли, чтобы ничего не трогали. Солдаты ружьем били, даже кукурузную муку, продукты собрать не дали»²⁰¹.

Депортированный из с. Юрт Усть-Мартановского района Базаев Ш., 1936 г.р., г. Риддер вспоминает: «Я все помню как сейчас. Я ходил тогда в первый класс. Это был 1944 год, 23 февраля. У нас был новый дом, отец строил, его забрали на фронт. Жили у нас солдаты дома. Белая школа так называли у нас, там собрали мужское население. Я с дядей ездил туда на машине, он приехал из Грузии. Он там работал, его сразу не забрали. Солдаты тройным кольцом окружили. Некоторые оттуда хотели сбежать. Мужчин в конюшне закрыли. Но мы вернулись с дядей. Солдаты подогнали студебеккеры, но солдаты путевые, мы их кормили, одевали, как можно сказать. Они грузили продукты питания, а мачеха моя шмотки. Было ранее утро. Во дворе собаки, скот выл, куры кудахтали. Все плакали. Даже сама погода плакала»²⁰².

Восточно-Казахстанская область стала одним из основных регионов размещения депортированного чеченского народа. В докладной записке начальника Отдела спецпоселений НКВД СССР М.В. Кузнецова заместителю наркома внутренних дел В.В. Чернышову о приеме и разгрузке эшелонов со спецпереселенцами чеченцами и ингушами

²⁰⁰ ПМА 2016 – Полевые материалы автора. Полевой дневник экспедиции в г. Усть-Каменогорск. 2016 г. Информант Дацаев С., г. Усть-Каменогорск.

²⁰¹ ПМА 2016 – Полевые материалы автора. Полевой дневник экспедиции в г. Риддер. 2016 г. Информант Довтабаева Х.З., г. Риддер.

²⁰² ПМА 2014 – Полевые материалы автора. Полевой дневник экспедиции в г. Риддер. 2014 г. Информант Базаев Ш., г. Риддер.

сообщалось о том, что в Казахскую ССР прибыло и разгружено 147 эшелонов, в составе 405941 человека, в том числе в Восточно-Казахстанскую область 12 эшелонов²⁰³.

Необходимо отметить, что формирование эшелонов чеченцев и ингушей существенно отличалось от предыдущих депортационных операций. Депортированные контингенты отправляли в эшелонах, в которых имелись грузовые вагоны, где перевозилось имущество. Так, например, в 1941 году немцев из Поволжья размещали по 40 человек на один вагон без личных вещей, разрешаемое личное имущество составляло 1 тонну на семью²⁰⁴. В эшелонах для чеченцев и ингушей были отменены отдельные вагоны для багажа переселенцев, уплотнение было произведено в вагонах для людей: во-первых, за счет догрузки в них личных вещей, а во-вторых, за счет повышения наполняемости вагонов с 40 до 45 душ²⁰⁵. Все это создавало дополнительные трудности, поскольку увеличивалось наполняемость вагонов.

В фондах Государственного архива Восточно-Казахстанской области сохранились некоторые поэшелонные списки прибывших в 1944 г. спецпереселенцев-чеченцев, включающих в себя фамилию и имя, дату рождения и место выселения. К сожалению, списки не всегда упорядочены, достаточно трудно установить, к какому эшелону относится тот или иной повагонный список. Из поэшелонных списков стало известно, что отправка спецконтингента из ЧИАССР в Восточно-Казахстанскую область проводилась в 4 эшелонах под №№ 5, 6, 268, 301, география мест высылки депортированных чеченцев – Шатоевский, Шалинский, Введенский, Атагинский районы ЧИАССР²⁰⁶. В рапорте начальника перевозок

²⁰³ Конфликтный этнос и имперская власть: чеченский вопрос во внутренней политике России и СССР (начало начала XIX - середина XX вв.). /под ред. В.А. Козлова, Ф.Бенвенути, П.М. Поляна, В.И. Шеремета - М.: РОССПЭН, 2009. С. 708

²⁰⁴ Сталинские депортации 1928-1953 гг. / Сост. Яковлев А.Н., Поболь Н.Л., Полян П.М. - М.: Международный фонд «Демократия», 2005. С. 442

²⁰⁵ Там же С. 438

²⁰⁶ Государственный архив ВКО (ГАВКО). Ф. 462. О.4. Д.39.

НКВД от 20 марта 1944 года на имя Берия сообщалось, что последний эшелон СК-268 прибыл к месту назначения на станцию Риддер Томской железной дороги 20 марта 1944 года²⁰⁷.

В эшелонах, в нечеловеческих условиях около месяца ехали малолетние дети, старики, женщины и мужчины. В пути следования случались не только рождения, но и смерти, в случае тяжелого заболевания выселяемых в пути сдавали в ближайшие медсанпункты, что подтверждают повагонные списки спецпереселенцев-чеченцев.²⁰⁸

Переполненность вагонов, голод, антисанитария все это вызывало смертность, в первую очередь, детей и стариков. При этом, случаи смертности не всегда документировались, в связи с чем архивные материалы не могут дать точное представление о реальной картине событий в пути, поскольку сложно определить численность умерших. Отчасти этот пробел восполняют воспоминания очевидцев, но и они не могут дать точных данных.

Самым тяжелым моментом по воспоминаниям депортированных является момент высылки, а наиболее драматичными, травмировавшими сознание и память участников событий на всю оставшуюся жизнь стали воспоминания о тяготах пути. Многие информаторы старшего поколения говорят, что одним из самых страшных впечатлений были смерти по пути следования, причем даже не смерти как таковые, а то, что этих людей не хоронили, а просто оставляли в кюветах.

Мукаева Н.Д., 1918 г.р., с. Ново-Азовое вспоминает: *«Было очень тяжело – холодно, голодно. Люди умирали, не давали хоронить, если успевали, то мужчины быстро в снег закапывали. Из вагонов вытаскивали больных, мертвых и выкидывали, как собак. Когда ехали, где-то поезд остановили, и я случайно в щель вагона увидела, как с соседнего вагона моего брата вынесли, его положили на снег. Он был живой,*

²⁰⁷ Сталинские депортации 1928-1953 гг. / Сост. Яковлев А.Н., Поболь Н.Л., Полян П.М. - М.: Международный фонд «Демократия», 2005. С. 466

²⁰⁸ Государственный архив ВКО (ГАВКО). Ф. 462. О.4. Д.39.

повернул голову. Он успел только посмотреть вслед. Так и оставили его живого умирать»²⁰⁹.

Довтабаева Х.З., 1936 г.р., вспоминает: *«Мой муж Магомадов Саид Селимович, 1924 г.р. рассказывал, когда ехали в пути, его отец по нужде вышел, его задавило поездом. Хоронить не дали его, только смогли снегом прикрыть».*

Янгулбаев Х.Х., 1952 г.р., г. Усть-Каменогорск, вспоминает рассказ своего отца Янгулбаева Х., 1927 г.р., о пути следования: *«Когда останавливали поезд, заходили солдаты, смотрели, есть ли трупы, мы складывали трупы, просили солдат, «у нас денги есть, поджалуста, похороните» (текст в авторском варианте – А.К.), давали 10-25 рублей. А если возле моста останавливали, то солдаты с моста скидывали трупы».*²¹⁰

Айсагова Л.Л., 1949 г.р., г. Риддер вспоминает о переселении своей семьи по рассказам матери: *«Люди стали умирать от холода и голода, не было никаких жизненных условий. Когда останавливался поезд, в вагон заходили солдаты, проверяли, есть ли в вагоне покойники. Люди старались не показывать, прятать покойников, чтобы не выкладывать на съедение птицам и животным, а их выносили и штабелями выкладывали и ехали дальше. Когда поезд останавливался вблизи населенного пункта, то трупы выносили из вагонов, кто успевал – закапывали в снег, или умоляли местных, чтобы они похоронили. Вот так мою семью привезли в г. Лениногорск, ныне Риддер».*²¹¹

По воспоминаниям многих переселенцев, наиболее болезненным в физическом и нравственном плане в пути стал вопрос опрвления естественных надобностей, который

²⁰⁹ ПМА 2016 – Полевые материалы автора. Полевой дневник экспедиции в с. Ново-Азовое. 2016 г. Информант Мукаева Н.Д., с. Ново-Азовое.

²¹⁰ ПМА 2018 – Полевые материалы автора. Полевой дневник экспедиции в г. Усть-Каменогорск. 2018 г. Информант Янгулбаев Х.Х., г. Усть-Каменогорск.

²¹¹ ПМА 2016 – Полевые материалы автора. Полевой дневник экспедиции в г. Риддер. 2016 г. Информант Айсагова Л.Л., г. Риддер.

оказался совершенно непродуманным, эшелоны по несколько часов шли, не останавливаясь. Базаев Ш., 1936 г.р. г. Риддер, рассказывает: *«Вагоны останавливали, когда вздувается через 3-10 часов. Когда останавливали поезд, по нужде, естественно женщины бегут в одну сторону, а солдаты стреляют, нет вместе, в одну сторону гнали. У чеченцев такого не было, был свой этикет. Многие умирали из-за разрыва мочевого пузыря. Рожали, умирали в вагонах»*²¹².

На территорию Восточно-Казахстанской области к марту 1944 г. прибыло 6779 семей, 31140 человек спецпереселенцев-чеченцев²¹³. Прибывшие спецпереселенцы-чеченцы были размещены в 8 районах области.²¹⁴

Обеспечение жильем и продовольствием являлось острой необходимостью в начальный период вселения. Хозяйственно-бытовое устройство, условия жизни спецпереселенцев-чеченцев в регионах определяли органы центральной и местной власти. Подготовительная работа с размещением спецпереселенцев в Восточно-Казахстанской области проводилась согласно Постановлению от 15 января 1944 года «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахстана» и должна была завершиться к 15 февралю 1944 г.²¹⁵ Намеченный комплекс мер предусматривал создание материально-бытовых условий, которые бы обеспечили обустройство в местах вселения. Однако, прибывшие спецпереселенцы столкнулись с целым комплексом проблем. В первую очередь это необеспеченность и неподготовленность предоставленного им жилья. В результате спецпереселенцев-чеченцев расселяли в бараки, землянки, бани, конюшни, непригодные для жизни помещения. В сельской местности частым явлением было подселение в дома местных жителей в порядке

²¹² ПМА 2014 – Полевые материалы автора. Полевой дневник экспедиции в г. Риддер. 2014 г. Информант Базаев Ш., г.Риддер.

²¹³ Архив Президента Республики Казахстан (АП РК). Ф.708. О.10. Д. 1855 «а».Л.29

²¹⁴ Государственный архив ВКО (ГАВКО). Ф. 1-п. О.1. Д. 2750.Л.66

²¹⁵ Государственный архив ВКО (ГАВКО). Ф. 130-п О. 22. Д. 11.Л.5

уплотнения.

Осуществление переселения, пришедшееся на февраль-март 1944 г. снижало возможность создания приемлемых условий для жизни в местах вселения. Барсуков С.П., 1937 г.р., п. Шемонаиха вспоминает: *«Их поселили на месте, где находился лесозавод небольшой. Наскоро построили дощатый барак из горбыля и теса, добавляя опилки и в таких почти можно сказать, «скотских» условиях, они жили в первое время».*²¹⁶

Айсагова Л.Л., 1949 г.р. г. Риддер рассказывает: *«Заселили родителей в бараке, где не было ни окон, ни дверей. Всех опять же, как скот в стойло. Царил голод. Чтобы хоть как-то выжить, ходили собирали мерзлую картошку и делали из нее лепешки, ели крапиву и разную траву. Потом многие заболели тифом, кто выжил, кто умер. А умерло тогда очень много чеченцев».*²¹⁷

На 1 сентября 1944 г. в Восточно-Казахстанской области насчитывалось спецпереселенцев-чеченцев 6906 семей, с численностью 29238 человек. Наибольшая концентрация спецпереселенцев-чеченцев наблюдалась в Лениногорском (2481 семей, 10937 человек) и Кировском районах, с учетом п. Аблакетка (1569 семей, 6542 человек).²¹⁸

В Лениногорске спецпереселенцы-чеченцы размещались в полуземлянках, землянках, в основном в бараках, условия проживания в которых были неудовлетворительными. Считались устроенными семьи, живущие по 15 человек на 13 м² где норма уплотнения достигало до 0,8 м² По улице Семипалатинской в непригодных для жилья бараках №№14-а, 14-б и №15 проживали 60 семей, 183 человека спецпереселенцев-чеченцев. На территории бараков не было надворных построек для дров, сараев для содержания скота, помойных ям,

²¹⁶ ПМА 2017 – Полевые материалы автора. Полевой дневник экспедиции в г. Шемонаиха. 2017 г. Информант Барсуков С.П., г. Шемонаиха.

²¹⁷ ПМА 2016 – Полевые материалы автора. Полевой дневник экспедиции в г. Риддер. 2016 г. Информант Айсагова Л.Л., г. Риддер.

²¹⁸ Государственный архив ВКО (ГАВКО). Ф. 1-п. О.1. Д. 2750. Л.66

спецпереселенцы выливали помои возле барачков, что создавало зловонный запах.²¹⁹ Домашнее пространство спецпереселенцев было сужено до крайности. Его наполнение, было настолько скудным, что шокировало проверяющие комиссии. В жилищах чеченцев в подавляющем большинстве отсутствовал элементарный домашний инвентарь – столы, табуретки, кровати и.т.д.²²⁰

Проблема дефицита жилья стала только частью испытаний в первые годы вселения для чеченцев. Общее качество жизни спецпоселенцев-чеченцев было чрезвычайно низким. В ряде районов не функционировали даже элементарные бани, в комнатах барачков, землянках, постоянно забитых сырой одеждой, воздух был заражен зловонием. В такой нездоровой атмосфере, в условиях дефицита самых простых гигиенических средств (мыла), чрезвычайно быстро распространялись инфекционные заболевания. Скученность населения, антисанитарные условия порождали многочисленные эпидемии. Питание на грани голода, неудовлетворительное медицинское обслуживание, а также неприспособленность чеченцев к новым климатическим условиям вызывали повышенную заболеваемость и высокую смертность.

По воспоминаниям Н.Д. Мукаевой 1918 г.р., с. Ново-Азовое: *«Мы подбирали кожуры картофеля, потом варили. На поле корни растений копали, собирали и кушали. Так и питались. Местные жители сами голодные были, но помогали, чем могли. Государство выделяло одну булку черного хлеба, мы делили на маленькие кусочки по 10 гр. чтобы всей семье хватило. Много людей умирало от голода, болезней».*²²¹

О трудных временах своей жизни говорит и Х.З. Довтабаева 1936 г.р., г.Риддер: *«Голод был страшный. Собирали весной оставшуюся мерзлую картошку, если застанут коменданты, то били ружьем, не давали собирать. Ели*

²¹⁹ Государственный архив ВКО (ГАВКО). Ф. 1-п. О.1.Д.3979. Л.8

²²⁰ Государственный архив ВКО (ГАВКО). Ф. 1-п. О.1. Д. 2750. Л.63

²²¹ ПМА 2016 – Полевые материалы автора. Полевой дневник экспедиции в с. Ново-Азовое. 2016 г. Информант Мукаева Н.Д., с. Ново-Азовое.

крапиву, лебеду ботву, мама варила суп из крапивы, если были кожурки от картошки, то в суп бросала. Опилки перекручивали, делали из нее оладьи. Давали по 100 гр. черного хлеба. Ели макуху от подсолнуха. Сахара, соли вообще не было... У меня четверо братьев умерли от болезни, здесь климат другой, чем на Кавказе. Тогда много умирало, от голода были истощенные, многие были завшивленные, от этого тоже умирали. Лекарств не было. Очень сложно было. После зимы мы ходили по колхозным полям собирали оставшуюся гнилую картошку, остатки зерна. Мыли и употребляли в пищу. Многие чеченцы болели желудочными заболеваниями. Я сама перенесла в детстве все страдания, болезни.²²²

Прямым следствием продовольственных трудностей в области стало появление больных дистрофией. Недостаточность медицинского обслуживания в условиях резкого ухудшения жизненных условий привело к повышению смертности. В письме облисполкому Черных с грифом секретно от 3 августа 1944 г. заведующий облздравотделом сообщал, что «за последнее время среди спецпереселенцев по Восточно-Казахстанской области наблюдается большая смертность на почве резкой дистрофии. В течение июня-июля 1944 г. только по стройплощадке Кировского района умерло 87 человек, что составляет 25 процентов к общему количеству прибывших».²²³

Согласно воспоминаниям о первых годах вселения высокая смертность была и из-за тяжелых материально-бытовых условий. По рассказам дедушки Сельмурзаева А.И., 1975 г.р., г. Риддер: «Вспоминая первые тяжелые годы жизни в Лениногорске, дедушка рассказывал: многие умирали с голоду, зимой могилы копать не могли от голода и холода не было сил, покойников складывали в длинном коридоре барака штабелями, покрывали их тряпками, утром страшно было выходить из комнаты барака, думая, не дай Аллах, что опять кто-то умер..., а они прибавлялись. При потеплении копали

²²² ПМА 2016 – Полевые материалы автора. Полевой дневник экспедиции в г. Риддер. 2016 г. Информант Довтабаева Х.З., г. Риддер.

²²³ Государственный архив ВКО (ГАВКО). Ф. 1-п. О.1. Д. 2750. Л. 34

*могилы и предавали земле, тела покойников – то носы, уши, пятки... объедались крысами, было ужасное зрелище».*²²⁴

Сулейманов У.С., 1937 г.р., г.Усть-Каменогорск рассказывает о первых годах жизни на спецпоселении: *«Мы все болели сильно, у меня вот видишь, сквозные дырки от перенесенной болезни, брат болел, у него мозги аж текли, сестра болела, у нее все органы болели, не смогли ее спасти, она умерла».*²²⁵

Житель пос. Шемонаиха Барсуков С.П., 1937 г.р. вспоминает о тех временах: *«Нам местным было трудно жить, голодно было, а им тем более. Поэтому много чеченцев умерло в Шемонаихе, почти половина. Им выделили место на краю кладбища, и они там наспех хоронили, сверху поставив камень – надгробий не делали. Они окопали свое кладбище, и поэтому оно сейчас выделяется».*²²⁶

По состоянию на 1 апреля 1945 года с начала вселения количество умерших спецпереселенцев-чеченцев в разрезе районов области по архивным данным представлено в таблице 1.²²⁷

За период март 1944 – 1 апреля 1945 гг. в Восточно-Казахстанской области умерло 3885 спецпереселенцев-чеченцев. В этот период наблюдались крупные всплески смертности спецпереселенцев от общего числа в следующих районах: в Таврическом – 30,16 %, в Шемонаихинском – 19,28 %, в Зырянском – 16,07 %, в Лениногорском – 15,72 %, в Кировском – 15,39 %, в Верхубинском – 15,27 %, в Предгорненском – 11,43 %, уровень смертности был ниже в Уланском – 3,48%.

²²⁴ ПМА 2014 – Полевые материалы автора. Полевой дневник экспедиции в г. Риддер. 2014 г. Информант Сельмурзаев А.И., г. Риддер.

²²⁵ ПМА 2016 – Полевые материалы автора. Полевой дневник экспедиции в г. Усть-Каменогорск. 2016 г. Информант Сулейманов У.С., г.Усть-Каменогорск.

²²⁶ ПМА 2017 – Полевые материалы автора. Полевой дневник экспедиции в г. Шемонаиха. 2017 г. Информант Барсуков С.П., г.Шемонаиха

²²⁷ Государственный архив ВКО (ГАВКО). Ф. 1-п. О.1.Д. 2741. Л.14

№ п/п	Наименование районов	Умерло с момента вселения (чел.)
1.	Лениногорский район	1385
2.	Кировский район	932
3.	Предгорненский район	259
4.	Шемонаихинский район	382
5.	Верхубинский район	278
6.	Таврический район	190
7.	Уланский район	90
8.	Зырянский район	339
Итого:		3885

Таблица 1. Смертность спецпереселенцев-чеченцев в разрезе районов области по состоянию на 1 апреля 1945 года.²²⁸

По архивным данным на 1 апреля 1945 г. численность спецпереселенцев-чеченцев в Восточно-Казахстанской области составляла 6 320 семей, 24719 человек.²²⁹

№ п/п	Наименование районов	Расселено	
		семей	человек
1.	Лениногорский район	2268	8808
2.	Кировский район	1463	6055
3.	Предгорненский район	626	2265
4.	Шемонаихинский район	534	1981
5.	Верхубинский район	435	1820
6.	Таврический район	181	630
7.	Уланский район	267	1050
8.	Зырянский район	544	2110
Итого:		6320	24719

Таблица 2. Расселение спецпереселенцев-чеченцев по районам области на 1 апреля 1945 года.

Сопоставляя официальные цифры 1944 и 1945 годов, мы видим значительное сокращение численности спецпереселенцев-чеченцев по области.²³⁰

²²⁸ Там же. Л.8

²²⁹ Там же

Период:	1 сентября 1944 г.	1 апреля 1945 г.
Количество:	29238 человек	24719 человек

*Таблица 3. Сокращение численности
спецпереселенцев-чеченцев по области.*

Изменения в количественном составе спецконтингента объясняются в основном за счет высокой смертности спецпереселенцев из-за сохранявшихся длительное время тяжелых условий жизни. Как отмечалось выше, в Восточно-Казахстанскую область в середине марта 1944 г. прибыло 31140 спецпереселенцев-чеченцев. По архивным данным с момента вселения спецпереселенцев-чеченцев по состоянию на 1 апреля 1945 года умерло 3855 человек (12,4%) от общего числа прибывших.²³¹ Всего за 7 месяцев в Восточно-Казахстанской области чеченцы потеряли 4519 человек.

Необходимо отметить, что содержание архивных материалов указывает на факт сокрытия смертности спецпереселенцами от официальных властей: «... умерших нигде не регистрируют, а крадучи от комендатур хоронят. Причина смертности в основном – дистрофия и желудочные заболевания».²³²

Депортация была тяжелейшим испытанием для чеченского народа. Первым ударом была дорога от родного дома до мест высылки – многие ее не пережили. Но, прибыв к месту ссылки, спецпереселенцы-чеченцы подверглись новым жизненным испытаниям. Повседневное пространство спецпоселения и его инфраструктура представляли минимальный набор жизнеобеспечения для спецпереселенцев. Инспекторами различных ведомств отмечалось, что в большинстве случаев имевшихся средств было совершенно недостаточно для выживания спецпереселенцев. В таких условиях переселенцы

²³⁰ Государственный архив ВКО (ГАВКО). Ф. 1-п. О.1. Д. 2750. Л. 66; Государственный архив ВКО (ГАВКО). Ф. 1-п. О.1.Д. 2741. Л. 8

²³¹ Государственный архив ВКО (ГАВКО). Ф. 1-п. О.1.Д. 2741. Л.14

²³² Там же. Л.2

испытывали на себе целый спектр неблагоприятных воздействий, от естественных климатических особенностей региона до искусственно созданных проблем, нехватки продовольствия, одежды. Проблемы были связаны как с общей сложной социально-экономической ситуацией послевоенного периода, так и с откровенным пренебрежением некоторых руководителей предприятий, колхозов. Трагическим последствием этого стало значительное сокращение численности депортированных чеченцев в результате высокой смертности.

Таким образом, насильственное переселение из привычной в новую экстремальную для чеченцев среду неизбежно приводило к трагедиям, потерям, ломке жизненных стратегий и как для отдельного человека, семьи, также и для целого этноса.

Айнур Казбекова

*магистр истории, ст. преподаватель.
Восточно-Казахстанский государственный
университет им. С.Аманжолова,
(Казахстан)*

УСТНАЯ ИСТОРИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Как известно, устная история занимает ведущее место в возрождение и развитие этнокультурных традиций. Устная история – это история отдельных личностей, событий и процессов рассказанной конкретным человеком или группа людей свидетелем данной эпохи. В данной статье использованы материалы устной истории, полученные методом как биографическим так и свободное интервью. Были изучены биографии конкретных людей и заданы уточняющие вопросы, акцентируя внимание респондента на тех или иных событиях в его жизни. Также, проведены беседы с респондентами об их жизненной истории определенного периода, озвучена индивидуальная точка зрения на те, или иных событиях. В статье

рассмотрены историко-этнографические аспекты жизни лакайской народности в составе узбекской нации, проживающие на территории центрального и южного Таджикистана и северного Афганистана. Материалы базируются на обобщении устных историй, записанных у разных поколений, проживающих на указанных территориях. Собранные этнографические материалы дают представление о принципах сохранения и трансформации различных элементов традиционной культуры лакайцев, такие как семейная и календарная обрядность, материальная культура, особенности хозяйствования, взаимодействия с местным этнокультурным окружением.

Тюркские народы, состоят из похожих друг на друга, и в то же время отличающихся своеобразными обычаями, укладом жизни народностей и этнических групп. Одной из таких народностей являются лакайцы, проживающие в южном Таджикистане и северном Афганистане²³³.

Лаккайцы достигли определенных успехов в животноводстве, и в результате, вывели лошадей новой породы Лаккай²³⁴, также они вывели новый сорт дынь Лаккай²³⁵.

Они имеют любопытные образцы прикладного искусства такие как, например «Мапремеч», «жук чаригич», «серпе», «жук бети», «айнахалта», «богжама» и другие швейные изделия. Особенно, известны такие образцы этнокультуры как торлама, бостирма и шавдурак такие – национальные головные уборы лакайцев. Обычаи, традиции, неповторимый фольклор и своеобразные архефакты в диалекте лакайцев свидетельствует о необходимости изучения их в том числе, методами устной истории.

Прославились лакайцы и на военном поприще. Так, в

²³³ Кармышева Б.Х. Узбеки-лакайцы южного Таджикистана. – Сталинабад, 1954. С. 198

²³⁴ Хитенков Г.Г. , Локайская лошадь. Конские породы Средней Азии. – Москва – 1937. С. 163

²³⁵ Энциклопедияи хоҷагии кишлоки Тоҷикистон. Чилди яқум. – Душанбе – 1989. Саҳ. – 477. (Энциклопедия сельского хозяйства Таджикистана. Первый том. – Душанбе, 1989. – Стр. – 477.)

начале XX столетия войска лакайцев во главе с Мухаммадом Ибрагимбеком десять лет храбро воевали против большевиков²³⁶, что сохранилось в памяти населения.

У тюркоязычных народов Таджикистана, в частности и у лакайцев, особое внимание уделяется сохранению памяти истории своих поколений, осознавать свою принадлежность системе определенных родов. По устным сказаниям лакайцы состоят из крупных этнических групп, которые, в свою очередь, разделяется на поколения и звенья, иногда эти звенья состоят из ветвей.

Лакайская народность возникла как общественно-историческое, военно-политическое единство четырех крупных этнических групп: Эсенходжа, Бадрахли, Байрам и Туртуул, которые объединившись, обеспечили процесс этнического развития лакайской народности.

1. Эсенходжа состоит из родов курдек, нарин, аксари, узден, туечи, кулбачче, мирзагул, алтмиш, малыш, кунтув, кулумбет, кармиш, муллабачче, надирбачче, яхшиликбачче, байкучкар.

2. Бадрахли являясь самым крупным, состоит из родов каттемерген, киччимерген, кизилбай, келекей, парча, жунус.

3. Байрам состоит из родов туртата, шакей, давет, чегене.

4. Туртуул состоит из родов учувул, суюндук, бурундук, чал, косе, гургуре.

Низшие ступени родов именовали ата, бала, небере, чебере, дубере и др., а предков – ата, чалата и т.д. В древности у лакайцев была традиция – знать семь своих предков. Смута начала прошлого века, войны с большевиками, этническая разрозненность, имевшая место в Афганистане и бывшем Союзе затмило эту грань национального менталитета. Но знание семи предков сохраняется среди некоторых представителей народности в качестве обязательной традиции.

²³⁶ Абдуллаев К. От Синьцзяня до Хорасана: Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. – Душанбе, «Ирфон», 2009. – С. 182; Назаров Н. Мухаммад Иброхимбек Лакай – Тошкент, ИФЕАК, 2006. С. 8-56

Сохранившиеся среди представителей народности обычай «Топик ойн», также является свидетельством древнего прошлого, и скотоводческой культуры в жизни народа, и эти специфические аспекты не только сохранились в устной истории народа, но и сейчас наблюдается в повседневной жизни лакайцев. По рассказам очевидцев два друга играя в кость в жаркий летний день, пошли купаться в озеро. Доплыли до середины озера, тот, что отдал другу кость, стал требовать её обратно. Друг достал изпод языка кость, и выиграл барана. Выигрыш, в основном, резали, и устраивали пир для людей. Основным призом были теплые слова людей. О том, что эта игра древняя, и присуща тюркским народам писал Махмуд Кошгари, подтверждая о том, что некоторые люди носили кость даже в бане, и даже если там, с него требовали кость, её предъявляли²³⁷.

Как известно, вышивание занимает важное место в быту лакайцев, является ярким образцом народных промыслов. В нем отражается эстетический мир представителей народности, а также их религиозные и светские представления. Образцы прикладного искусства лакайцев как илгич, напрамеч (мапрамеч), жук чаригич, изделия, вывешиваемые на дверях, такие (тюбетейки мальчиков, девочек, женщин и мужчин), айнахалта, чайхалта, вышивки для украшения юрты, серпе, жук бети и другие определяют их эстетический вкус, и как неотъемлемая часть этнокультурных и исторических ценностей – свидетельство древней истории народа.

Музыкальные инструменты как своеобразные аспекты этнокультуры свидетельствует об эстетической особенности народности. Мужчины учились играть на домбре, женщины – на чанковузе и дап. Отец, мать, чалата-каттейене, братья-сестры-снохи мотивируя молодых учиться играть на инструментах, выполняли обязанности первого учителя. Далее «музыкант», получивший начальное образование в семье, овладевал данным ремеслом среди соседей и родственников,

²³⁷ Кошгарий М. Девону луготит-турк. (Словарь тюркских наречий) узб. –Т.: Фан. 1960. С.198.

проявляя свои способности на соревнованиях в масштабах кишлака. Так совершенствовались музыкальные способности.

По словам очевидцев, най чабана (пастуха) имеет большое значение для животноводства, он отражает мечты и надежды чабана, определяет направление движения скота. Так, даже скот учился подчиняться мелодии музыки. Кроме того, с помощью най чабан повествовал о том, в каких местах он находится, по нему ориентировался тот, кто нес ему еду.

По словам людей старшего возраста, раньше на сайилах (массовых гуляньях) особенно весной, женщины собравшись на холмах, играли на чанковузе. Респондент рассказывала, как её сестру выдали замуж на другой берег Кизилсу (Сурхоб). Весной, из-за невозможности перейти реку, сестры собирались на холме и играли на чанковузе, на том берегу сестра, узнав голос чанковуза, тоже выходила на холм, так родственницы на расстоянии семи-восьми километров общались посредством данного музыкального инструмента.

Лакайцы, наряду общими с тюркоязычным населением, имеют и отличительные этнические особенности. Многие из этих аспектов сохранены в устных традициях. Это требует постоянного, систематического и продолжительного исследования. Тем более устное народное творчество хорошо развито среди лакайцев, аксакалы рассказывают молодым о многом.

Насриддин Назаров

доктор полит. наук,

*Ташкентский институт художеств и дизайна
им. Камолуддина Бехзада (Узбекистан)*

К ВОПРОСУ СОЦИАЛЬНОГО АСПЕКТА В УСТНОЙ ИСТОРИИ

Устная история развивается в нашей стране издревле, её образцы можно видеть в различных «книгах (тетрадах) памяти», жанрах устного народного творчества, как пословица, поговорка, загадка, сказка. Обычно, устная история записы-

вается от лиц-очевидцев конкретных исторических или знаменательных событий, иногда их записывают по пересказам вторых лиц, которые слышали факты от непосредственных свидетелей.

С точки зрения социологической науки всякий источник, запечатленный на бумаге, является документом, это могут быть вещественные доказательства, как исторический предмет, источник, свидетельствования, устные рассказы. Записывающий данное событие может обращаться к рассказчику с вопросами, чтобы «оживить» его память, уточнить кое-какие детали, однако, он не должен ничего добавлять от себя.

У народов Востока, в частности тюркских народов, были обычны рассказы и прослушивание их в виде сказок, поэм, других устных форм. Поэтому лицо, явившееся свидетелем устной истории опирается при рассказе своих воспоминаний на подобные источники.

Изучение устной истории опирается на те же методы и методологию исследования, что и литературоведение (фольклористика), так как до настоящего времени на научные основы изучения устной истории уделяется мало внимания. Однако, кажущиеся в свое время мало значимые исторические события могут оставить глубокий след в сердцах людей, и остаться в памяти вечно. И в изучении подобных событий сегодня чувствуется определенная потребность.

Иногда имеет место серьезное расхождение между приведенными в исторических источниках фактами и мнением лиц, свидетелей конкретного исторического события. В частности, в недавнем прошлом, в описании исторических событий периода советского строя имело место одностороннее отношение из за «преданности идеям коммунизма». Именно сравнительное изучение устной истории и письменного источника позволяет установить новые сведения о конкретном историческом событии²³⁸.

К примеру, экологическая проблема, связанная с

²³⁸ См.: Хамидуллаев С.Н. Фольклоршунослик. –Т.: Ўқитувчи, 1992.

Аральским морем начала изучаться еще в 70-е годы XX века, но эту проблему скрывали от широких масс. Для прояснения ситуации группа энтузиастов-социологов провели небольшое исследование по изучению научной литературы, посвященной истории региона, архивов партийных изданий, как “Совет Ўзбекистони”, “Правда Востока”, “Қарақалпоқ хақиқати” и “Қарақалпақская правда”. Архивные данные СМИ по сути и содержанию являются «хранилищем» информации, поэтому нами были изучены материалы государственного архива в городе Нукусе, и обнаружили, что вплоть до 1990 года о данной трагедии в СМИ информация замалчивалась.

В период перестройки об экологической проблеме публиковались некоторые материалы в центральной печати, таких как “Правда”, “Комсомольская правда” и “Литературная газета”. Однако, данные публикации, совпавшие с периодом распада СССР не привлекли особого внимания общественности.

Материалы устной истории собранные нами у населения Приаралья свидетельствуют о том, что в указанный период, в связи с развалом экономики региона, ликвидацией организаций и предприятий, условия жизни населения все более усугублялись.

Группа интеллигенции Центральной Азии во главе с Чингизом Айтматовым встречалась с последним руководителем бывшего Союза Михаилом Горбачевым, поднимала проблему Арала, о чем бытуют разные разговоры. Но в средствах массовой информации об этой встрече предпочли не сообщать²³⁹.

В тот период бахши часто пели «Даламни яшнатган, чорвамни ўтлатган, қозоним қайнатган Оролим, қачон узанинга қайтасан» (*букв.*: озеленивший мои поля, кормивший мои стада, Арал, благодаря тебе кипел мой казан, когда вернешься в свое русло). Когда-то эта песня заставляла людей плакать. И сегодня она напоминает людям о светлом прошлом Арала,

²³⁹ См.: Хидояттов Г. Тарихни ўқилмаган саҳифалари. –Т.: Фан, 1990.

повествует о горе жителей региона. Каракалпаки занимались не только животноводством, но и рыбачеством. Их жизнь была неразрывно связана с морем. И теперь эта песня повествует о том, как потускнела их жизнь²⁴⁰.

В подобных рассказах живут теперь печаль и горе, оставшиеся от некогда славной истории. Волны Арала теперь лишь в качестве плода воспоминаний отражаются в народных песнях и в рассказах каракалпаков.

В настоящее время трагедия Аральского моря признается не только в регионе, но и во всем мире, что хоть немного утешает, и придает надежду на светлое будущее Арала.

И не хотелось бы, чтоб об этом свидетельствовала лишь устная история.

Халима Кадилова

*Старший преподаватель Ташкентского
Государственного педагогического
университета им. Низами (Узбекистан)*

УСТНАЯ ИСТОРИЯ В ИЗУЧЕНИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Считалось, что устная история не так важна для изучения прошлого как письменные источники. Однако, иногда простые люди располагают такой информацией, которая отражают уникальные воспоминания связанные со многими событиями.

В июне 2017 г. автор проводил исследования по изучению повседневности в районах Наманганской области

В качестве примера приводим одно интервьюирование с респондентом. Родившаяся в 1925 году в селе Кесканёр Турсун момо Мухитдинова сообщила много интересного не только о своем родном селе, но и об истории Чартакского района, где проживает более 200 тысяч человек.

Мудрая женщина, была свидетельницей многих фактов из

²⁴⁰ Собирова Н.Х. Тарих ва фольклошунослик. –Т.: Гулистон. № 3. 2005, –Б. 17.-19.

повседневной жизни района. При этом, ранее никто не интересовался ее воспоминаниями. Беседу с ней мы начали о её личной жизни.

– Как и от кого Вы узнали, что родились в 1925 году. Может лишь такая запись имеется в Ваших документах?

Т.М.: – О том, что я родилась спустя шесть лет после революции мне рассказали родители, революцию совершил, по их словам, рабочий баталон. Нас было четверо детей, старший брат не вернулся с войны, затем я, младшая сестра, младший брат, его мы похоронили 6 лет назад (2012), 2 года назад (2016) от болезни скончалась младшая сестра.

Наш дом был в центре гузара (оживленное место на дорогах) – возле рынка, первая школа в нашем районе была открыта здесь и я в ней училась. Сначала учила старую узбекскую письменность, позже, когда повзрослела – русское письмо (кириллицу).

Согласно архивным данным, в центре современного Чартакского района в 1932 году была открыта школа имени Ленина, где преподавали сначала на латинской графике, позже в 1938 годах – на кириллице.

Т.М.: – Когда мне исполнилось 16, началась немецкая война, из громкоговорителя радио в гузаре об этом слышали множество людей, что мужчины, что женщины плакали, простояли там долго. Через 6 месяцев после начала войны ушел на фронт отец, через полтора года призвали старшего брата. Мать, я, пятилетняя младшая сестра и младший брат, которому не было и двух лет остались без кормильца. Точнее её стала мать, и я вместе с ней работала в колхозе, бросила учебу. Сначала пришла похоронка от отца (1944), а в конце войны – от старшего брата, через месяц война закончилась. Вот эти письма, я их сохранила. Мать могла читать и писать только на арабском алфавите, но в 32-37годах (1932-1937) ходили по домам, у кого находили книги на этом письме сажали в тюрьму. Поэтому и отцу, и брату писала я сама (показывает письма).

– Трудно ли было вовремя войны?

Т.М.: – Не говорите о войне, само название говорит за себя, было трудно, голод, и после войны мы голодали, это продолжалось 3-5 лет. Родственница моего отца Хидоят была избрана председателем, так как мужчин не было. Она заботясь о людях, из за голода, позволила между грядок хлопчатника посеять красную свеклу, тем самым спасла людей от голода. Узнав об этом, большие руководители в 1944 году её посадили в тюрьму, там она и умерла. Её муж и двое сыновей погибли на войне. С её младшим сыном после войны нас и поженили. Самый младший ребенок, ее дочь, после смерти матери не прожила и года, так что мой муж остался один.

– Когда Вас поженили?

Т.М.: Через три месяца после войны, нас и поженили. Так как он остался один, родственники вмешались, и поженили нас. Я одела свадебное платье своей матери. Муж на время одел одежду кого-то из родственников, так свадьбу и справили. Трудные были времена. Слава Аллаху, трудные дни остались позади. У нас было восемь детей, двое скончались от болезни в детстве. Один мой сын скончался в автокатастрофе пятнадцать лет назад. Родившемуся тогда внуку Ёдгору (2003) сейчас пятнадцать лет. У того сына было пятеро детей, всего у меня 26 внуков, более 40 правнуков, 12 праправнуков. Дай Бог, им долгих лет, пусть не знают горя, мне пришлось хоронить детей, пусть другим этого не придется делать.

Турсун момо по нашей просьбе без ошибок назвала всех своих детей и даты их рождения, имена 26 внуков, а также чьи дети её 12 праправнуков.

Увлечись разговором момо спела нам народные песни о мардикорстве (в годы первой Мировой войны из Средней Азии увозили молодых людей на фронт для работы, их и называли мардикоры) и другие песни, созданные в годы войны, которые слышала от матери.

Т.М.: Моего дяду по матери Юсуфа тоже брали на мардикорство, он пропал без вести на земле уруси (в России),

эти песни напевала в детстве моя бабушка, после её смерти – моя мама. Песню эту мама пела, вспоминая моего отца и брата. Теперь её напеваю я, вспоминая отца и мать, старшего брата, мужа и сына, так я успокаиваю себя. Но не будем о грустном, не хочу Вас печалить. И она начала петь песни из репертуара Тамараханум.

– Лапары (песни) Тамараханум Вы слышали по радио и телевизору?

Т.М.: *– Сначала по радио, потом, когда она давала концерты на строительстве Северного Ферганского канала со своим наставником Юсуфжоном кизик, я видела её, сидела на передних рядах. Потом видела её на строительстве Фархадской ГЭС. Мой муж, царство ему небесное, из за своей матери, отправлялся куда только ни посылали его руководители. За ним я ездила и в Мирзачуль. Тогда, как выяснилось, его отправили вместо другого, к счастью есть и совестливые люди, через 6 месяцев внесли ясность, нас вернули домой. Там мы с двумя детьми жили в шалаше, старшему сыну было три года, дочери не было и года. Как мы мучались... Аллах нас пожалел. Теперь я пожинаю плоды своих трудов, живу в радости. Жаль, короткой оказалась жизнь мужа, ему не довелось увидеть хорошие дни. Жизнь наша прошла в тяжком труде, 21 год назад мой муж покинул этот мир. Все что может человек, помнить, вспоминать добрым словом умерших, благодарить Создателя и за хорошее и за плохое. Пусть страна наша будет мирной, спокойной, пусть бережет нас от болезней, нищеты, Мы это видели, остальные (хотела сказать, потомки наши) пусть этого не увидят.*

– Как Вы вспоминаете дни независимости? (Возможно, не расслышала нас, посмотрела на дочь Мунису). Дочь прокомментировала: «спрашивают про новое время».

Т.М.: *– когда пришло новое время, сначала жизнь не была легкой. Люди сеяли пшеницу, мололи её на мельнице, и питались... И тому уже 27 лет. Младшая дочь моей второй дочери – внучка тогда родилась, хорошо помню. Сейчас все хорошо...*

Закаленная трудностями и лишениями жизни Турсун момо помнит многие события в связи с датами из жизни своих близких.

Люди старшего поколения, как Турсун момо – это живая история. Общения с ними очень полезно для молодых. Воспоминания таких людей полезны и для установления исторической правды.

Хайитбой Холмирзаев

*канд. искусствоведения, доцент
Ташкентский государственный
педагогический университет
им. Низами (Узбекистан)*

Для заметок

Для заметок

**Устная история (oralhistory) в отечественной
и зарубежной практике:**

***Метод, источник, культурно-образовательные
технологии***

*Сборник статей Международной, научной конференции
1 ноября 2018 г.*

Ответственный редактор:

доктор исторических наук Хасанов Б.В.

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук Хасанов Б.В.,

кандидат исторических наук Сабиров А.Т.,

кандидат исторических наук Татыбаев А.С.,

кандидат исторических наук Зикруллаев М. Ф.

Техническая редакция:

Руслан Багапов

Редактор: Шахназарова Н.

Подписано в печать 09.04.2019 г.

Формат 148x210 мм, бумага офсетная, печать офсетная

Гарнитура: Times New Roman

Тираж 300 шт.

Договор № 76 от 01.04.2019 г.

Издательство «NAVRO`Z»

г. Ташкент, ул. Амира Темура, 19

Отпечатано ЧП «PRINT FORM»

г. Ташкент, ул. Мустақиллик, 79/171

ISBN 978-9943-5622-0-2

9 789943 562202